

Е. Н. Якубова

ВОПРОСЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ
В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1848 ГОДА И ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

ИНСТИТУТ ОРГАНИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
И ИСТОРИИ МЕДИЦИНЫ ИМЕНИ Н. А. СЕМАШКО
МИНИСТЕРСТВА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ СССР

Е. Н. Якубова

ВОПРОСЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1848 ГОДА И ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МЕДИЦИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МЕДГИЗ — 1958 — МОСКВА

АННОТАЦИЯ

Книга посвящена вопросам здравоохранения во Франции в период революции 1848 г. и Парижской коммуны.

В первой части книги освещается состояние медицины в период июльской монархии.

Вторая часть относится к периоду революции 1848 г. и посвящена теории социальной медицины социалистов-утопистов как главных деятелей медицины того периода.

В третьей части книги находит освещение политика Парижской Коммуны в области охраны здоровья трудящихся с тенденцией и принципами социалистического здравоохранения как первая попытка их реализации.

Работа написана на основе материалов французской периодической печати за 1832—1876 гг.

Книга предназначена для врачей всех специальностей.

ВВЕДЕНИЕ

Предметом настоящего исследования является освещение проблемы охраны здоровья трудящихся во Франции в период революции 1848 и 1871 гг.

Проблема охраны здоровья трудящихся была выдвинута уже революционерами XVIII века. Выдающийся деятель французской буржуазной революции Жан Поль Марат, врач по профессии, в августе 1789 г. так формулировал свои требования:

«Общество должно тем своим членам, которые не имеют никакой собственности и чей труд лишь едва удовлетворяет их нужды, предоставить возможность питаться, одеваться иметь приличное жилище, быть обеспеченными во время их болезни и старости, иметь средства воспитывать своих детей»[1].

Своей остроты проблема охраны здоровья трудящихся масс достигает тогда, когда эксплуатация человека человеком получает законченную форму, именно в эпоху капитализма. Если эпоха первоначального накопления капитала, по словам Маркса, «вписана в летописи человечества пламенеющим языком меча и огня»[2], то капиталистическое общество в целом охарактеризовано им «как грандиозное учреждение для эксплуатации громадного большинства народа незначительным, постоянно сокращающимся меньшинством»[3].

В связи с этим ширится, растет борьба непрестанно увеличивающегося в численности пролетариата, временами перерастая в вооруженные восстания.

Бурные революции 1830 и 1848 гг. подтвердили правильность положения марксизма о революциях как «локомотиве истории». Они наглядно показали борьбу классов как основу развития и движущую силу общества.

Июньское восстание рабочих в 1848 г. было первой сознательной пролетарской битвой. Парижская Коммуна 1871 г. была уже зародышем нового социалистического типа государства. После разгрома Парижской Коммуны, на грани XIX и

---

[1] Цит. по журналу «Revue de la nouvelle médicine». 1953, N. 1, p. 5.
[2] К. Маркс. Капитал. Т. 1, М., 1949, стр. 720.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. XV, стр. 442—443.

XX веков капитализм вступил в свою последнюю стадию — империализм—«канун социальной революции пролетариата» [1].

В соответствии с характером изучаемой эпохи вопросы здравоохранения были нами детально изучены по французской общей и специальной периодической печати 1832—1871 гг.[2]. Периодическая печать дает возможность исследователю революционных эпох уловить в ее богатстве и многообразии различные социально-политические группировки, лишь формирующиеся или уже определившиеся.

Этот путь оказался наиболее целесообразным для изучения революций 1848 и 1871 гг. в связи с отсутствием в доступной нам литературе трудов, обобщающих их опыт и достижения в области постановки медицинского дела.

Материал, почерпнутый из французской периодической печати, лишний раз подтверждает то положение, что буржуазия не стремится к действительному оздоровлению труда и быта трудящихся. Поэтому те мероприятия, которые она вынуждена провести в области охраны здоровья трудящихся, нередко превращаются в формы добавочной эксплуатации.

Факты общественной и политической жизни Франции 1848 и 1871 гг., полученные в результате ~~нашего~~ изучения французской периодической печати, свидетельствуют о революционном происхождении социального направления в медицине, стремившегося к созданию системы, медицинского обслуживания широких масс.

Материалы периода 30—40-х годов XIX столетия, обобщенные в первой части нашего исследования, непосредственно показывают, что новая система эксплуатации, с одной стороны, приравнивала положение врача к положению пролетария, с другой—развращала его конкуренцией и наживой, превращая врача в дельца и даже шарлатана. Отсюда расслоение врачебной массы на множество групп, из которых одни связывали свои интересы с интересами рабочих, другие были менее радикальны, но все же стояли за более или менее решительные социальные реформы в области медицинского дела, и, наконец, третьи являлись откровенными слугами буржуазии, заинтересованными в сохранении существующего положения. В интересах буржуазии было создать во всех областях государственности и экономии, культуры и быта такие условия, которые не дали бы возможности трудящимся освободиться от гнета эксплуатации. Во Франции характерен в этом направлении закон Ле Шапелье (Le Chapelier, 1792), запрещавший какие бы то ни было ассоциации и объединения рабочих.

В связи с этим и охрана здоровья трудящихся в буржуазной Франции выливалась в формы особой системы самоза-

---

[1] В. И Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма. Сочинения. Изд. 4-е, т. 22, стр. 182.

[2] См. литературный указатель.

щиты буржуазии: энергично проводились санитарные мероприятия. Что же касается лечебной помощи трудящимся, то она была рассчитана только на то, чтобы поддерживать рабочего в состоянии работоспособности для доставления прибыли буржуазии, переместив при этом большую долю тягот на плечи добровольной частной и общественной благотворительности. Свои «благодеяния» буржуазия обязательно сопровождала широковещательными декларациями о своих заботах по отношению к рабочим.

Наука с развитием капитализма получала относительный простор для своего развития. Этого требовала промышленность и усовершенствование способов производства, расширение рынков, капиталистическая экспансия в другие страны света. Все это вызвало бурное развитие естественных наук, в том числе и медицинской. Именно в эпоху усиленного развития капитализма в науке имели место великие открытия— учение о клетке, теория эволюции и, наконец, говоря словами Фридриха Энгельса, тождество сил природы, положившее конец всякой неподвижности категорий»[1].

Однако этот вывод Энгельса отнюдь не является выражением господствующей идеологии эпохи капитализма, а, наоборот, принадлежит уже зарождающейся в его недрах новой социалистической формации и ее культуре.

В области науки и философии капитализм в ту пору должен был маскироваться позитивизмом, названным Лениным «профессорским шарлатанизмом»[2]. Позитивизм, обоснованный Огюстом Контом (Auguste Conte) в 40-х годах XIX столетия, в годы начала борьбы поднимающегося пролетариата против буржуазии был провозглашен буржазными учеными теоретической основой официальной науки. Вот как высказываются об этом сами французские ученые: «Позитивизм — это реакция здравого смысла против бесплодных политических битв своей эпохи и их никчемной идеологии»[3].

В вопросе развития науки следует различать две стороны. С одной стороны, наука открывает законы объективной, вне нас существующей реальности внешнего мира. Научные открытия служат всему человечеству независимо от той или иной социально-экономической формации, возникающей в ходе развития производительных сил. С другой стороны, в науку входит гносеологическая часть; наука своими открытиями дает материал для построения всевозможных философских концепций. Другими словами, научные открытия равно могут быть использованы и используются для построения той или

---

[1] Ф. Энгельс. Диалектика природы. М., 1952, стр. 160.

[2] В. И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. Сочинения. Изд. 4-е, т. 14, стр. 323.

[3] G. Hanotaux, Histoire de la nation française. T. 14, Histoire des siences en France, p. 521.

иной системы взглядов, будь это та, в которой заинтересован господствующий класс, или та, которая представляет собой идеологию класса, борющегося за свое освобождение.

Действительно Ф. Энгельс связал указанные три великих открытия в естествознании единым идейно-методологическим основанием диалектического материализма. «Теперь вся природа простирается перед нами как некоторая система связей и процессов, объясненная и понятая по крайней мере в основных чертах»[1].

Представитель буржуазной идеологии Р. Вирхов (R. Virchow), стоявший на позициях механистического материализма, не смог увидеть методологическое единство этих трех открытий. В эволюционной теории Дарвина он усматривал наступление идей социализма, сделался принципиальным ее противником, стоял за изгнание дарвинизма из преподавания. Вирхов создал теорию автономии клетки и рассматривал живой организм как федерацию автономных государств—клеток, а учение об единстве организма объявил баснословным.

Вирхов как ученый на базе огромного клинико-экспериментального и лабораторного материала создал свое учение — целлюлярную патологию. Это учение сыграло прогрессивную историческую роль при решении вопроса — является ли медицина наукой или только искусством. Им Вирхов подвел прочное естественно-научное основание под медицину и был справедливо признан ее реформатором.

Но Вирхов как носитель буржуазной идеологии создал и произвольную теорию, где с позиций патологической анатомии обосновал идею стабильности буржуазного государства, неизменно раз и навсегда данного.

Один из крупнейших ученых экспериментаторов Франции Клод Бернар, поднявший значение эксперимента в физиологии и сделавший ряд открытий объективных истин, вне и помимо нас существующих, все-таки как представитель буржуазной идеологии, ограничился лишь констатацией обусловленности жизненных явлений физико-химическими процессами и совершенно отказался от философских обобщений, «которые приведут к абсурдному и лишенному смысла материализму»[2].

Вот пример характерного для буржуазной науки разрыва между методом и материальным результатом исследования, с одной стороны, и теоретическими обобщениями — с другой: теория приспособляется к господствующей идеологии.

В области медицинской науки, все более обогащавшейся новыми открытиями — диагностических методов, наркоза, антисептики и асептики, точного физиологического эксперимента, в связи с особой общественной обстановкой переломного 1848 г.

---

[1] Ф. Энгельс. Диалектика природы. М., 1952, стр. 157.
[2] Cl. Bernard. La Science expérimentale. Paris. éd. 2-me, 1878, p. 127.

шли подлинные идеологические бои, содержание которых изложено во второй части нашего исследования.

Для июльской монархии характерны анархия и дезорганизация в медицинских учреждениях, отсутствие единства и связи между наукой, преподаванием и врачебной практикой.

Развитие капитализма после буржуазной революции 1789 г. привело к соглашению между собой классов-антагонистов — буржуазии и аристократии — во имя общей борьбы с революционным движением и рабочим классом.

В области идеологической борьбы это привело к созданию различных реакционных идеалистических философских и историко-философских систем.

Во Франции начало века в этой области окрашено творчеством идеалистов-мистиков: Шатобриана (Chateaubriand) и Жозефа де Мэстра (Joseph de Maistre) — теоретиков клерикального и монархического деспотизма. Из Германии просачивается натурфилософия и гегельянство. Во Франции гегельянство в своеобразной смеси с платонизмом и картезианством насаждается Кузеном (Cousin), объявившим войну материализму.

«Мы знаем теперь,— писал Энгельс о гегельянстве,— что царство разума было всего лишь идеализированным царством буржуазии; что вечная справедливость осуществилась в виде буржуазной юстиции; что равенство свелось к равенству граждан перед законом; что одним из существеннейших прав человека провозглашена была... буржуазная собственность» [1].

В науке культивировались идеи односторонней и механической эволюции, которая должна была научно обосновать положение, что всякая революция противоестественна.

Поэтому в академических схватках, разыгравшихся в 30-х годах во Французской академии наук между ламаркистом Жофруа Сент-Илером (Geoffroy Saint-Hilaire) и представителем псевдореволюционной теории формирования видов Кювье (Cuvier), официально победа остается за католиком Кювье — гонителем всех независимых талантов по приказам сверху [2]. Поэтому крупнейший естествоиспытатель коммунист Распайль (François Raspail), помогавший Сент-Илеру в этом споре своими микроскопическими исследованиями, попадает в тюрьму, его лишают присужденной ему ученой премии имени Монтиона (Montyon), открытия его замалчиваются, узурпируются другими учеными, которые делают их во второй раз, оправдываясь неудобностью ссылаться на Распайля по причине его политической неблагонадежности.

Когда стали возникать различные социалистические учения домарксовского социализма, то в них нашли себе место

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. XV, стр. 508.

[2] Fr. Raspail. Nouveau système de chimie organique. Paris, éd. 2-me, 1838, p. 18.

и вопросы организации медицинского дела, различные системы охраны здоровья населения.

Французские врачи социалисты-утописты считали, что социальный строй должен покоиться на законах, благоприятствующих физическому и моральному развитию населения. «Только социальная физиология и естественно связанная с ней гигиена дают положительные основы, на которых можно построить требуемую современным состоянием цивилизованного мира систему общественных организаций...» [1]. Отсюда они делали вывод, что законодатель и правитель государства должен быть обязательно врачом.

В революцию 1848 г. были выдвинуты на первый план идеи общественного направления медицины и создания форм государственной охраны здоровья широких масс. Казалось, что перед медициной раскрылась эра расцвета, когда ей суждено «облагодетельствовать» человечество.

Но утопический социализм потерпел крах в период революции 1848 г., потому что делал ставку на «доброго» капиталиста и не разглядел в рабочих той общественной силы, которой принадлежит гегемония в будущем.

Вместе с крахом утопического социализма потерпели крах и все проекты «социалистической» медицины, что и показано в части II нашего исследования. Врачи социалисты-утописты, именовавшие себя «социалистической демократией», в феврале 1848 г., воодушевленные иллюзорным лозунгом «братства», выдвинули требования организации медицинской помощи для широких масс населения, а в июньские дни кровавого разгрома революции трусливо предали интересы рабочего класса.

Но утопический социализм сыграл свою историческую роль. Критикуя и проклиная «власть денег», социалисты-утописты, врачи и не врачи, вербовали врагов капитала, ускоряли его гибель, проповедовали социализм и его грядущее торжество.

Политическая ситуация февраля — июня 1848 г. во Франции повторилась в нашей стране в феврале — октябре 1917 г., когда буржуазия сделала попытку захватить власть. Это было отмечено В. И. Лениным в ряде его статей.

Так, в апреле 1917 г. В. И. Ленин писал:

«Французский социалист Луи Блан в революцию 1848 года печально прославил себя тем, что с позиции классовой борьбы перешел на позицию мелкобуржуазных иллюзий, прикрашенных фразеологией якобы «социализма», а на деле

[1] De la physiologie et son application à l'amélioration sociale (О физиологии и ее применении к социальному усовершенствованию), статья неизвестного автора из сборника сен-симонистов: «Opinions litéraires, physiologiques et sociales». Цит. по Г. В. Плеханову «К развитию монистического взгляда на историю», Сочинения. Т. VII, М., 1928, стр. 109.

служащих лишь укреплению влияния буржуазии на пролетариат. Луи Блан ждал помощи от буржуазии, надеялся и возбуждал надежды, будто буржуазия может помочь рабочим в деле «организации труда» — этот неясный термин должен был выражать «социалистические» стремления.

Луиблановщина одержала полную победу в «социал-демократии» правого фланга, партии ОК, в России»[1].

После победы Великой Октябрьской социалистической революции в России некоторые врачи, отвергавшие советский строй, открыто выступали против принципов советского здравоохранения. Среди них были члены прогрессивного в свое время Пироговского общества. Многие из тех, кто вел борьбу по традиции, продолжая противопоставлять себя как общественную организацию государству и потому противившиеся тому, чтобы здравоохранение стало государственным, постепенно изменили свои позиции и одни раньше, другие позднее искренно и лойяльно «перешли на сторону советской власти. Они поняли, что в социалистическом обществе отход медицины от государственной власти еще раз подчеркивал бы узкую врачебную замкнутость, корпоративность и желание обособиться от народа — хозяина советской страны»[2].

Раздавив восстание рабочих в июне 1848 г., французская буржуазия начала заигрывать с рабочими, приманивая их обещаниями благодеяний, исходящих как бы от нее. Широко было оповещено через печать о создании сети бесплатных медицинских консультаций, о поощрении касс взаимопомощи в целях получения доступной медицинской помощи и о различных филантропических мероприятиях.

В действительности, ловко маневрируя, буржуазия незаметно подменила разговоры о государственной системе медицинской помощи мерами так называемого «общественного призрения» полумуниципального, получастного благотворительного характера. Никогда не было во Франции такого обилия различных религиозных и религиозно-нравственных обществ и конфедераций, владевших каким-нибудь лечебным учреждением, яслями, больницей, богадельней и т. п., чем в наступившую эпоху, когда была восстановлена «цезаристская монархия в особенно гнусной форме»[3]. В их руках сосредоточилось большое количество «медико-социальных» (термин того времени) организаций и учреждений. Все они вели пропаганду католичества и находились под прямым покровительством Наполеона III.

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения. Т. 24, стр. 15.

[2] М. И. Барсуков. Великая Октябрьская социалистическая революция и организация советского здравоохранения (октябрь 1917 г. — июль 1918 г.). М., 1951, стр. 28.

[3] В. И. Ленин. Сочинения. Т. 25, стр. 76.

Этими мерами общественного призрения и втягиванием рабочих в самострахование через ассоциации правительство подменяло собственно здравоохранение и стремилось оторвать трудовые массы от борьбы за социальные преобразования. Но эти предательские маневры буржуазии не могли обмануть рабочий класс. Рабочие не могли забыть поражения революции 1848 г. и жестокой расправы буржуазии, момента, когда и начался исторический успех социалистического движения, проникновение его идей в массы. Рабочие понимали, что буржуазия не могла и не хотела из страха потерять свои прибыли идти на какие-нибудь расходы на дело медицинского обслуживания трудящихся, на дело подлинной охраны труда.

Слабая постановка медицинского дела во Франции в эпоху Второй империи отчетливо обнаружилась в состоянии медико-санитарной службы в действующей армии во время крымской войны.

Уже с июля 1854 г. во французских войсках распространилась холера, к которой вскоре присоединились брюшной тиф, дизентерия и малярия. Госпитали были переполнены, больные страдали от недостатка медикаментов [1], полного отсутствия профилактики [2].

Обобщая информацию, поступающую от врачей действующей армии в первые месяцы войны, парижская медицинская пресса приходила к печальному выводу: «Солдаты убиты, не видев битв... Порох молчал, свирепствовала болезнь» [3].

Согласно отчету главного врача Санитарного совета Шеню (Chenut) о медико-санитарном обслуживании армии и санитарном состоянии госпиталей и лазаретов Франции во время крымской кампании, опубликованному им отдельной книгой в 1865 г., во французских госпиталях и лазаретах за 1854—1857 гг. умерло 95 615 человек при численном составе французской сухопутной армии в 309 268 человек.

Приводя более низкие данные по английским госпиталям, а именно—22 182 умерших на численный состав сухопутной английской армии в 97 864 человека, доктор Шеню констатировал, что гигиенические условия, в которых находились английские раненые до и после ранения, были гораздо благоприятнее для выздоровления, чем условия, которые окружали французских солдат [4].

Внимание буржуазии всех стран привлекала разработка санитарных норм и мероприятий в интересах самой же буржуазии. Наиболее ярко это видно на примере Англии. Если по санитарному благоустройству Англия к концу XIX столетия

[1] Gazette médicale de Paris, 1854, N. 36.
[2] Там же. 1854, № 41.
[3] Там же. 1854, № 39.
[4] Там же. 1865, № 12 (Рецензия Жюля Герена на книгу Шеню).

вышла на первое место, то в деле медицинской помощи эта страна характеризуется полной безучастностью государства, возведенной в принцип. Лечиться, улучшать свое здоровье есть личное дело каждого: «народ не следует поощрять к заболеваниям через уверенность в бесплатном лечении за счет государства»[1],— гласил ответ правительства, отклонившего проект реформы медицинского обслуживания в 1874 г. В силу этого принципа в Англии до 1929 г, действовал закон о бедных — the Poor-Law, тот самый закон, который, по словам историка здравоохранения Вильяма (William), «не имеет себе равного по примитивности и бессердечности во всей английской социальной истории»[2].

Для Франции период между революциями 1848 г. и 1871 г., период Второй империи, был, по словам Энгельса, периодом эксплуатации Франции «шайкой политических и финансовых авантюристов»[3].

Но к этому времени рабочие уже понимали, что промышленность в руках капиталистов является не источником благосостояния населения и культуры, а ведет к истощению и вырождению трудящихся. Так возник перед рабочими вопрос о захвате политической власти для предотвращения своего физического и умственного вырождения.

Опыт прошлого показал, что разрозненность усилий рабочего класса разных стран в деле своего освобождения ведет к поражению. Стремление к объединению рабочих всех стран привело к основанию Международного Товарищества Рабочих (1864).

Гениальные основоположники марксизма и создатели I Интернационала Маркс и Энгельс указали в своих трудах на прямую зависимость состояния физического развития трудящихся и их преждевременного вымирания от капиталистической эксплуатации[4].

Парижская Коммуна на другой же день после победы, когда власть перешла к рабочему классу, приступила к практической реализации охраны здоровья трудящихся масс и положила начало социально-профилактическому направлению медицины.

Охрана здоровья трудящихся масс есть закономерное следствие победы пролетариата. Анализу достижений Парижской Коммуны в этой области посвящена III часть настоящего исследования. Именно этот новый тип государства, по-

---

[1] H. William. A century of Public Health in Britain (1832—1929). London, 1932.

[2] Там же.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. I, М., 1948, стр. 436.

[4] См. И. А. Пашинцев. К. Маркс и Ф. Энгельс о социальных основах здравоохранения. М., 1952, стр. 97.

рожденного пролетарской революцией, и явился единственно надежной основой для создания охраны здоровья трудящихся.

То, что Парижская Коммуна успела реализовать в области здравоохранения, и самое направление предпринятых ею мероприятий носили характер актов народного, рабочего правительства. Коммуна не успела закрепить своих начинаний и была потоплена в море крови.

Построение действительной системы охраны здоровья трудящихся было достигнуто впервые в стране, построившей социализм,— в СССР.

Советское здравоохранение, основанное на марксистско-ленинской методологии, явилось первой в мире системой социалистического здравоохранения, где самая организация обслуживания трудящихся, медицинское образование и медицинская наука представляют собой неразрывное и гармоническое единство теории и практики.

Предшественниками в революционной борьбе, а следовательно, и в первом опыте организации охраны здоровья трудящихся являются коммунары, французские революционеры 1871 г.

ЧАСТЬ I
ПЕРИОД ИЮЛЬСКОЙ МОНАРХИИ (1830—1848)

Французская революция конца XVIII века привела к власти буржуазию, использовавшую пролетариат как «ломовую силу революции»[1].

«Когда было свергнуто крепостничество,— писал В. И. Ленин,— и на свет божий явилось *«свободное»* капиталистическое общество,— сразу обнаружилось, что эта свобода означает новую систему угнетения и эксплуатации трудящихся»[2].

Всю первую половину XIX века буржуазия вела упорную борьбу на два фронта: со своим еще недобитым противником — дворянством, сходившим с исторической арены, и с рабочим классом.

В период реставрации во Франции в недрах народных не прекращалось глухое брожение, которое питало подпольную революционную деятельность, организацию различных тайных обществ (sociétés secrètes) по всей стране.

Подпольная борьба перешла в революцию 1830 г. В жестоких боях 27—29 июля во Франции было покончено с абсолютизмом. И на этот раз пролетариат был использован в качестве «ломовой силы». Торжествовала буржуазия, сбросившая с себя остатки феодальных оков и получившая возможность дальнейшего развития.

Июльской революцией 1830 г. буржуазия закрепила свою победу над давним своим противником — феодальным дворянством.

«Отныне господствовать будут банкиры»,— приводит К. Маркс слова одного из представителей крупной буржуазии в книге «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.»[3].

Действительно, чтобы удержать за собой власть, июльская монархия должна была обставлять себя буржуазными учреждениями и укреплять капитализм. Фактически на троне восседала буржуазия, превратившая правительственную власть

---

[1] И. В. Сталин. Сочинения. Т. 5, стр. 121.

[2] В. И. Ленин. Сочинения. Изд. 4-е, т. 19, стр. 7.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. I, М., 1948, стр. 111.

в «комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии»[1].

Но сама буржуазия не была однородной. Шла борьба между отдельными ее фракциями — господствовавшей при июльской монархии финансовой буржуазией и все усиливающейся и все более влиятельной промышленной буржуазией.

Промышленная буржуазия была в оппозиции и вела борьбу за расширение своих прав и снижение избирательного ценза. В этой борьбе к ней примыкала мелкая буржуазия: лавочники, мелкие собственники и предприниматели, средние и низшие слои чиновничества, служащие и агенты частных предприятий, буржуазная интеллигенция — врачи, профессора, писатели и журналисты.

К этой же борьбе в решающие моменты буржуазия привлекала и рабочих. Но после победы, одержанной при их помощи, она неизменно оттирала рабочих на задний план. Однако такие маневры не могли пройти бесследно и безнаказанно: революционные битвы 1830 г., восстания и стачки последующих лет приводили все более и более к формированию классового самосознания рабочих.

Капиталистическое общество характерно своими непримиримыми противоречиями, порожденными безудержной конкуренцией и анархией производства. Само собой разумеется, что медицинская практика и положение врача стали отражением того же закона капитализма.

Глава I

АНАРХИЯ В МЕДИЦИНЕ. ПОЛОЖЕНИЕ ВРАЧА

Постановка медицинского дела во Франции в первой половине XIX века была поистине плачевной, а положение врача почти бесправным. Во Франции фактически не существовало тогда медицинского законодательства. Было лишь несколько наспех составленных в качестве временных и не связанных между собой постановлений времен Наполеона I и реставрации, в рамки которых надо было втиснуть все многообразие медицинской деятельности.

В 1802 г. были созданы в Париже санитарные советы, которые должны были заниматься вопросами физического развития населения и санитарного состояния города.

В 1805 г. учреждена должность врача по наблюдению за эпидемическими болезнями в каждом округе.

В 1810 г. был издан закон о санитарном надзоре за промышленными учреждениями в интересах «охраны обществен-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. I, М., 1948, стр. 11.

ного здоровья», где, между прочим, о здоровье рабочих, занятых в промышленности, не было сказано ни слова.

В 1822 г. при Министерстве внутренних дел был создан Высший медицинский совет, функции которого не были уточнены и цель ясно не сформулирована.

Вопрос медицинского образования и врачебной практики просто висел в воздухе. Медицинское дело не имело никакого управления. Трудно себе представить то состояние хаоса, в котором оно находилось. Лозунг неограниченной индивидуальной свободы прикрывал анархию и произвол. Медицина была частным делом частных людей, поприщем личных сделок, купли и продажи.

Декретом от 16/VIII 1792 г. были упразднены университеты, все ученые общества, среди которых оказалось и Королевское медицинское общество (наименование медицинской академии в XVIII веке) и Хирургическая академия. Еще ранее, в апреле 1791 г., был издан закон, позволяющий каждому гражданину иметь какую ему угодно профессию без иной формальности, кроме получения на нее оплачиваемого им патента. Эти меры должны были привести к полному и решительному разрушению старой системы медицинского образования, засоренной схоластической рутиной.

Старый университет, где первенствовала теология, по сравнению с которой все остальные науки являлись второстепенными, выпускал привилегированного врача — члена узкой цеховой корпорации, отгораживающего себя от народа чуждым и непонятным латинским языком, претенциозностью одежды и напыщенностью речи. Революция 1789 г. разрушила до основания все здание старого общества, покоившегося на фундаменте всевозможных кастовых и корпоративных привилегий и институтов, связывавших переросшие их производственные отношения. С этой стороны она была благодетельна и для медицины истреблением в нем рутины и застоя, открытием новых широких перспектив.

Но вслед за тем торжествующая буржуазия «поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод *одну* бессовестную свободу торговли» и «не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана» [1].

На месте феодального врача буржуазия хотела видеть нового врача, своего платного наемного работника. Однако закон «свободной» буржуазной конкуренции был прежде всего использован шарлатанами. Безнаказанность недипломированной медицины привлекла к ней всякого рода дельцов возможностью легкой наживы на легковерии и невежестве населения.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. I, М., 1948, стр. 11.

По словам одного современника, тогда началась «настоящая вакханалия шарлатанства, безудержного и бесстыдного...» [1]. Общество оказалось наводненным продавцами секретных средств, врачами-мошенниками, фабрикантами ядов. В течение нескольких лет широко распространялись всевозможные объявления, афиши, плакаты, брошюры с сообщениями о чудесных средствах спасения здоровья и жизни. Этой дорогой пошли так называемые «малые хирурги», которых во Франции в то время было очень много и которые стали называть себя «оперирующими врачами» («medicins opérants»). Толпа самозванцев приносила огромный вред населению.

В 1794 г., когда понадобились образованные врачи для республиканских армий, в Париже и в некоторых других городах были открыты медицинские школы, получившие тогда наименование «школ здоровья» — écoles de santé. Эти школы в короткий срок подготовили для армии 300 врачей. По сравнению с медицинскими факультетами прошлого времени «школы здоровья» в отношении преподавания носили более прогрессивный характер. Именно в этих школах было положено начало практическому преподаванию у постели больного. Тогда впервые вдумчивый клиницист Корвизар (Corvisart) повел будущих врачей в палаты больницы Шаритэ (Charité), хирург Дезо (Desault) — в палаты Отель Дьё (Hotel-Dieu).

Учеником, а затем и профессором этой новой медицинской школы был и гениальный анатом Ксавье Биша (Xavier Bichat), в 26 лет получивший кафедру анатомии и экспериментальной физиологии. Его лекции, блестящие по стилю, законченно точные по епредаче мысли, расценивались современниками как классические образцы хорошего медицинского языка, точного, гибкого и ясного. Об его трудах, заложивших естественно-научные основы медицинской науки, академик Жюль Герен (Jules Guérin), лучший врач-журналист эпохи отзывался как о произведениях великого мастера.

«Биша, — писал Герен, — заслуживает выдающегося места среди великих французских писателей. В его языке вновь обретаешь язык Вольтера, Бюффона, Монтескье, Гельвеция и Кондорсэ...». «Общая анатомия» и «Исследования о жизни и смерти» должны быть отнесены к лучшим произведениям французской прозы. Эти сокровища науки, из которых современная французская медицина взяла все, что она знает, были завещены ей 30-летним молодым человеком, и эти шедевры были написаны карандашом на секционном столе» [2].

Несомненная польза «школ здоровья заключалась уже в том, что именно в них была объявлена равноценность хи-

[1] Réveillé-Parise. Le charlatanisme sous la première république française, Gazette médicale de Paris, 1848, N. 20 bis, p. 370—376.

[2] Fragments de littérature et de biographies contemporaines médicales, Gazette médicale de Paris, 1832, N. 4, p. 35.

ургии и терапии. Был положен конец постоянным спорам о первенстве между врачами-терапевтами, называвшимися медиками (médecins), и хирургами. Первенство одной или другой отрасли медицины было объявлено абсурдным.

Однако, несмотря на прогрессивность новой медицинской школы, очищенной от схоластики и стремившейся к конкретной практической основе, она не могла обеспечить должной полноты и глубины медицинского образования: обучение было кратковременным и курс рассчитан на подготовку главным образом военных врачей.

Консульский закон X года республики (май 1802 г.), предусматривающий организацию нового университета, ничего не изменил в недостаточном разрешении вопроса медицинского образования. И когда известный химик и физиолог Фуркруа (Fourcroys) представил Наполеону проект нового закона, то высказал следующие соображения по нарисованной им картине плачевного состояния медицинского дела в стране:

«Начиная с декрета 1792 г., упразднившего все университеты и научные корпорации, не было больше регулярных приемов врачей и хирургов. Полная анархия заменила собою прежнюю организацию. Все, кто изучали свою профессию, были смешаны с теми, кто не имел о ней никакого представления. Почти повсеместно патенты выдаются на равных основаниях тем и другим. Жизнь граждан оказывается в руках лиц, столь же хищных, сколь и невежественных. Не требуется никакого доказательства знания и умения. Царствуют эмпиризм самый опасный, шарлатанство самое бессовестное. Села и города в равной мере наводнены шарлатанами, которые раздают яды и с ними смерть самым дерзким образом, так что прежние законы не могут более этого сдерживать. Самые убийственные манипуляции заняли место искусства родовспоможения... Никогда не было столь многочисленных секретных средств, всегда столь опасных. Зло так велико, что ряд префектов попытались в своих департаментах помочь делу защиты от шарлатанства путем создания некоторого рода жюри для проверки людей, занимающихся врачебной практикой. Но это повело к еще худшим злоупотреблениям посредством взяточничества, и министр внутренних дел часто был вынужден отменять постановления префектов, произвольные и неправильные» [1].

Выход из создавшегося положения Фуркруа усматривал в создании единообразной системы приема и экзаменов для тех, кто желает посвятить себя врачебной практике.

По докладу Фуркруа Наполеоном был издан в 1803 г. закон, который существовал без изменения почти до самой ре-

[1] Gazette médicale de Paris, 1847, N. 8. Речь Министра народного образования Сальванди (Salvandi) в палате пэров при обсуждении проекта закона о медицинском образовании и врачебной практике.

волюции 1848 г. Закон 1803 г. декларировал необходимость высшего специального медицинского образования для получения звания врача, для чего восстанавливались медицинские факультеты и докторский диплом. Но закон не мог пресечь шарлатанства в медицине, коренившегося в самом капиталистическом строе.

Чтобы увеличить количество врачей, был узаконен второй, менее совершенный ранг медиков, так называемых офицеров здоровья, которых врачи прозвали «petits chirurgiens» («малые хирурги»). Офицеры здоровья могли совсем не проходить курсы школьного обучения. Шесть лет практики под руководством опытного врача или пять лет практики при больнице давали право испытаний на звание офицера здоровья, которое устанавливалось специальной комиссией того департамента, где стажировал желающий получить звание. За диплом он платил 200 франков. Правда, возможности дальнейшей самостоятельной практики врачей второго ранга были ограничены. Офицеров здоровья приписывали к тому департаменту, где они получили звание, и они не могли практиковать вне его пределов. Кроме того, им запрещались крупные хирургические операции и лечение сложных заболеваний; в таких случаях они были обязаны или привлечь для консультации дипломированного врача, или отказаться от лечения. Однако не было предусмотрено никаких мер контроля для соблюдения этих предписаний и ограничений. Больные обращались непосредственно к офицеру здоровья и на его личной совести лежало определить тяжесть заболевания и свою компетенцию в лечении.

Таким образом, врачебная масса оказалась искусственно слитой из двух рангов врачей, глубоко отличавшихся друг от друга, но не разграниченных рамками четкого медицинского законодательства. Последующие годы еще более углубили различия между ними. В 1823 г. была введена степень баккалавра наук как необходимое условие для получения докторского звания. Вместе с тем высшее медицинское образование становилось менее доступным благодаря большой затрате денежных средств, усилий и времени: за докторский диплом надо было уплатить 1100 франков, а стоимость всего обучения, включая получение степени баккалавра, равнялась 10 000 франков.

Между тем сравнительная легкость получения звания офицера здоровья с гораздо меньшей затратой денежных средств привлекала к нему различных ловких людей, менее заботившихся о приобретении медицинских знаний, нежели о присвоении себе известного звания, могущего прикрыть знахарскую или прямо неблаговидную шарлатанскую деятельность. Правда, часть офицеров здоровья постаралась поднять свою квалификацию до уровня образованного врача. Но в боль-

шинстве офицеры здоровья были довольно невежественны и во многом способствовали дискредитации врачебного звания.

Жалобы на отсутствие медицинского законодательства, на почти бесправное и нищенское положение французского врача, на запрет объединения в профессиональную корпорацию красной нитью проходят через медицинскую периодическую печать 30-х и 40-х годов прошлого века. Такая политика правительства вполне соответствовала характеру развившегося капиталистического строя.

Действительно, если мы проследим социальную историю Франции с конца XVIII столетия, то увидим следующую картину.

Использовав пролетариат как «ломовую силу» для ниспровержения правящей власти, буржуазия попыталась законодательным путем сковать пролетариат, стеснить возможности его борьбы за свои права. Так, закон Ле Шапелье (Le Chapelier) 1791 г. воспрещал всякие объединения рабочих, представляя их как величайшую опасность для общественного порядка, нарушение положений конституции, отменившей корпорации.

Врачи также расценивались как интеллигентная рабочая сила: буржуазии была не выгодна организация их в какое-либо объединение, крепкое своей экономической и моральной солидарностью.

По словам известного общественного деятеля и врача Герена, «между врачом и правящей властью не было никакой организации, заинтересованной в его защите, а лишь различные цепи политические и административные, предусмотрительно сплетенные для сохранения системы угнетения» [1].

Врачи, занимавшие должности в государственных и муниципальных медицинских учреждениях, были подчинены министерству внутренних дел через префектов полиции. Штатное содержание их было до смехотворности ничтожным, ибо министерство финансов заранее предполагало частную практику для пополнения бюджета врача. Таким образом, врача обрекали или на обязательное самообеспечение частной практикой в ущерб его обязанностям в больнице, или на нищету.

И если, находясь под жестокой опекой, страдая от нищеты, рабочий истощался физически, экономически и интеллектуально, то и честный врач за свой квалифицированный и тяжелый труд не имел перспективы обеспеченной старости.

Есть свидетельство русских ученых, современников, эпохи, о положении врача во Франции, подтверждающее выводы нашего исследования. Так, изучавший в то время состояние медицинского дела за границей русский врач лейб-медик М. Ф. Маркус, в труде «Государственная медицина или госу-

[1] Gazette médicale de Paris, 1848, N. 12, p. 211—212.

дарственное врачебноведение», опубликованном в 1847 г. на русском и французском языках, писал:

«Правда и преимущества врачей мало согласованы с достоинством их звания, и нигде не пользуются они достаточным доверием со стороны правительства. При сильной конкуренции лиц, занимающихся медицинской практикой в больших городах, при малом вознаграждении врача за его труд, сравнительно с потерей времени, которое он мог бы употребить на другое, более прибыльное занятие, не требующее ни тех знаний, ни тех способностей, ни того самоотвержения, которое требуется от врача,— его будущность и будущность его семейства едва ли разнятся от будущности пролетария» [1].

То же самое говорили и французские врачи, подводя итоги своего положения при обсуждении в 1834 г. в Медицинской академии желанного для них проекта врачебного законодательства. Они находили возможность говорить о «подлинном врачебном пауперизме», о том, что «голод является чаще всего причиной шарлатанства в эпоху, где все опирается на денежную систему» [2].

Естественно, что при таких условиях путь легкой наживы являлся соблазном для необеспеченных врачей, особенно для «малых хирургов», поставленных в значительно худшие условия. Имели место всякого рода превышения полномочий со стороны офицеров здоровья, аптекарей и акушерок, предлагавших больным лечение и выписку лекарств за более умеренный гонорар, нежели врачи.

Об этом имеется свидетельство другого русского врача К. А. Демонси, также изучавшего состояние медицины за границей и оставившего грустное описание упадка врачебного сословия:

«В Париже в 1836 г. было 909 126 жителей, а врачей 1220, т. е. 745 жителей на одного врача. В январе 1843 г. число врачей дошло до 1423.

Соперничество, возникающее от несоразмерности числа врачей числу больных, оказывает гибельное влияние и на искусство лечения, и на знание.

Нельзя без чувства горечи и сожаления смотреть на то, что делается в бедных многодетных частях города, где многие мелкие медики очень мало заботятся о средствах, желая только достигнуть цели... прибегают к средствам неприличным для достоинства врача и даже противным совести» [3].

---

[1] М. Ф. Маркус. Государственная медицина или государственное врачебноведение, I отделение, Врачебное устройство, СПБ, 1847. Цит. по рецензии в «Отечественных записках». Т. LI, 1847, стр. 107—108.

[2] Gazette médicale de Paris, 1834, N. 13.

[3] К. А. Демонси. Взгляд на преподавание медицины и на врачебную практику во Франции. Записки по части врачебных наук. 1844, кн. II, стр. 109—110.

Кроме того, врачи были принуждены получать патент наравне с ремесленниками и мелкими торговцами: парикмахерами, парфюмерами, кожевниками, тряпичниками и пр.

Этот факт приравнивания врачебной профессии к доходным предприятиям цинически отрицал ее гуманную сущность.

Патент не требовался для лейб-медиков короля, врачей королевских театров, больниц, врачей, служивших в министерстве внутренних дел или торговли. Фискальное мероприятие било по самой необеспеченной части врачей, врачей без имени, положения, связей, врачей-пролетариев, доход которых по подсчетам того времени едва равнялся 200 франкам в год. Таких молодых врачей, наспех обученных, выпускали ежегодно из медицинских школ без всякого учета и контроля, без всякой гарантии получения работы, беспомощных в практической жизни.

Среди врачей, как и повсюду, политикой наград и протекционизма всякого рода правительство Луи-Филиппа стремилось создать привилегированную верхушку, своеобразную профессиональную буржуазию (la bourgeosie du métier).

Корыстные цели, выдвинутые на первый план, породили в ту пору во Франции своеобразный медицинский «индустриализм», особенно в хирургии.

В ежемесячнике «Revue scientifique et industrielle» находим любопытный обзор состояния медицинской науки в Париже. Автор статьи, известный в свое время открытиями в области фармацевтической химии, владелец большой аптеки, доктор медицины Кенвилль (Queneville) вскрывает вредные тенденции в медицинской науке: «Иссяк дух исследования и, мельчая, она стремится по пути одного технического усовершенствования. Отсюда „хирургическая лихорадка"... Еще недавно было мало хирургов, теперь же они кишмя кишат».

«Врачи,—пишет далее Кенвилль,—выбирают себе эту узкую специализацию потому, что при лечении хирургических заболеваний можно не руководствоваться никакой теорией, хотя эта часть медицины имеет свои сложнейшие и трудно разрешимые проблемы, требующие большой и вдумчивой работы. Но не с этой точки зрения к ней подходят. Для врачей теперь хирургия — это искусство ловко и быстро оперировать, и чем быстрее и более ловко, тем лучше. Никаких обсуждений; показаний достаточно, если операция выполнима технически; шансы больного на выздоровление не интересуют врача, важно лишь, чтобы операция была в интересах хирурга.

Поэтому, совершенствуя технику хирургии, разучились размышлять и притупили моральное чувство. А это создало в медицине новое явление — „медицинский индустриализм"[1].

Н. И. Пирогов, посетивший Париж в 1838 г. с научной

[1] Revue chirurgicale. Extrait de la revue scientifique et industrielle du docteur Quesneville, 1841, p. 2.

целью, также свидетельствует о том, что увлечение французских хирургов техникой неизбежно вызвало регресс в разработке научных основ хирургии: «...сама хирургия не имела ничего общего с анатомией»[1]. И если в Германии знаменитый «Диффенбах просто игнорировал анатомию и подшучивал над положением разных артерий», то и во Франции почти то же можно сказать об Амюсса. Амюсса утверждал на лекциях и в других выступлениях, что мочевой канал у мужчин имеет совершенно прямое направление. Пирогов попытался его убедить в противном, предложив публичный диспут на лекции. Амюсса продолжал упорствовать даже после блестящей демонстрации Пироговым своих препаратов в присутствии многих врачей[2].

Таким образом, научный метод решения хирургических вопросов на основе анатомии французские хирурги узнали от Н. И. Пирогова.

Явление «медицинского индустриализма» было тесно связано с другим порождением капитализма, именно с азартным увлечением «специальностями».

Дело в том, что открытие какого-либо специального способа лечения находилось только в руках изобретателя, запатентовывалось и охранялось законом. Патент выдавался его изобретателю на определенный, требуемый им срок в 5—10—15 лет, в течение которого никто не мог применять нового метода лечения. Финансовые органы имели от этого определенную выгоду, потому что такой патент облагался налогом, размер которого исчислялся в зависимости от срока. В конечном счете за это расплачивалось население, так как чем больше был налог, тем выше поднимал оплату своего лечения врач-изобретатель. Прочие же врачи должны были ожидать истечения срока патента или изобретения нового способа лечения.

Открытия превратились даже в предмет азортной игры. Между врачами вошли в моду всевозможные денежные пари; спорили — кого лишит выгод патента следующее новое открытие. Пари доходили до 10 000 франков.

Появилось множество различных «врачей-специалистов»; были литотимисты, литотрипсисты, целители рака путем операций, целители рака путем применения едких снадобий, целители компрессами, целители кожных заболеваний ваннами и «специалисты» по различным ваннам: паровым, ароматическим, «восточным», желатиновым и т. д.

«Слово „специальность" во Франции в большом ходу, — писал уже упоминавшийся нами Демонси, — это девиз, избираемый очень часто ремесленниками, купцами и учеными.

---

[1] Н. И. Пирогов. Севастопольские письма и воспоминания. М., 1950, стр. 359.

[2] Там же. Стр. 411.

Шарлатаны делают постыдные злоупотребления, благодаря пристрастию общества к специальностям»[1].

Обо всех этих печальных явлениях свидетельствуют письма Н. И. Пирогова на имя Совета Дерптского университета, от которого он получил научную командировку в Париж. Особенно поразило Пирогова распространение врачебных «специальностей» и монополий. Например, литотрипсию захватили 2—3 хирурга, главным образом Сивиаль (Sivial).

«Очень грустно, — писал Пирогов, — что в целом Париже только Сивиаль имеет небольшое отделение в госпитале Неккера. ...Французы собственно могут делать для распространения литотрипсии гораздо больше, чем они сделали до сих пор. Это искусство выиграло бы гораздо более, если бы профессора почаще занимались им практически в госпиталях в присутствии слушателей. Благодаря этому несчастные споры, которые до сих пор ведутся о преимуществах или недостатках того или иного метода, давно были бы решены, целые горы совершенно бесполезных инструментов были бы выкинуты из арсенала хирургии...литотрипсия гораздо более выиграла бы, если из рук врачей, исключительно себе ее присвоивших, она распространилась среди всех хирургов вообще. Ее действительное значение, которое бог знает по каким причинам не понимается и извращается некоторыми господами литотритерами, выявилось бы благодаря ее общему распространению среди хирургов»[2].

И Пирогов сделал общий вывод о мировом центре буржуазной культуры: «Париж как в медицинском, так и в других отношениях — город спекуляции, а следовательно, и шарлатанства»[3].

Другой выдающийся русский хирург П. А. Дубовицкий, посетивший Париж в ту же пору, что и Н. И. Пирогов, был свидетелем дискуссии между приверженцами старого кровавого метода камнесечения и изобретателями новых методов камнедробления (литотрипсия), бурно разыгравшейся во Французской медицинской академии в 1835 г.

Дискуссия сопровождалась неблаговидными приемами фальсификации в печати статистических данных и высказываний противников.

В своей диссертации «Точное воспроизведение дискуссии о камнедроблении и камнесечении, имевшей место в Королевской медицинской академии в Париже в 1835 г.» П. А. Дубовицкий наглядно показал этот «медицинский индустриализм», доведенный до виртуозного блеска, с одной стороны, но и до

---

[1] К. А. Демонси. Взгляд на преподавание медицины и на врачебную практику во Франции. Записки по части врачебных наук. 1844, кн. II, стр. 110—111.

[2] ЦГИА Эстонской ССР, фонд 402, ед. хр. 2526, л. 55. Письмо Н. И. Пирогова от 1/VI 1838 г. на имя Совета Дерптского университета.

[3] Там же.

законченного бездушия — с другой. Дубовицкий издал свой труд в Париже на французском языке в 1835 г. с примечательной подписью автора на титульном листе: «П. А. Дубовицкий, русский врач» [1].

Пагубное увлечение «специальностями» толкало врачей на путь изощрения ремесленной техники и привело к оскудению живого потока большой творческой мысли.

Глава II

РАССЛОЕНИЕ ВРАЧЕБНОЙ МАССЫ

Расслоение классового общества находило свое отражение и во врачебной массе.

Если у одной части врачей преобладали буржуазные тенденции обогащения во что бы то ни стало, то другая часть революционизировалась и становилась в оппозицию к правящему меньшинству. Среди врачей происходило то же разделение, что и в политических партиях во Франции после июльской революции.

Буржуазные (так называемые трехцветные) республиканцы, группировавшиеся вокруг газеты «National» («Националь») [2], хотели установления республики без социальных изменений. Их оппозиция была пассивна, они ограничивались речами в парламенте, статьями в «National». Но была и активная фракция республиканцев. Эта фракция состояла из представителей социалистических и коммунистических течений, имевших значительное влияние среди французских рабочих. Фракция республиканцев была совершенно неоформленной организационно, разбивалась на множество отдельных групп и обществ, среди которых можно выделить два основных течения.

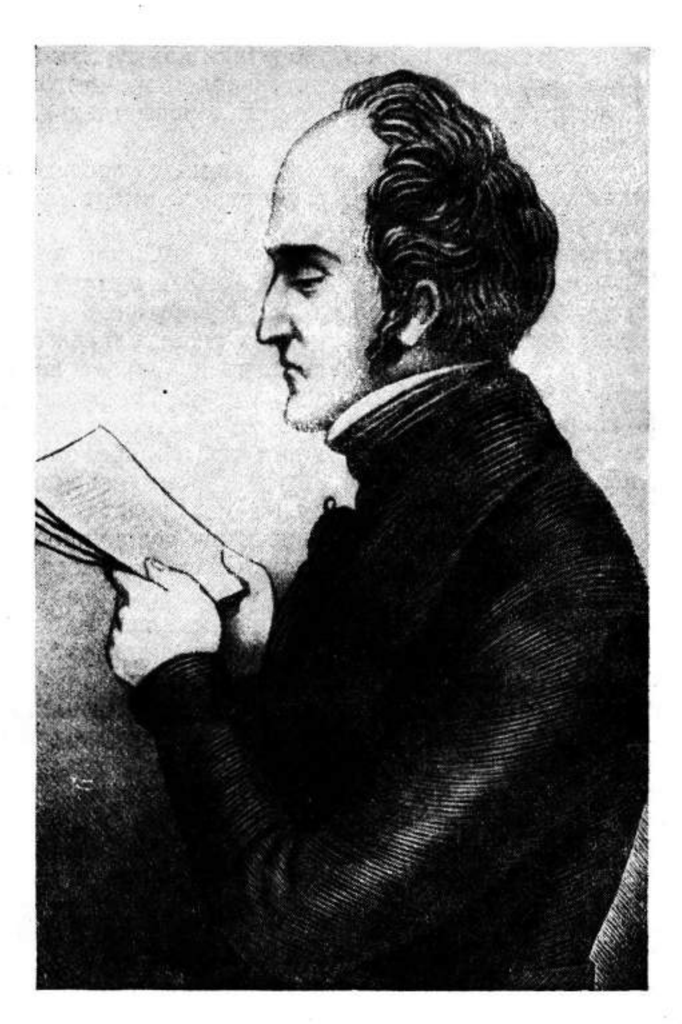
Первое течение — течение решительного революционного действия, захвата власти рабочими, воскресившее коммунизм Бабефа.

Фракция эта приняла красное знамя как символ «социальной» революции (как тогда называли социалистическую) в противовес трехцветному знамени буржуазной революции.

Если различные школы утопического социализма занимались только пропагандой своего учения, — эта фракция намечала революционный переворот как путь достижения желаемого равенства; члены ее называли себя коммунистами. Это был тот «плохо отесанный, чисто инстинктивный коммунизм»,

[1] Титульный лист работы П. А. Дубовицкого дан в переводе с французского языка.

[2] «National» — парижская республиканская газета, отражавшая интересы французской промышленной буржуазии.

Шарль Фурье (1772—1837).

о котором Энгельс писал в предисловии к английскому изданию Манифеста Коммунистической партии в 1888 г.[1].

Представителями этого течения были Огюст Бланки (Auguste Blanqui) и другие вожди тайных обществ, несколько раз пытавшиеся поднять рабочие восстания во Франции. Близко к ним стояли новейшие теоретики коммунизма Дезами (Dézamy) и Пийо (Pillot). Представителем же этого течения был и известный французский естествоиспытатель Франсуа Распайль.

Второе течение, состоявшее из мирных последователей различных школ утопического социализма, имело среди врачей много последователей.

Французские социалисты-утописты: Сен-Симон и сенсимонисты, Фурье и фурьеристы, Кабе (Cabet) и икарийцы[2]. Прудон и Луи Блан, как пишет о них Г. В. Плеханов, «расходясь между собой по многим вопросам, безусловно, были согласны в том, что общественная реформа предполагает не борьбу между классами, а их полное примирение. Прекрасно разбираясь в современных им общественных отношениях, непрестанно говоря о происходящей классовой борьбе, они оплакивали существование такой борьбы и стремились к примирению классов. Их разнообразные системы представляют собой в их практической части не что иное, как совокупность таких мер, которые должны положить конец борьбе классов и установить социальный мир»[3].

Социалисты-утописты, отвергавшие классовую борьбу, не распространяли свой «социализм» прямо среди рабочих, они делали ставку на просвещенных промышленников и вели пропаганду среди буржуазии и мелкобуржуазной интеллигенции. Луи Блан (Louis Blanc), тогда редактор демократического журнала «Le bon sens» («Здравый смысл»), а затем «Revue du progrès» («Обозрение прогресса») излагал на страницах этих изданий воспринятые им основы сен-симонизма. В 1839 г. он опубликовал работу «Организация труда», где предлагал в качестве практического решения «социального вопроса» создание на средства государства «национальных мастерских», которыми руководили бы сами рабочие; раздел производственной прибыли должны были регулировать также они сами. Программа Луи Блана была принята частью рабочих и проникла в общество под именем социализма.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии (100 лет). М., 1948, стр. 22.

[2] Последователи Кабе (Cabet), присвоившие имя «икарийцы» от слова Икария — вымышленная счастливая страна, изображенная Кабе в его утопическом сочинении «Путешествие в Икарию» (1842), жители которой, коммунисты, установили у себя идеальный общественный строй, являвшийся по Кабе образцом для будущего.

[3] Г. В. Плеханов. Французский утопический социализм XIX века. Сочинения, т. XVIII, М., 1928, стр. 107.

Этьен Кабе (1788—1856).

Слово «социализм» как символ передового движения было использовано различными стремившимися к популярности политическими деятелями. Так, в мае 1840 г. по поводу объявленной рабочими стачки Араго (Arago) [1] произнес в палате речь о «бедствиях фабричного населения» и сказал, что надо «организовать труд». Депутация рабочих принесла Араго публичную благодарность. В июле того же года буржуазные республиканцы устроили банкет, где будущий министр финансов временного правительства в 1848 г., капиталист Гудшо (Goudschaux) возвышенно говорил об «эксплуатации человека человеком». Таким образом, все буржуазные оппозиционные партии, более или менее радикальные, казалось, воодушевлялись одними и теми же лозунгами, которые наполняли их речи одними и теми же словами и терминами. Это привлекло к ним рабочую массу, которая в попутчиках увидела вождей, — одна из причин трагедии 1848 г. На деле же это было лишь «прикрытие буржуазной сущности демократических преобразований разными, якобы-социалистическими фразами о „народе", „справедливости", „праве" и т. п.» [2].

Коммунисты вели пропаганду среди рабочих, подготовляя их к захвату власти и перераспределению прав и имущества в обществе, но и они были во власти утопических представлений о том, что захват власти рабочими и справедливое, мудрое управление государством с непреложностью должны были привести к всеобщему примирению интересов. Таким образом, и они были еще далеки от правильного исторического понимания классовой борьбы, впервые возведенной в строгую научную теорию К. Марксом — основоположником научного социализма.

Поскольку самое учение социализма своей конечной целью ставило достижение физического и нравственного усовершенствования человека, постольку медицине как системе мероприятий по охране здоровья и совершенствованию физического развития населения социалисты, особенно Фурье (Fourier), уделяли большое внимание. Поэтому в социалистических школах медицине и здравоохранению отводилось видное место. Фурье был властителем дум передовых французских врачей своего времени.

Среди них было много его последователей, старавшихся пропагандировать в печати и проводить в жизнь его взгляды и учение, авторов различных систем охраны здоровья при том новом лучшем социальном строе, глашатаями которого они себя считали. Все они сводили причины болезней к одно-

---

[1] Видный общественный деятель группы «National», ученый-математик, в будущем член Временного правительства Франции, образованного 24 февраля 1848 г.

[2] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 18, стр. 544.

му — несоответствию общественных форм естественным наклонностям человека.

Система Фурье нашла свое специальное развитие в трудах известного деятеля революционного движения во Франции врача Франсуа Распайля.

В различных трудах[1] Распайль многократно излагал предлагаемую им систему государственной медицины, которую он мыслил осуществимой при будущем республиканском строе.

К последователям Фурье принадлежал и деятель революции 1848 г. врач Трела (Trélat). К сен-симонизму восходят основы теории врача Бюше (Buchez), председателя Национального собрания 1848 г. Оба они были чрезвычайно популярны как политические писатели.

Врач Гепен (Guépin), республиканец, назначенный в 1848 г. комиссаром республики в Нант, трактовал социальные вопросы в духе утопического социализма и дал описание вопиющего положения рабочего класса Франции в книге «Nantes au XIX siècle» («Нант в XIX столетии») (1835).

Горячим пропагандистом идеи объединения врачей в союз для осуществления влияния на государственное законодательство был врач Буден (Boudin), известный автор руководства по медицинской топографии.

Крупная фигура эпохи, врач Жюль Герен (Jules Guérin), член Французской академии медицинских наук, создатель научной медицинской периодической печати во Франции, отдал в свое время дань сен-симонизму. Издававшийся им журнал «Gazette médicale de Paris» («Парижский медицинский журнал») сыграл определенную роль в пропаганде социалистических учений.

Так как этот журнал как наиболее значительное издание является нашим главным первоисточником для ознакомления с изучаемой эпохой, мы считаем нужным более подробно осветить характер его публицистической деятельности.

Первоначально он носил название «Gazette de santé» («Журнал здоровья»). Жюль Герен купил его в 1828 г. и из банального листка, не гнушавшегося скандальными историями и сплетнями, сделал научный журнал с определенным социалистическим и материалистическим направлением. В 1830 г. Герен переименовал его в «Gazette médicale de Paris».

Таким образом, журнал возник в момент усилившегося революционного движения, а в области науки и искусства в момент пробуждения борьбы за освобождение от реминисценций мистики, романтики, схоластических пережитков, проникших во Францию из Германии в период реставрации (1815—1830).

[1] Histoire naturelle de la santé et de maladie (1843); Nouveau système de chimie organique (1833, 1838); Manuel annuaire de la santé (ежегодное издание с 1845 по 1873 г.).

В передовой статье новогоднего номера журнала за 1847 г., написанной Гереном по поводу 20-летия существования издания, редактор объяснял цель его создания желанием основать медицинский печатный орган, который «мог бы руководить движением науки вперед, уловить новые тенденции и направления, ускорить выявление одних, помочь укрепиться другим» [1].

Действительно, в журнале помещались критические обзоры современных школ: анатомической, химической и виталистической, гуморальной и физиологической. Отмечалось отмирание старых медицинских теорий и появление новых.

Свою славу и репутацию журнал стяжал показом заблуждений школы Ф. Бруссе (François Brousset), оттенив при этом и все положительные стороны и значение его теории воспаления. В борьбе с теорией Бруссе Герен выдвинул в середине 30-х годов столетия принцип научного исследования, который он назвал «доктриной экспериментальных оснований». Так сформулировал он содержание того процесса, который уже совершался в науке в направлении от метафизики к выдвижению на первый план наук естественно-исторических, к выдвижению значения обобщения конкретных материальных данных, познаваемых в опыте и наблюдении, причем Герен подчеркивал, что, только превратившись из искусства лечения в биологическую науку, медицина сможет выполнить главную свою цель — физическое и моральное усовершенствование организации человека.

«Мы искренно верим, а в нашу эпоху скептицизма и критицизма глубокая и живая вера кое-что значит, что недалеко то время, когда медицина, вобрав в себя все науки в качестве своих элементов и средств, утвердится на их методах и результатах, чтобы создать науку, предметом которой будет организация человека, а его физическое и моральное усовершенствование — целью. Это мысль не наша, но это один из членов нашего символа веры» [2].

Таким образом, Герен выступал убежденным социалистом, передовым мыслителем, уверенным в возможности активного воздействия на усовершенствование организма человека.

Журнал Герена выходил еженедельно. Он помещал новые оригинальные труды, разнообразные доклады и статьи на различные темы с единственным критерием новизны и серьезности: микрографические наблюдения, опыты над животными, химический анализ, новое в фармакопее, этюды по патологической анатомии и т. д. Для получения материалов журнал использовал всевозможные источники — заседания Академии наук и Медицинской академии, которые печатал полностью как развернутые стенограммы, отчеты ученых обществ, отчеты

[1] Gazette médicale de Paris, 1847, N. 1.

[2] Там же.

Жюль Герен (1801—1886).

больниц, протоколы врачебных съездов и медицинские корреспонденции из-за границы. Но журнал избегал спекулятивных дискуссий и рекламных сообщений.

Журнал имел подписчиков во всех городах Европы и тем самым переносил за рубеж идеи социального направления в медицине.

Журнал ввел в медицинскую периодику новую литературную форму — фельетон-обозрение под названием «Медицинский Париж», в котором освещались все злободневные медицинские вопросы, идеи, методы, открытия, дискуссии, волновавшие современный врачебный мир. Именно здесь, в фельетоне, сосредоточивалась борьба передовой врачебной общественности с пороками эпохи в политике, обществе, науке. Авторами этих остроумных и едких фельетонов были большей частью сам Герен и член Медицинской академии, блестящий публицист Ревейе-Париз (Réveillé-Parise).

Надо отметить, что журнал Герена был выдающимся явлением во французской медицинской периодической печати. Медицинская печать стала во Франции расти лишь в 30-х годах XIX столетия и к изучаемому времени насчитывала уже 20 журналов. Первые журналы содержали мало научно-исследовательского материала. Скорее это было собрание интересных фактов, пересказы академических споров, более или менее скандальных, с некоторой дозой злословия. Журналы отдельных ученых обществ — Анатомического, Медицинского общества Сенского департамента и др. — представляли собой скорее сборники меморандумов и протоколов заседаний. Журнал в полном смысле этого слова отсутствовал до создания врачом Фабром (Fabre) в 1830 г. «Gazette des hôpitaux civils et millitaires» («Журнал гражданских и военных больниц»). Вслед за ними возникли еще журналы научного направления, но, издаваемые в личных интересах, они отражали лицо издателя более, чем общества и медицинской корпорации.

Они являлись частными предприятиями с узкими задачами. Такими, например, были журналы «Revue médico-chirurgicale» («Медико-хирургическое обозрение»), «Revue scientifique et industrielle» («Обозрение науки и промышленности») и др. Часто поэтому журналы становились ареной мелких личных столкновений, далеких от подлинно научных споров. Поэтому французская медицинская печать 30-х годов мало способствовала развитию науки. Половинчатость, успокоение на интересах благополучия текущего дня побуждали большинство издателей хвалить «прогресс» и прикрываться этим словом, чтобы избегнуть прямого высказывания за тот или иной научный и медицинский принцип, доктрину, метод. Французская медицинская пресса отражала недуг своего времени именно недуг фактографии, эмпиризма, индустриализма. Вот что мы читаем в статье Ревейе-Париза:

«Горизонт медицинской французской прессы очень сузился, нет более значительных сообщений, единого взгляда на жизнь, нет самой жизни, все изнемогает, все бесцветно, потому что нет ничего, кроме вечного и незначительного нанизывания фактов, патологических случаев без будущего. Этого не было, когда возникла доктрина Бруссе»[1]. Об эпохе Бруссе автор писал: «Никогда парижская печать не поднималась так высоко, не давала места столь живой полемике, столь великолепной и столь достойной. Это продолжалось 15 лет. Ни в одну эпоху не было сделано столько открытий, собрано столько наблюдений, изучено столько органов, тканей, измерено, взвешено, препарировано. И над всем преобладала теория, которая все освещала. Время и опыт оказались против нее, но Бруссе сыграл свою роль в оплодотворении науки более точным патологоанатомическим исследованием. И медицинская печать в то время пережила прекрасную эпоху»[2].

В другом, не подписанном фельетоне, по-видимому, самого Герена, согласно его печатному заявлению, что он лично отвечает за все фельетоны без подписи, находим сожаление об отсутствии талантливых медиков-мыслителей, способных создать теорию, обобщающую единым методом все отрасли науки, медиков типа Биша, Корвизара, Кабаниса (Cabanis) и Вик д'Азира (Vic d'Asyr)[3].

К этому времени уже сошли или сходили со сцены те великие ученые, которые создали мировую славу французской медицине.

В 1810 г. умер Жан Луи Боделок (Jean Louis Baudeloque), первый директор «Maternité» — родильного дома, основанного в эпоху Первой республики. Еще ранее, в 1802 г., на 31-м году жизни скончался Биша, уже в XVIII веке провозгласивший неразрывную целостность организма, ключ к пониманию процессов которого лежит в изучении химического состава тканей.

В 1821 г. французская наука потеряла Корвизара, выдающегося клинициста, положившего начало практическому обучению студентов в медицинской школе, созданной революцией на развалинах старого университета, а в 1826 г.— Пинеля (Pinel), обессмертившего себя гуманным преобразованием психиатрических больниц, до него более походивших на тюрьмы. В 1838 г. умер ученик Пинеля клиницист и теоретик Франсуа Бруссе.

Знаменитый Дюпюитрен (Dupuytren) умер в 1835 г., но Париж еще блистал созданной им школой выдающихся хирургов: Вельпо (Velpeau), Лисфранк (Lisfranc), Мальгень (Malgaigne) Амюсса (Amussat) привлекали в столицу Франции со всего мира медицинскую молодежь, жаждавшую усовершенство-

[1] Gazette médicale de Paris, 1848, N. 2.
[2] Там же.
[3] Там же. 1832, N. 1 et N. 4.

ваться под их руководством и перенять их виртуозную технику. К сожалению, увлечение техникой проходило не без ущерба для развития научных основ хирургии.

Свой век Герен считал веком безвременья, а свой журнал той почвой, которая сохраняла под землей питательные воды материалистического направления, чтобы вынести их затем наверх для открытой борьбы.

В отношении критики и характера освещения событий Герен придерживался принципа, который он считал «долгом и правом научной прессы»: освещать все светлые и темные события медицинского мира решительно, мужественно, без лицеприятия, вопреки своим, быть может, дружеским чувствам к кому-либо, вопреки своим собственным интересам, единственно в интересах дела. Пресса должна оценить все, что находится в согласии с ее принципами и принципами врачебной этики, но она должна заклеймить все, что противно этим принципам[1].

Конечно, при таком подходе к своей деятельности и понимании достоинства нелицеприятной прессы Герен должен был иметь много врагов в буржуазном обществе купли и продажи. Ему пришлось даже в конце концов покинуть Францию (1866), но его заслуги были оценены крупными учеными и честными общественными деятелями.

Наш русский журнал «Врач» тоже отметил его как борца, «много поработавшего на пользу врачебного сословия»[2]. На страницах «Gazette médicale de Paris» в 30-х и 40-х годах помещали свои статьи врачи-фурьеристы. Среди них были: Аран (Aran), автор проекта создания министерства здравоохранения; Амар (Amar), автор труда «Association intellectuelle» («Интеллектуальная ассоциация»), Обер-Рош (Aubert Roche), также пропагандировавший идею «социалистической медицины», разрабатываемую и реализуемую через законодательство, осуществляемое коллективом ученых врачей; Пьер Бернар, (Pierre Bernard), автор политических статей и сатирических очерков о нравах промышленной буржуазии, впоследствии депутат Законодательного собрания в 1849 г.; Дюваль (Duval), издатель журнала «Revue des specialités» («Обозрение специальностей»), и многие другие.

Все эти французские писатели-врачи развивали основной взгляд утопического социализма, что существует предустановленный общественный порядок, соответствующий природе человека (Фурье), что общественное устройство должно быть выведено из законов человеческой природы. «А так как законы развития человеческого организма никому так глубоко не известны, как врачу, то, следовательно, он может и должен

---

[1] Gazette medicale de Paris, 1832, N. 4.
[2] «Врач», 1886, № 4.

стать творцом тех законов, которые создадут идеальный общественный строй»[1].

Врачи, приверженцы мелкобуржуазных социалистических систем, каким был и Герен, соединяли со своим вступлением в законодательные институты страны начало новой эры — создания нового законодательства, согласно с законами физической природы человека. А отсюда должна была, естественно, произойти и реорганизация медицины, возникнуть система охраны народного здоровья, которая дала бы возможность использовать врачебные силы в правильном направлении.

Через свою специальную периодическую печать эти врачи включались в ту общую борьбу, которую вели оппозиционные фракции буржуазии с правительством Луи-Филиппа за обновление и расширение палаты депутатов путем снижения избирательного ценза. Это была оппозиция так называемых «талантов» («capacités»), той республиканской части врачебного мира, которая противопоставляла заслуги и право личных дарований наследственно-сословным привилегиям.

В книге «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» К. Маркс называет эти «таланты» идеологическими представителями и защитниками оппозиционных Луи-Филиппу классов[2].

В связи с этим и рабочий класс как самая многочисленная и обездоленная часть населения представлялась врачам социалистам-утопистам объектом их защиты и опеки. Ограниченность их классового мировоззрения не позволяла им разглядеть в рабочем классе ту новую общественную силу, которая своими руками может перестроить общественные отношения.

В полном соответствии со взглядами Сен-Симона Герен, например, в своем журнале, вокруг которого и группировались передовые, «социалистически» мыслящие врачи, уделяет много внимания и места вопросам промышленной гигиены и здоровья рабочих, так как «они являются основным производящим классом общества, а следовательно, виновником его благосостояния»[3].

Герен печатал в своем журнале и весьма пропагандировал публикацию статистических сведений о санитарном состоянии промышленных предприятий, о пагубном влиянии детского труда на физическое развитие населения, на угрозу вырождения и вымирания нации по причине бессовестной эксплуатации детей, о развитии особой медицинской дисциплины — учения о профессиональных заболеваниях.

Герен писал: «...новый вопрос выдвинут нашим временем с его сильно развитой индустрией. Рабочий класс становится

---

[1] V. Considérant. Destinée sociale. T. I, 3-me éd., Declaration, Paris, 1836.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. I, М., 1948, стр. 112.

[3] Gazette médicale de Paris, 1847, N. 1.

предметом интереса, сочувствия и исследования... Эта проблема настолько же принадлежит гуманизму и медицине, насколько и политической экономии. Эту двойную проблему может разрешить лишь врач»[1].

Таким образом, Герен возлагал задачу устроения судьбы рабочего на врача как на естественного представителя гуманизма, но не рассматривал, не оценивал рабочего как самостоятельную активную общественную силу.

Зато Герен правильно понимал, что бедственное положение врачей не следует рассматривать отдельно и безотносительно к эпохе. Он писал: «Врачебная профессия потеряла свою ценность, потому что при современном состоянии общества все профессии и все отрасли промышленности находятся в плачевном состоянии. Всюду продукция не находит сбыта»[2].

Отсутствие распределения врачей по местам привело к скоплению их в больших городах. Отсюда — слишком большая конкуренция, которую обычно выдавали за «неограниченную свободу», а на самом деле за этими словами скрывалась анархия самотека. Поэтому Герен не уставал пропагандировать объединение врачей в ассоциации для самозащиты и проникновения в законодательные органы, чему препятствовал ценз, непосильный для доходов врача. Герен с неуклонной решимостью вел в печати борьбу за поднятие достоинства профессии, за реформу медицинского дела.

Надо отметить смелость, с которой Герен открыто протестовал против позорного постановления правительства после республиканского восстания в Париже 5—6 июня 1832 г., скрепившего распоряжение префекта полиции Жискэ о возложении на врачей, хирургов, офицеров здоровья, фармацевтов, директоров больничных учреждений и домовладельцев обязанности доносить полиции о всех раненых, которым была оказана помощь или дан приют начиная с 4 июня. На жандармов и полицейских возлагалась обязанность по наблюдению за выполнением распоряжения. Этими мерами полиция хотела обнаружить участников уличных боев. Тогда журнал Герена выступил с заявлением: «Мы думаем, что выразим общее мнение всех врачей, заявив, что ни один врач не ответит на призыв префекта полиции»[3].

Выступая с протестом против бесчеловечной меры правительства по отношению к раненым инсургентам, Герен писал, что «полиция не только не дала себе труда как-нибудь замаскировать свое наблюдение над ранеными, но окружила их с момента появления первого признака надежды на выздоровление такой охраной, которая держала их под форменным арестом. В больницу Шаритэ, например, положили молодого ткача, полу-

[1] Gazette médicale de Paris, 1847, N. 1.
[2] Там же, 1833, N. 47.
[3] Там же, 1832, N. 45.

Альфонс Боден (1816—1851).

чившего несколько штыковых ран. Помимо того, что стрелок дежурил у ворот больницы, с выздоравливающего раненого не спускали глаз два агента, расположившихся в особой комнате... Возмутительна эта полицейская опека, которая жадно следит за всеми признаками выздоровления, беспрерывно напоминает несчастному судьбу, на которую он обречен по выздоровлении. Было бы более гуманно вонзить в него штык до конца, чем заставлять медленно умирать от раны. И это отнюдь не фигуральное выражение... Г. Дюпюитрен рассказывает о раненном в ногу инсургенте, который умер, когда узнал, что его расстреляют по выздоровлении»[1].

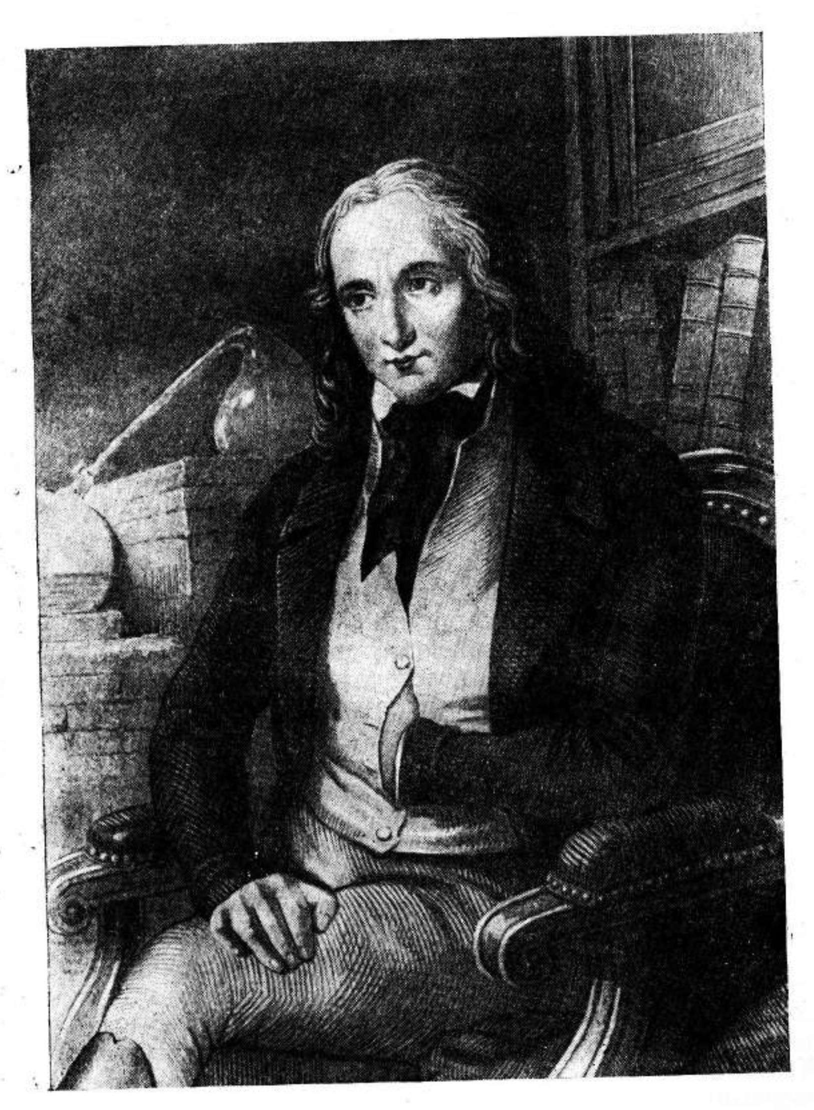
В следующем номере своего журнала Герен писал:

«Правительство рассматривает больницы как предварительные тюрьмы для раненных в боях. Подобное вмешательство полиции не имеет прецедентов. В 1827 г. при Карле X раненые инсургенты не подвергались беспокойству со стороны полиции. Их лечили спокойно и свободно». И Герен обращался к хирургам с прямым советом не выполнять распоряжения властей: «Власть думает выполнить свой долг, пусть же хирурги выполняют свой долг. Если власть считает себя обязанной приставить тюремщика к раненому, пусть хирург не забывает, что вид этого тюремщика для раненого — яд, и должен удалить эту причину болезни, как всякую другую. Долг врачей протестовать без промедления»[2].

Немало было врачей и среди революционных, так называемых коммунистических групп политических партий, вожаков тайных обществ. Среди членов тайных обществ необходимо выделить активного революционера врача Альфонса Бодена (Alphonse Baudin, 1816—1851), именовавшего себя коммунистом. Сын убежденного республиканца, выходца из народа, военного врача республиканских и наполеоновских армий, Альфонс Боден, превосходно окончивший в 1832 г. военно-медицинскую школу Валь де Грас (Val de Grâce) в Париже, отказался от открывшейся перед ним карьеры и избрал не обеспеченную заработком работу врача помощи на дому для бедных при районных бюро общественного призрения. Он хотел пропагандировать социализм среди беднейшего населения, а работа врача помощи на дому давала ему полную возможность близкого и бесконтрольного соприкосновения с пролетариатом. Биографы Бодена отмечают его самоотверженное и неутомимое обслуживание больных парижских мансард и подвалов.

Тому же своеобразному «хождению в народ» посвятили себя врачи: Рекюр (Recurt), Бюше (Buchez), Горне (Gornet), Боннар (Bonnart), Савесньер (Savesnière), Девиль (Deville), Гепен (Guépin), Пинель-Граншан (Pinel-Grandchamps)

[1] Gazette médicale de Paris, 1832, N. 46.
[2] Там же, N. 47.

Франсуа Распайль (1794—1878).

и др. Благодаря их популярности среди парижского пролетариата они были избраны мэрами различных округов Парижа в революцию 1848 г. Все эти врачи-революционеры, имена которых дошли до нас, поплатились (кроме Бюше и Рекюра) жизнью или свободой во время революционных битв.

Наконец, в карбонарских ложах работал с 1822 г. известный деятель французского революционного движения, ранее уже упоминавшийся врач-коммунист Франсуа Винцент Распайль (François-Vincent Raspail) (1794—1878). Активный участник июльской революции 1830 г. Распайль убеждается затем в необходимости перехода тайных обществ к широкой, открытой и активной пропаганде среди населения в целях политического просвещения масс и вовлечения их в сознательную борьбу за свое политическое и экономическое освобождение. Он тогда прямо сказал: «Республика у нас украдена, пора переходить к воспитанию сознательности масс»[1].

В 1830 г. Распайль становится во главе политического клуба «Ami du people» («Друг народа»). Собрания клуба, помещавшегося в пролетарской части города, были многолюдны. Успех Распайля в этой деятельности позволил ему назвать себя народным моральным и политическим инструктором. Приверженцы клуба уже тогда носили страшную кличку коммунистов; 31 июля 1831 г. клуб был закрыт, наиболее видные его члены, в том числе и Распайль, были арестованы и приговорены к 15 месяцам заключения.

Последующие годы были для Распайля бурными годами непрекращающейся упорной и героической революционной борьбы при постоянных преследованиях полиции — штрафы, суды, тюрьма. В 1834 г. Распайль основал политический журнал «Le Réformateur» («Реформатор»), на страницах которого он вел революционную пропаганду. Распайль пользовался огромной популярностью среди рабочих.

Политическую борьбу Распайль сочетал с борьбой за передовую науку. Свою многообразную научную деятельность он не прерывал, несмотря на репрессии. Наоборот, каждый раз, как он выходил из тюрьмы, он опубликовывал в печати очередной научный трактат, написанный в заключении.

Вступив в область науки в период, когда понятие об эволюционном процессе в природе стало медленно и в упорной борьбе завоевывать свое признание, Распайль энергично встал на защиту передовой науки и тем вызвал ожесточенную вражду Кювье и его присных, ополчившихся на него как сокрушителя твердыни неизменности и разделенности видов.

Лишь один Жоффруа Сент-Илер, которому Распайль помогал в его споре с Кювье своими микроскопическими исследованиями, поддерживал молодого ученого, предсказывая будущее

[1] A. Vermorel. Biographies contemporaines. Raspail, Paris, 1869.

HISTOIRE NATURELLE

DE LA

SANTÉ ET DE LA MALADIE

CHEZ LES VÉGÉTAUX

ET CHEZ LES ANIMAUX EN GÉNÉRAL,

ET EN PARTICULIER

CHEZ L'HOMME;

Suivie

DU FORMULAIRE POUR UNE NOUVELLE MÉTHODE DE TRAITEMENT HYGIÉNIQUE ET CURATIF;

PAR

F.-V. RASPAIL.

Avec des figures sur bois dans le texte et dix-huit planches gravées sur acier, d'après les dessins originaux et les premières gravures de son fils, F.-BENJ. RASPAIL.

Ἀρχὴ τῆς αἰτίης τῶν νούσωντε καὶ τοῦ θανάτου. HIPP.

Metaphorica spina in archeo.

VAN HELMONT.

DEUXIÈME ÉDITION CONSIDÉRABLEMENT AUGMENTÉE.

TOME PREMIER.

PARIS,

CHEZ L'ÉDITEUR, RUE DES FRANCS-BOURGEOIS-SAINT-MICHEL, 5,

DERRIÈRE L'ODÉON; AU PREMIER, AU FOND DE LA COUR, A DROITE.

1846.

Рис. 1. Титульный лист I тома труда Распайля «Естественная история здоровья и болезни у растений и животных вообще и особенно у человека» (1846).

его открытиям. Небезынтересно отметить, что первая работа Распайля, где уже намечались абрисы его будущей теории клетки, холодно встреченная во Франции, была напечатана в России и издана Академией наук на ее средства с прекрасными комментариями академика Триниуса[1].

Еще в 1825 г. Распайль имел смелость провозгласить свою работу о клетке как о первичном элементе всякого растительного и животного организма началом новой научной эпохи.

«Пусть мне простят мою смелость, этими словами я начинаю эпоху, и я не думаю, что далеко то время, когда можно будет без особого дерзания и без претензии на чудо, бросить этот чисто научный вызов: «Дайте мне клетку, в которой по моей воле могли бы вырабатываться другие клетки, и я представлю вам все формы организованного мира"» (доклад в Парижском обществе естествоиспытателей).

Официальная наука не могла, разумеется, примириться с провозглашенным Распайлем материалистическим принципом активного управления природой.

Позднее Распайль взял это положение эпиграфом к своему труду «Новая система органической химии», опубликованному им в 1833 г., в котором он обобщил выводы своих предыдущих работ (второе дополненное и обогащенное издание книги вышло в 1838 г.).

В этом труде Распайль дал изложение теории клетки. При этом он предуказывает различные направления изучения клетки. Он выступает не только как морфолог, но и как цитохимик. Обрисовывая различные возрастные изменения в химическом составе живой развивающейся клетки, он предуказывает возрастную цитологию. При этом Распайль снимает принципиальное различие неорганической и органической материи, заключающееся лишь в специфике формообразования живого вещества.

В учении о клетке Распайль видит основу для превращения лечебной медицины из искусства лечения в одну из плодотворнейших естественнонаучных дисциплин огромного социального назначения. Эту мысль Распайль развивает в трехтомном труде «Естественная история здоровья и болезни у растений и животных вообщѐ и человека в частности», опубликованном им в 1843 г., причем с позиций гораздо более передовых, чем позднее это сделал Вирхов.

Объединяя в одно целое идею эволюции и свою теорию клетки, Распайль доказывает единство организма как сложного, непрерывно развивающегося целого с окружающей его средой. Изменения в среде обусловливают изменения и в приспособляющемся к ним организме. Единство организма осуществляет нервная система, которая им управляет.

---

[1] Raspail's Abhandlungen über die Bildung des Embryo in den Gräsern. Aus franz. von Trinius übersetzt mit 2 Tafeln. Petersburg, 1826.

Распайль положил в основу медицины цельную законченную теорию, вполне соответствующую уровню современного ему естествознания.

Но официальная наука подняла целый бунт вокруг него и его работ.

Жизнь и деятельность Распайля полны драматических коллизий и подлинного революционного пафоса, которые трудно передать на немногих страницах исследования, посвященного специальной проблеме. Неукротимый революционер и первоклассный ученый-естествоиспытатель — Франсуа-Винцент Распайль заслуживает отдельного монографического исследования.

Почти во всех трудах Распайля, особенно подробно в Histoire naturelle de la santé et de la maladie (Естественная история здоровья и болезни) (1843), дана наиболее радикальная для его времени схема реорганизации медицинского дела во Франции. Приведем краткое изложение положений Распайля:

1. Медицина есть часть государственного строительства. Поэтому врачи должны быть оплачиваемы государством как государственные работники, организованные по принципу иерархии на основании стажа и заслуг. Врач считается виновным в лихоимстве, если он потребует или примет от больного гонорар или его эквивалент. Замещение врачебных должностей происходит по конкурсу.

2. Медицинское образование свободно. Всякому, желающему учиться, государство предоставляет бесплатно анатомические театры и химические лаборатории под надзором и руководством компетентного лица. Для практики студенты-медики прикрепляются к районным врачам города.

3. Врачам, фармацевтам и студентам устанавливается денежная оплата на основе стажа и с таким расчетом, чтобы они могли жить безбедно.

4. Медицинская помощь районирована. Вводится институт врачей-инспекторов.

5. В вопросах общественной гигиены и санитарии верховным судьей является Медицинский совет, учреждаемый при центральном аппарате государственного управления. Медицинский совет может вынести мотивированное вето на всякое постановление муниципалитета, если оно окажется вредным для здоровья населения.

Прекрасной иллюстрацией расслоения врачебной корпорации, отражавшей классовое общество и его внутреннюю борьбу, служит развернувшаяся после подавления революционной вспышки рабочего движения в 1834 г. дискуссия в Академии медицинских наук по обсуждению проекта закона реорганизации медицинского дела, составленного специальной комиссией из врачей по предложению правительства.

Обсуждение проекта длилось несколько месяцев. При этом Академия широко открыла двери для всех желающих принять

участие в обсуждении. Подробное изложение заседаний и прений печаталось в Бюллетене Академии и в «Парижском Медицинском журнале».

Приняв на себя задачу представления проекта закона о медицинской практике и образовании, академия в целом хотела представить собой прогрессивное общественное движение. Но главный интерес дискуссии сосредоточивался для большинства на освобождении врачебного сословия от правительственной опеки путем создания некоторого рода врачебной автономии через выборы, без вмешательства префектуры. Вот основные положения к проекту закона о медицинской практике и преподавании:

1. Установление одной категории врачей.

2. Легализация ассоциации врачей. Передача в ее ведение назначения и перемещения врачей.

3. Свободное преподавание.

4. Установление конкурса при замещении преподавательских и административных врачебных должностей.

5. Участие в этих конкурсах, а также на выпускных экзаменах студентов-медиков представителей широкой врачебной общественности в качестве жюри.

6. Борьба с шарлатанством и злоупотреблениями.

7. Ликвидация секретных средств.

8. Врач не несет ответственности за несчастные случаи в его практике перед законом, это дело его совести и чести.

Но надо сказать, что понимание высказанных принципов было далеко не однородным и в бурных, иногда ожесточенных прениях выявлялся разброд и врачебная расслоенность.

В полемических схватках был сорван покров со многих пороков, о которых предпочитали умалчивать. Сознались, что шарлатанство являлось «негибнущим чудовищем, пресмыкающимся, но живым и ядовитым», что «шарлатанство представляет собой приманку и для самих врачей»[1], что сами врачи способствуют во многом дискредитации профессии, затевая судебные процессы друг против друга, обвиняя соперника в смерти больных (явление, наиболее позорное для всей корпорации). Разобщенные, замкнувшиеся в свои личные интересы врачи ищут реванша где и как могут. Отсюда война врача с врачом, зависть и злоречие в битве за клиентуру. «Индустриализм самый низкий завладевает наукой для выжимания из нее как можно больше денег и ... позора»[2].

Многие врачи заявляли, что они брошены на произвол судьбы, без защиты закона, разобщены, поруганы, а потому находятся в худшем положении, чем какая-нибудь другая профессия.

---

[1] Gazette medicale de Paris, 1833, N. 47.

[2] Там же, 1834, N. 13.

Но если представители рядовых врачей видели силу и защиту в корпорации, то буржуазная верхушка, естественно, видела в этом лишь рабство и препятствие для карьеры. И она не без цинизма показала, что врачебная профессия может быть источником бесчисленных благ для того, «кто умеет за это взяться» («qui sait s'en prendre»).

Привилегированные врачи, покровительствуемые правительством, защищали даже узаконение политических доносов. Пресыщенные широкими возможностями государственной службы, награжденные несколькими доходными синекурами, они утверждали, что врачам не так плохо, как это говорится, что краски сгущены.

Так, например, акад. Неккар (Nekkart), рассыпаясь в похвалах существующему положению, утверждал, что ничего не надо менять. Положение врачей совсем не так плачевно, как это стараются показать: «Правда, болезни, возраст, кабинетная работа, которая заставляет отказаться от пациентов, вот что приводит к нужде некоторых коллег, но для устранения этого достаточно поднять вопрос о создании общества помощи престарелым членам корпорации»[1].

Привилегированная верхушка не соглашалась на организацию врачебного объединения. Она не только не хотела улучшить положение младших собратьев, но, наоборот, стремилась сохранить и узаконить свое главенствующее положение и их необеспеченное состояние. Из их среды она черпала дешевых помощников, которых можно было эксплуатировать.

Но вместе с тем привычная рутинность буржуазного мышления заставляла среднего врача бояться и революции. В борьбе за создание общественной организации, крепкого профессионального союза, врачи вовсе не были едины. Некоторые из них были против социального раскрепощения, стояли за поддержку правительства.

Так, например, докладчик академии по вопросу проекта закона проф. Дубль (Double) настойчиво отстаивал предлагавшийся правительством пункт о дисциплинарных медицинских судах в департаментах, несмотря на то, что правительство желало использовать эти суды в целях политического сыска. На негодующие протесты коллег проф. Дубль недвусмысленно сознался в боязни революции. При голосовании пункт проекта закона о судах был отвергнут большинством всего в один голос. Умеренные врачи боялись своих радикальных собратьев больше, чем правительства. Создавая ассоциацию, якобы противопоставляющую себя правительству, они далеки были от политической борьбы, делая ставку лишь на улучшение материального положения врачебного сословия.

---

[1] Gazette médicale de Paris, 1834, N. 13.

Конечно, этот путь удовлетворения имущественных интересов не мог привести к созданию крепкой врачебной организации. Явные слуги буржуазии опередили умеренную середину. Предупреждая обсуждение проекта закона об упорядочении медицинского дела, декан медицинского факультета М. Орфила[1] (M. Orfila), ставленник Луи-Филиппа (Louis Philippa), вождь врачебной верхушки, предал интересы корпорации и, пользуясь своим положением, получил от короля «милостивое» разрешение на организацию общества взаимопомощи.

В 1834 г. по проекту Орфила возникло «Общество парижских врачей для учреждения вспомогательной кассы». Состоять в нем имели право доктора медицины, получившие звание на одном из французских медицинских факультетов и проживающие в Париже. Был установлен очень высокий вступительный взнос. Поэтому вне общества оказались самые нуждающиеся врачи, которые не могли сделать взноса. По подсчету Герена их должно было быть в Париже до 500 человек. Само собой разумеется, что офицеры здоровья не получили права вступления в общество.

Чрезвычайно бурными были и дебаты по пункту закона о патентах на лечебные методы и средства. Против изобретательских патентов в медицине как против антисоциального мероприятия возражали не только передовые врачи из лагеря социалистов-утопистов, но и те научные деятели, которые справедливо видели в этом препятствие как для творчества, так и для свободного применения в лечебной практике новых методов и средств.

Однако протесты были заглушены теми, которые напомнили участникам прений, что они принадлежат к буржуазному обществу, уважающему право собственности.

И подавляющим большинством голосов закон прошел с поправкой о том, что продавать запатентованные средства можно лишь в официальных аптеках. Кроме того, было введено примечание: «Изобретатели лекарств, которые приносят их в дар обществу, чтобы оно пользовалось ими бесплатно, полностью и свободно, будут рекомендованы министру на предмет награждения в соответствии с важностью открытия».

---

[1] Известный токсиколог и судебный медик М. Орфила, сделавшись деканом факультета, считал себя скорее представителем власти, нежели врачом-ученым и членом медицинской корпорации. Девизом своей деятельности Орфила избрал «изгнание политики из стен учебного заведения», шпионил за студентами и не давал ходу тем, в мыслях которых замечал «политический оттенок». Он преследовал всех, кто не разделял его политических и научных взглядов. За это Орфила пользовался большим авторитетом у правительства: ни один врач не мог получить места и быть награжденным без его участия или согласия. Лидер буржуазной верхушки врачебного мира, Орфила стремился приспособить всех врачей к соблюдению лишь ее интересов (P. Larousse, Grand Dictionnaire universel du XIX siècle, t. XI, p. 1445).

Весь нашумевший проект был погребен в портфеле министра внутренних дел до следующей вспышки общественного недовольства. Вслед за восстанием 12 мая 1839 г., подготовленным тайным «Обществом времен года» под руководством Бланки (Blanqui) и Барбеса (Barbès), врачам был дозволен профессиональный всефранцузский съезд для подготовки законоположения о врачах, практике и преподавании. Благодаря всяким формальным проволочкам съезд состоялся лишь в 1845 г. Но и тогда врачебная верхушка сумела, по словам Жюля Герена, «нивелировать все наши права по одному своему образцу, придумать множество каких-то изворотов и льгот, прав и нарушений и карательных мер, чтобы тщательно охранить свои мещанские интересы»[1].

А когда в 1847 г., опять в связи с поднимавшейся революционной волной, правительство внесло на обсуждение палаты пэров проект закона, где в интересах государства уничтожался второй разряд врачей и устанавливалось единое звание врача, а офицерам здоровья предоставлялись льготные условия в течение 4 лет закончить свое образование до объема знаний дипломированного врача,— врачебная верхушка подняла такой шумный протест, так была оскорблена уничтожением своих подручных, что, забыв приличия, кричала, перебивая докладчика-министра: «Кто же будет ставить пиявки, производить малую хирургию?»[2].

Этот проект, составленный министром просвещения Сальванди (Salvandy), явно страдал отсутствием определения государственного и общественного значения медицины, отсутствием общего руководящего принципа и представлял собой собрание пунктов, следовавших один за другим, не связанных единой целеустановкой в отношении преподавания, практики и науки. Это произошло вследствие длительного рассмотрения проекта по частям в различных учреждениях и комиссиях, не только не связанных друг с другом общностью интересов, но прямо противоречащих друг другу и даже враждебных (Общество парижских врачей для учреждения вспомогательной кассы, съезд французских врачей 1845 г., Медицинская академия, особое совещание при министре просвещения, медицинский факультет). Особые мнения были представлены также доверенными лицами двора и министерства просвещения. Таким образом, проект оказался механическим соединением отдельных частей, носивших на себе определенный отпечаток различных влияний.

Правда, часть проекта, относящаяся к медицинскому факультету, представляла собой наиболее разработанное целое, но доходящее до таких мелочей, как расписание занятий, экза-

---

[1] Gazette médicale de Paris, 1847, N. 8.

[2] Офицеры здоровья так и сохранились до 1892 г.

менов и т. д., что более подходило к внутренним распоряжениям по учебному заведению, нежели к законопроекту.

В проекте закона полностью отсутствовали указания на правовое и материальное положение членов медицинской корпорации. Вводились дисциплинарные и медицинские суды, которые зависели от префектов. Кантональные врачи из числа казенных стипендиатов поступали в распоряжение префектов и последними распределялись по территории департамента или кантона. Переход из одного департамента или кантона в другой зависел также от префекта. Вопрос об ассоциации врачей продолжал оставаться неразрешенным. Но в закон вводился пункт преследования шарлатанства, пункт, которым правительство хотело показать свою заботу о престиже врачебного сословия. Проект обсуждался почти целый год, а закон вступил в силу перед самой революцией 1848 г.

Глава III

СОСТОЯНИЕ БОЛЬНИЧНОЙ ПОМОЩИ

Излишне говорить, что в описываемую эпоху не было организованной медицинской помощи населению. В случаях необходимости предоставлялись два вида помощи и то в ограниченных размерах: 1) больничная помощь в острых и тяжелых случаях, преимущественно заразных заболеваний, и 2) помощь на дому через Бюро общественного призрения (Bureau de bienfaisance) беднейшим гражданам при условии представления удостоверения о бедности. В сельских местностях медицинская помощь оказывалась офицерами здоровья, никакой системы медицинской помощи там не существовало.

Больницами управлял Больничный совет, в состав которого, за исключением одного врача, входили аристократы с громкими титулами, финансисты и представители крупной буржуазии. Их привлекали в совет для расширения больничных средств, а участие в Больничном совете льстило их тщеславию и служило рекламой.

Структура Больничного совета была чрезвычайно сложна.

В Больничный совет входили генеральный совет, правительственная комиссия, главный секретарь, казначей и контролер.

Общий совет работал под председательством префекта департамента и состоял из 14 членов при непременном участии префекта полиции как равноправного члена. Третья часть членов совета сменялась ежегодно. Звание члена совета было почетным, оплате не подлежало.

Правительственная комиссия состояла из 5 членов, в том числе главного секретаря, казначея и контролера, и была на жаловании. Она подчинялась совету и разделялась на пять отделений: 1) больничное, 2) богаделен и убежищ всякого рода, 3) больничного имущества, 4) врачебной помощи на дому через Бюро призрения, 5) счетное (бухгалтерия). Каждое отделение имело несколько чиновников с начальником во главе.

Как было уже сказано выше, во всем этом громоздком учреждении был всего один врач. Это было причиной некоторых безграмотных и путанных решений в ущерб интересам больниц и в подрыв врачебного престижа. Врачи больниц призывались в совет один раз в год, но лишь с правом совещательного голоса. И часто, свидетельствует Распайль, «их здравые и благоразумные решения разбивались о неумолимое вето профанов»[1]. Вот что писал по этому поводу К. А. Демонси:

«К несчастью, очень часто требования их (врачей—*Е. Я.*) не принимаются во внимание, как следовало бы, потому что совет, не имея нужных познаний, не в состоянии их оценить, частью потому, что гордость не позволяет ему считать необходимыми те меры, о которых н е о н подал первую идею»[2].

Поэтому положение больничного врача было до крайности тяжелым. В силу того, что он не мог ни в чем распорядиться самостоятельно, все внутрибольничные мероприятия, даже касавшиеся исключительно врачебной компетенции, встречали на своем пути порой невероятные по своей нелепости препятствия. Достаточно сказать, что назначение лекарств, определение количества медикаментов или ортопедических аппаратов, подлежащих закупке, все должно было проходить через визу контролера, а после его визы через визу совета. И разрешение на прием того или иного больного, и его выписка или продолжение лечения в больнице санкционировались контролером. Поэтому часто проходило много дней между каким-либо предложением необходимого мероприятия и решением, санкционирующим его исполнение. Упущение же во времени лечения приводило к катастрофическим последствиям для больных.

Равнодушие к внутреннему благоустройству в больницах, забота лишь о внешнем блеске привели к тому, что в отношении состояния больниц Париж далеко отстал от других столиц.

Вот что отмечал очевидец, тот же К. А. Демонси: «Среди всех украшений, которыми по справедливости может гордиться Париж, забыты одни больницы»[3]. Крупнейшие и известней-

---

[1] Fr. Raspail. Histoire naturelle de la santé et de la maladie. T. I. Paris, 1943, p. LV.

[2] К. А. Демонси. Взгляд на преподавание и на врачебную практику во Франции. Записки по части врачебных наук, 1844, кн. II, стр. 101.

[3] Там же, стр. 102.

шие из них по-прежнему располагались в средневековых зданиях. Были несколько оздоровлены лишь прилегавшие к ним улицы и площади; они были расширены, очищены от нечистот, засажены зеленью. Сами же здания оставались серыми и мрачными, плохо освещенными небольшими окнами в глубоких нишах.

Описывая «прогресс» в больничном деле, Ревейе-Париз писал в 1847 г., что «еще недавно улицы вокруг Отель Дьё были настоящими грязными, вонючими ямами... Но, принимая различные меры к улучшению самой больницы, забыли одну, как сказал знаменитый хирург Тэнон (Tainon), забыли самую главную — снести ее совсем». Далее, ссылаясь на свидетельства врачей, Ревейе-Париз писал, что «... В этих улучшениях более видимости, чем реальности: пища не такая, какой она должна быть, непитательная и недостаточная, белье оставляет желать лучшего»[1].

Наследием средневековья во французских больницах все еще оставались палаты огромных размеров, до 200 коек, в которых помещались больные с самыми разнородными заболеваниями. Это способствовало постоянному распространению внутрибольничных инфекций, доходивших порой до опустошительных эпидемий.

Для изоляции тяжелобольных от шума в многолюдных палатах парижских больниц у каждой койки были устроены занавески, но это не давало требуемого успокоения, а лишь затрудняло доступ к больным воздуха, правда, всегда дурного, так как в парижских больницах уборные были устроены исключительно плохо и отравляли все здание зловонием.

Средства больниц нерационально расходовались на внешний блеск: великолепный въезд с цветниками и куртинами, роскошные вестибюли, красивые занавески, нарядные узоры на оконных решетках. Все это приводило к ежегодному дефициту. Экономию наводили за счет бесплатного ухода за больными, который поручался неквалифицированным лицам — монахиням и женщинам — членам разных религиозно-нравственных обществ.

В распоряжении их было небольшое число прислужниц, которое было бы недостаточно, если бы им не помогали сами больные из числа выздоравливающих. При этом условии больным разрешалось оставаться в больнице сверх нужного времени. Это же становилось причиной того, что по недостатку мест отказывали в приеме новым больным, нуждавшимся в неотложной помощи. Прислужниц же не хватало по причине установленного для них жалкого содержания. На эту работу шли самые обездоленные люди, старавшиеся при этом компенсировать недостаток содержания продажей больным различных

---

[1] Gazette médicale de Paris, 1847, N. 20.

видов съестного. Все они оставались в больницах очень недолго, не находя в них для себя ничего выгодного и привлекательного.

Попасть в больницу больной мог только через Центральное больничное бюро (центральный приемный покой), где бы он ни проживал и независимо от того, имелась ли по его местожительству какая-либо больница. Центральный приемный покой распределял больных согласно сведениям об имеющихся в больницах свободных койках. Транспорта для перевозки больных не было, и больной должен был добираться в больницу сам, большей частью пешком за неимением средств, часто совсем в противоположный конец города и при этом в тяжелом состоянии. От этого нередко происходили случаи смерти на пороге больниц[1]. Направления в больницы визировались инспекторами, некоторые не были врачами, но требовали безусловного выполнения своих решений. Платные больные мытарств не претерпевали.

Назначение врачей и внутренний распорядок в больницах страдали теми же чертами хаотического смешения бюрократизма, с одной стороны, протекционизма и анархии — с другой. Назначение врача на государственную службу, освобождавшую от налогов и покупки патента, зависело от разных влиятельных лиц и служило поводом к интригам и сделкам.

По существующему положению медицинский персонал назначался министерством внутренних дел из числа 3 кандидатов, представляемых Больничным советом непременно из состава Центрального больничного бюро[2] на 5 лет, но с правом переизбрания, пока такому врачу не исполнится 60 лет, после чего он уходил в отставку.

Но фактически Больничный совет сплошь и рядом нарушал это положение и предоставлял места «своим людям», знакомым министров, театральных и иных знаменитостей. А префект полиции утверждал кандидатуру из своих соображений, более касающихся политической «благонадежности», нежели медицинской ценности.

И само Центральное больничное бюро благодаря узкому составу жюри конкурсов из больничных врачей, т. е. из привилегированной верхушки профессии, с течением времени из той демократической организации, какой хотели видеть ее инициаторы в 1830 г., превратилось в организацию бюрократического протекционизма, охранявшую интересы верхушки врачебного сословия.

---

[1] Gazette médicale de Paris, 1848, N. 26.

[2] Центральное больничное бюро представляло собой некий центр накопления и распределения квалифицированной врачебной силы, куда могли попасть лишь по конкурсу врачи, кончившие французские медицинские факультеты. Жюри конкурса составлялось из больничных врачей. Самый конкурс был введен в 1830 г. после июльской революции.

Благодаря формальной процедуре перевыборов должности больничных врачей становились пожизненными и недоступными для молодежи. Несмотря на мизерное содержание, работа в больницах очень привлекала врачей, так как давала богатый материал для наблюдений и гарантировала усовершенствование под руководством известных и опытных специалистов.

Именно больничные врачи снабжали медицинскую периодику научными трудами, выполненными на основании клинических наблюдений в больницах. Это давало им дополнительный заработок, позволявший создать приличную их положению квартирную обстановку, а эта последняя вместе с известностью и почетом (во Франции большим уважением пользуется именно корпорация больничных врачей) в свою очередь привлекала пациентов. Больничные врачи отнюдь не пренебрегали частной практикой; наоборот, они использовали свое положение для получения и закрепления за собой постоянной и солидной клиентуры. Разумеется, что такое создание себе клиентуры происходило в ущерб работе в больнице, от которой нужно было урывать время для частной практики.

Эти условия и создавали привилегированную верхушку врачей, проходивших затем по конкурсу и на факультетские кафедры, и в Медицинскую академию.

В больнице такой профессор заведовал отделением и пользовался полной властью. Он совершал утренний обход палат, за ним следовала свита безмолвных подчиненных: интерны, экстерны и врачи, свободно допускавшиеся при предъявлении диплома. Профессора неизменно сопровождал больничный аптекарь, который записывал под его диктовку рецепты прописываемых лекарств и затем их изготовлял. Подчиненные врачи сами не могли изменять предписанное. Лишь интерн во время своего дежурства мог прибавить к ним в случае нужды то, что считал нужным.

Палатный врач считался помощником заведующего отделением на 50—200 коек. При такой нагрузке он не мог уделить должного внимания каждому из своих больных, предоставляя лечение экстернам.

«Метод лечения в парижских больницах, — писал К. А. Демонси,— вообще очень прост. Редко прописывается сложное лекарство. В большом употреблении слабительные, кровопускания, отвлекающие средства. В рецептах часто встречаются хина, опий, железо, сурьма, ртуть»[1].

Этот метод лечения, практиковавшийся в парижских больницах, был предметом многих горестных рассуждений в передовой медицинской печати. Так, Герен в статье, посвященной проекту организации медицинского дела во Франции, писал: «...в клиниках они (профессора.— *Е. Я.*) кладут своих больных

[1] К. А. Демонси. Сочинения. Стр. 108.

правильными шеренгами и всех проводят, как по команде, этот ряд — через клизму, этот — через кровопускание, этот — через приемы хинина»[1].

Франсуа Распайль вспоминает известного Боскильона (Bosquillon), который, входя утром в палату, обращался к сопровождавшим его студентам: «Что ж мы будем делать сегодня? А вот дадим слабительное всем больным лежащим на левой стороне палаты, и пустим кровь всем, лежащим на правой»[2].

Небрежность ухода и лечения вызывала огромное количество смертей в больницах. Приводим свидетельство того же Распайля:

«...медицинские учреждения влачат свое существование в состоянии расстройства и нечистоты. Наши больницы недостаточны для всех больных; вскоре понадобится даже протекция, чтобы туда лечь. Отказывают больным в начале их заболевания, когда их можно еще излечить, и вынуждены их принять, когда они стучатся обратно при последнем издыхании... Платите или умирайте! Это так естественно, что никто не протестует. Наблюдение за больным требует частого пребывания врача у койки больного, но что может наблюдать больничный врач, если он посвящает всего 2 часа тому, чтобы обежать 4—5 палат и посмотреть 200 больных? Он довольствуется докладом интерна для назначения лечения. Интерн, связанный предписанием врача, хотя и видит ухудшение болезни, воздерживается от изменения предписания, а когда через сутки врач возвращается, момент упущен и больной умирает. Таким образом, наши больницы становятся колоссальными человеческими бойнями, потому что больничный врач, чтобы жить, должен заниматься частной практикой.

Наиболее просвещенные и благодетельные врачи наших убежищ связаны «вето» некомпетентных советов опекунов; лечение больного двигается от препятствия к препятствию. Беспорядок и анархия в организации, жадность в эксплуатации, беспомощность в случаях желания сделать добро, и всемогущество, свободное от всякого контроля, когда хотят причинить зло под прикрытием диплома»[3].

Такое состояние больниц приводило к вопиющему противоречию: народ нуждался в больницах и в то же время боялся их как места ужаса и смерти.

---

[1] Gazette médicale de Paris, 1847, N. 11.

[2] Ф. Распайль. Карманный словарь здравия или домашняя медицина и аптека..., СПБ, 1860, стр. 6.

[3] Fr. Raspail. Histoire naturelle de la santé et de la maladie. T. I, Paris, 1843, p. LV.

Глава IV

ПОМОЩЬ БОЛЬНЫМ НА ДОМУ

Плачевное состояние больниц привело передовую врачебную общественность к мысли об организации медицинской помощи неимущим больным на дому[1]. Мысль эта нашла реализацию в создании в городах Бюро общественного призрения.

Бюро общественного призрения для помощи на дому были учреждены законом от 29 ноября 1796 г.

В Париже Бюро призрения существовали в каждом районе. Заведование ими, так же как и больницами, находилось в руках лиц, не имевших медицинского образования, а это обусловливало отсутствие всякого единообразия в их деятельности.

Для своего существования бюро призрения первоначально располагали очень скромными средствами. Бюро получали право сбора одной десятой с расходов на развлечения, т. е. с каждого театрального билета, билета на балы, на концерты и т. д. Затем последовал ряд декретов по организации общественного призрения. Декрет от 12/VII 1807 г. устанавливал, что имущество и доходы, принадлежавшие благотворительным учреждениям, предоставляются бюро призрения того округа, в котором они расположены. Декрет от 3/XII 1809 г. узаконил для них известную часть с валового дохода мест увеселений. Наконец декреты 1821 и 1830 гг. завершили их организацию в том виде, в каком они просуществовали до революции 1848 г. Начиная с 30-х годов средства бюро значительно возрастают за счет благотворительных взносов.

Предметом деятельности бюро было распределение пособий неимущим больным, по возможности натурой, а также необходимое лечение и уход за больными и калеками.

Каждое Бюро призрения состояло из председателя — мэра округа, двух его помощников и 12 администраторов, назначаемых министром внутренних дел, нескольких комиссаров по делам бедняков и дам-патронесс. К бюро прикреплялись секретарь, врач и хирург. В департаментах члены бюро в числе пяти назначались префектами.

В одних бюро царило полное согласие между врачом и заведующим, в других—никакого. В одном врач имел авторитет, в другом—никакого. При этом врачи даже никогда не имели возможности увидеть друг друга и обменяться мнениями, так как межрайонные совещания не были дозволены. Всюду были различные правила приема больных, всюду свои ошибки, как и свои достижения; деятельность текла стихийно, день за днем, без всякой общей основы, направления и цели. Здесь, как и в больницах, администратор визировал назначения лекарств, раздачу бедным белья, топлива, пищи.

---

[1] Gazette des hôpitaux civils et militaires, 1848, N. 40, p. 159.

Самым вопиющим злом этих бюро являлись их аптеки. Сестры милосердия, изготовлявшие лекарства, не имели достаточного образования. Лекарства отпускались в посуду больных, зачастую плохо вымытую и, конечно, без этикеток. Сестры ее не мыли и прямо накладывали в нее мазь или наливали микстуры и капли. Хотя это являлось прямым нарушением постановления от 24/IX 1831 г. министра торговли, в ведении которого находились аптеки, с этим никто не боролся.

Очень часто эти импровизированные фармацевты соблазнялись возможностью превратиться в импровизированных врачей и позволяли себе изменять прописанное лекарство. Бывали случаи отказа выдать прописанное врачом и навязывалось свое лечение в интересах дополнительного незаконного приработка. К тому же аптеки многих бюро открывались поздно, поэтому происходила загрузка их в некоторые часы, а вместе с тем и непроизводительная трата времени больными, ждущими отпуска лекарств в длинной очереди.

Подобные беспорядки происходили из-за одного и того же недостатка в организации бюро, находившихся в заведовании невежественных и не компетентных в медицине лиц, бесконтрольно расходовавших средства бюро и использовавших эти средства для личной наживы.

В журнале «Gazette des hôpitaux civils et militaires» («Журнал гражданских и военных больниц») за 1848 г. (№ 26) читаем о некоторых инспекторах бюро и больниц: «Истинными виновниками плохого управления являются члены Правительственной комиссии, в некотором роде проконсулы, делящие между собой управление общественными делами и царствующие в виде деспотов; они получают колоссальный гонорар за чрезвычайно малую работу, так что можно сказать, что, приезжая из провинции за чинами и деньгами и начиная работу, они входят в комиссию в сабо[1], а выходят оттуда в английской экипировке».

Помощью бюро призрения пользовались лица, которые могли представить удостоверение о бедности. Обслуживание неимущих больных, будучи бесплатным, являлось для врачей скорее делом милосердия или идейного служения. Оно не влекло за собой ни особого почета, ни награждений, не прибавляло престижа, как это было в больницах. Однако врачи не чуждались этого, так как служба в Бюро призрения освобождала их от покупки патента, а врачи-революционеры, как указывалось выше, даже стремились там работать в целях общения с трудовым народом.

Очень плохо обстояло дело в бюро со средним персоналом: сестрами, сиделками и акушерками. Эти должности оплачива-

[1] Деревянные башмаки, обувь крестьян.

лись столь мизерно, что не находилось желающих их занять. Между тем именно помощь на дому требовала частого посещения и пребывания у постели больного сестры или акушерки. Те жалкие кадры акушерок, которыми располагало бюро, пускались часто, по бедности, на предосудительные приработки.

Описанными видами медицинской помощи, находившейся в более чем плачевном состоянии, и исчерпывалась забота правительства о здоровье населения. Ее должна была заменять благотворительность.

Действительно, по данным А. Ватевилля[1], во Франции в 1847 г. было 1338 больниц и приютов, львиную долю бюджета которых составляли благотворительные средства, 7599 Бюро общественного призрения, 39 заведений для глухонемых воспитанников, одно заведение для слепых, 37 домов призрения для неплатежеспособных психически больных, 25 общественных убежищ для хроников; 11 частных приютов, что вместе с прочими видами общественных благотворительных заведений составляло внушительную цифру — 9242 заведения. На них тратились колоссальные средства, тратились нелепо и бесконтрольно.

Страх перед революцией, страх перед социализмом заставлял буржуазию увеличивать свои пожертвования на дела призрения. Согласно отчету министра внутренних дел за 1847 г., пожертвования на благотворительность увеличивались с каждым годом. Так, с 1800 по 1814 г. они составляли приблизительно один миллион, в течение 15 лет Реставрации — 2 миллиона, в период правления Луи Филиппа — 4 миллиона франков[2]. Однако все эти благотворительные поступления не способствовали улучшению больничного дела.

Придя к власти, буржуазия через своего представителя в Конвенте Барера (Barère) объявила аристократию единственной виновницей нищеты и несправедливых законов. Барер заявил, что Конвенту принадлежит право «заставить исчезнуть огромную несправедливость состояний, стереть имя бедного из летописи республики, изгнать нищету благотворительностью и призвать всех граждан к правам человечности и обязанностям труда...»[3].

Но эти гуманные чувства быстро остывали, и после 9 термидора с трибуны раздались совсем другие слова депутата Делеклуа (Delecloy): «Уже время выйти из той глубокой ямы,

---

[1] A. Watteville. Essai statistique sur les établissements de bienfaisance. Paris, 1847.

[2] P. Larousse. Grand dictionnaire universel du XIX siècle. T. I, p. 794.

[3] F. Marbeau. Du paupérisme en France et des moyens d'y remédier. Paris, 1847, p. 51.

в которой нас держит преувеличенная филантропия... Бедняк имеет право лишь на общее сострадание... Установим же в принципе, что правительство должно вмешиваться в общественную благотворительность лишь для примера, т. е. мы отдаем бедняка под опеку милосердия и добрых людей, и вовлекаем в игру всеобщую сострадательность»[1].

Таким образом, общественная филантропия должна была заменить государственное обеспечение неимущих. С этого момента определилось направление общественного призрения при всех сменявших друг друга видах правления буржуазии — Директории, Империи, Реставрации, Июльской монархии. По определению видных буржуазных деятелей того времени, дело призрения представляло интересы общественного порядка в сохранности собственности и личного покоя. Лучшие люди приходили к выводу, что зло коренится в самой системе. «При общем порочном положении и хорошие учреждения становятся дурными», писал Марбо (Marbeau)[2], инициатор организации яслей.

Что же касается санитарной деятельности и благоустройства населенных мест, то их можно считать почти отсутствовавшими. Местные санитарные управления, если где и были созданы в силу закона 1802 г., вяло проводили кое-какие работы и были бессильны сделать что-либо значительное. Существовавшие согласно закону 1805 г. врачи-эпидемиологи и врачи для бедных, крайне скудно обеспечиваемые общинами, занимались частной практикой среди более состоятельного населения общин и стремились как-нибудь выбраться в крупные центры, на курорты и минеральные воды.

Застой в медицинском деле в большой степени был связан с распыленностью медицины по отдельным ведомствам. Ведомство внутренних дел ведало, как уже было сказано выше, назначением врачей для бедных и врачей по санитарно-эпидемическому надзору; ведомство земледелия и торговли ведало врачами, работающими на курортах и минеральных водах, а также фармацевтами и аптеками; ведомство народного просвещения ведало преподаванием в высших медицинских школах и назначением профессуры. Не было никакого объединяющего государственного руководства медицинским делом в стране.

---

[1] P. Larousse. Grand dictionnaire universel du XIX siècle. T. I, p. 794—795.

[2] F. Marbeau. Du paupérisme en France et des moyens d'y remédier. Paris, 1847, p. 18.

Глава V

МЕДИЦИНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Постановка медицинского высшего образования во Франции в первой половине XIX столетия имела много недостатков. Об этом свидетельствует официально признанное существование врачей второго разряда. Не было никакой связи между преподаванием, врачебной практикой и наукой, как не было единства и в самой врачебной корпорации. Та же анархия, смесь бюрократизма и произвола, протекционизма, смесь рутины и бесконтрольного своеволия.

До июльской революции 1830 г. профессора и преподаватели высшей школы назначались королем. В 1830 г. комиссия передовых ученых медиков подала правительству петицию о реорганизации преподавания в высшей медицинской школе, в частности о том, чтобы, не назначать, а подвергать конкурсным испытаниям профессоров и ассистентов, с известными, конечно, различиями для тех и других. Это положение о конкурсах удалось провести в жизнь. Но с течением времени конкурс потерял свое прогрессивное демократическое значение.

«Конкурсы превратились в убыточную для университета комедию, тягостную для жюри, которые часто попадали в фальшивое положение из-за происков кандидатов и их приятелей, изнурительную для соискателей, заставлявшую их терять время и служившую поводом к неприязни и даже к постыдным действиям. От посредственностей избавиться не могли, а люди с достоинством во избежание риска не выставляли своих кандидатур»[1].

В связи с этим профессорские места на кафедрах превращались в пожизненные. Престарелые, давно прекратившие творческую деятельность профессора часто читали лекции вне связи с двигающейся вперед наукой, перед малочисленной аудиторией.

Какие попустительства личному благополучию могли делаться в эту эпоху, показывает следующий случай, приведенный в 1832 г. в «Gazette médicale de Paris»[2]. Кафедра акушерской клиники была создана в 1823 г. под энергичным и упорным нажимом студенчества, требовавшего ее в течение пяти лет. Директором клиники был назначен проф. Дезормо (Desormeaux), пользовавшийся покровительством одной принцессы. Но не хватало самого существенного, чтобы на деле провести преподавание важного предмета, профессор ни разу не решился взять слова. Десять лет он регулярно получал свое профессорское содержание, аккуратно восседал в экзамена-

---

[1] К. А. Демонси. Записки по части врачебных наук, 1844, кн. 2, стр. 92.

[2] Gazette médicale de Paris, 1832, N. 88.

ционных комиссиях. Студенты требовали дать им акушерский курс, но никто не смел объявить конкурс на номинально учрежденную кафедру, чтобы не лишить влиятельного «профессора» синекуры.

Совместительство процветало вплоть до занятия одновременно трех различных по специальности кафедр, причем лекции читались лишь на одной. Уверенные в незыблемости выплачиваемого содержания, пожизненные профессора пренебрегали всяким продвижением своей науки вперед и читали все, что придется, для заполнения своих часов.

В 1847 г. Герен писал:

«Что видим мы вокруг нас? В наших школах учителя без всякой заботы о настоящей науке, повинуясь не то капризу, не то иным странностям настроений, повторяют одну за другой веши, диаметрально противоположные друг другу, при этом на расстоянии одного часа времени.

Чем же могут стать воспитанные в этих школах произвола и научной анархии будущие врачи? В том, что я пишу, нет ничего преувеличенного, а исключения подтверждают правила Отсюда в обществе весьма посредственное доверие и уважение к врачу и медицине. Кредит оказывается в отдельных случаях личному достоинству и таланту врача. И действительно, что представляет собой в глазах общества диплом, если он не является никакой гарантией положительной науки? Не надо воображать, что обществу неизвестно неопределенное положение в медицине, отсутствие в ней точности, ее постоянные и глубокие междоусобные распри, т. е. все то, что обличает полное отсутствие в ней выработанных научных принципов и самую большую анархию в практике и преподавании. Шарлатаны имеют преимущество, они иногда вылечивают, и это делают именно благодаря искусству заставлять себе верить»[1].

Производственная практика для студентов парижского медицинского факультета в больницах была введена лишь в 1813 г. в больнице, получившей название «Клиника», но и она была недостаточна. Молодые врачи после окончания курса доучивались в больницах, если удавалось туда проникнуть интерном или экстерном. В противном случае они так и уезжали невеждами в провинцию. Бывали случаи незаконного получения врачебного диплома людьми, мало сведущими в медицине.

Известный врач Мари Сент-Урсэн (Marie Saint-Oursin) называл, как передает Ревейе-Париз, медицинские факультеты «мельницей дипломов, фабрикой выпусков»[2].

Законом утвержденное преподавание медицины во Франции входило в круг действия университета. Университет же во

---

[1] Gazette médicale de Paris, 1847, N. 1.
[2] Там же, 1843, N. 26.

Франции не являлся университетом в нашем представлении, т. е. отдельным учебным заведением, а объединял все высшие учебные заведения в стране. Университетом управлял особый Совет, состоявший из 8 человек.

Председателем Совета был министр просвещения в качестве канцлера университета.

Медицинские факультеты входили, таким образом, в круг действия университета. Их было три — в Париже (1180), Страсбурге (1621) и Монпелье (1289). Парижский факультет состоял из 26 профессоров. Декана избирали на 5 лет из среды профессоров, он заведовал административной и полицейской частью факультета. Решения по научной части проходили через конференцию профессоров, но голос декана имел перевес. Решения конференции не имели силы без санкции министра просвещения или Совета, согласно декрету от 2/II 1823 г.

Профессора назначались сначала пожизненно, а после введения конкурсов также добивались того, что оставались пожизненно на своих кафедрах. Они только обязаны были в точности соблюдать устав факультета и повиноваться канцлеру университета, «не уклоняться от почтения к религии, нравственности и правительству» и вести себя в частной и общественной жизни «прилично своему званию». О случаях несоблюдения устава декан доносил Совету факультета, который смотря по важности провинности назначал виновному наказание: удалял временно от исполнения обязанностей или вовсе отстранял от службы[1].

При факультете было 24 должности адъюнктов. По истечении 9 лет они могли по конкурсу получить звание экстраординарного профессора.

Иностранцы, в частности тот же К. А. Демонси, усматривали в отсутствии единства и согласия между членами факультета дурной пример для молодых людей. «С глубоким отвращением,—писал он,—случалось мне слушать во время преподавания или даже экзаменов самые едкие выходки некоторых профессоров против отсутствующих или даже присутствующих товарищей. Слабость злословить отсутствующих у себя дома при своих поклонниках вошла в обыкновение, что противно интересу науки. Раздоры, порождаемые различными взглядами на науку, превратились в личные; и действительно, в парижском факультете относительно вопросов науки вы тщетно будете искать различные школы. Бруссе был последней школой. Правда, наблюдается стремление к положительному знанию со времени введения анатомопатологических изысканий. Но есть сему и противники, кои водят в этом живой путь к материализму, и трепетной рукой потрясают знамя спиритуализма, но не находят последователей.

---

[1] Trebuchet. Jurisprudence de la médecine, de la chirurgie et de la pharmacie en France. Paris, 1834, p. 455.

Статистика, введенная в медицину многими врачами, во главе которых должно поставить Луи, имеет на факультете некоторых приверженцев. Но факультет вообще имеет характер электрический. Он предоставил себе право черпать из всех учений, но не принимает ни одного под свое особое покровительство. В общем сами профессора считают, что медицина находится в своем веке перехода и накопления»[1].

Глава VI

АКАДЕМИЯ МЕДИЦИНСКИХ НАУК

Реакция во Франции, наиболее резко выраженная в эпоху Реставрации, не могла не отразиться отрицательно на развитии науки в первой половине XIX века. Это видно особенно ясно при рассмотрении деятельности официального центра медицинской науки — Королевской академии медицинских наук.

Академия медицинских наук была создана в 1820 г. с заданием информировать правительство по всем вопросам общественной гигиены и продолжать работы Медицинского общества (Société Royale de médecine — Королевское Медицинское Общество) и Академии хирургии, распущенных в 1793 г.

Существовало две категории членов академии: действительные члены и члены-адъюнкты. В самой организации академии были существенные недостатки.

Во первых, действительных членов Медицинской академии можно было избрать лишь из числа членов-адъюнктов. Это вызвало стремление некоторых ловких молодых людей добиваться избрания в академию без соответствующих заслуг, чтобы заранее завоевать себе поприще, на котором рано или поздно они будут действительными академиками. При существующем режиме сделок и протекционизма это приводило к колоссальному раздуванию штатов. В 30-х годах в Медицинской академии насчитывалось 140—150 членов. Это вызывало громоздкость в прохождении всей работы академии и наполняло ее заседания бесплодными разговорами. Кроме того, задерживался доступ в академию свежих сил извне.

По этому поводу Герен остроумно заметил, что академики «из страха ошибиться в ценности нового привыкли предпочитать ему древности...»[2].

---

[1] К. А. Демонси. Записки по части врачебных наук. 1844, кн. II, стр. 99—119.

[2] Gazette médicale de Paris, 1832, N. 27.

Во-вторых, право решающего голоса имели только действительные члены академии. Отсюда бурный и затяжной характер дискуссии. Тот, кто не имел решающего голоса, произносил длиннейшие речи, чтобы в обсуждаемом вопросе склонить на свою сторону академиков.

Вообще же, спокойные за свою судьбу, действительные члены и члены-адъюнкты работали вяло и не привлекали к себе слушателей. «Каждый ее член, — писал Герен в своей статье, посвященной обсуждению мер улучшения работы Медицинской академии, — погруженный в некий род интеллектуальной летаргии, ограничивается тем, что выбрасывает один раз в 12—18 месяцев определенное количество слов как норму для того, чтобы числиться в академии. Поэтому так редко можно услышать в академии солидные, интересные, глубокие исследовательские доклады. Нет никакого соревнования. Если возможности прочитать доклад надо ждать от года до полутора, то ничье самолюбие не замирает от счастья, так как не очень лестно быть записанным в список кандидатов, ждущих выбора 5—6 лет, и нет никакого удовлетворения для автора статьи быть включенным в предполагаемый к изданию сборник, который никогда не выходит»[1].

Малому престижу академии много содействовал характер, который придавали ее работе поручаемые ей экспертизы над тем или иным секретным средством, лечебным аппаратом, снадобьем, изобретенным каким-нибудь ловким дельцом, имеющим связи в министерстве или при дворе. Все это пахло наживой, большими прибылями, легко получало доступ в высшие сферы и их покровительство. Чтобы украсить академической маркой патентованное средство, министерство то и дело представляло в академию образчики, над которыми думали и экспериментировали ученые академики.

Иные академические дискуссии с трудом воспринимаются теперь как действительность по причине их анекдотичности. Достаточно сказать, что диетические сухарики известного парижского пирожника Гондоло, представляющие собой просто хорошо высушенный белый хлеб, отняли три вечера академической дискуссии с докладами и отчетами специально выделенной комиссии, анкетами и голосованием. Подобное происходило при торжественной апробации одеколона парфюмера Фарини. Точно так же неблаговидно вела себя академическая ученая корпорация при обсуждении научной и лечебной ценности ортопедического корсета одного из крупных парижских шарлатанов, некоего Оссара (Hossard), нажившего себе дворец и состояние излечением искривлений позвоночника посредством корсета, на который Медицинская академия выдала ему патент.

---

[1] Gazette médicale de Paris, 1882. N. 27.

Подозревая здесь ловкую инсценировку, лучший ортопед тогдашнего Парижа, возвысивший эту отрасль хирургии до степени подлинной науки, известный своей честностью ученый, упоминавшийся выше Жюль Герен проделал исследовательскую работу для разоблачения фальсификации исцелений[1]. Он блестяще доказал перед почтенным собранием академиков шарлатанство Оссара, но был обвинен в оскорблении личности и подвергся суду по существовавшему со времен Реставрации нелепому закону (от 17/V 1819 г.), который требовал суда и наказания за клевету и оскорбление того, кто обвинит публично другого в неблаговидном поступке, независимо от того, совершил ли его этот последний или нет.

В одном из своих остроумных фельетонов о Медицинской академии Герен, пересказывая анектоды о ее работе, горячо требовал реформы академии.

«Если Академия, по существу вещей, обречена на смешную бесполезность — упраздните ее, — предлагал Герен, — если же дело в плохой организации—улучшите и укрепите ее. Дело Академии в пропаганде и распространении знаний, т. е. она должна ускорить прогресс, благоприятствовать его наступлению всеми способами, какими она располагает, а выполняя только министерские задания, она превращается в правительственную комиссию, судилище, бюро проверки, как хотите назовите, только не Академией»[2].

Действительно, если Французской академии наук еще принадлежала слава мирового центра научной мысли, то нельзя было этого сказать про Медицинскую академию. Наоборот, в тот период она находилась в состоянии упадка. Правительство использовало Медицинскую академию, но мало заботилось о ее благоустройстве. Академия занимала очень скромное помещение, небольшую часть здания, вместе с другими учреждениями. У нее не было своих специально оборудованных кабинетов, химическая лаборатория ютилась в тесном и темном помещении, похожем скорее на каземат, а к формированию библиотеки приступили лишь в 1847 г. «Дотацию она получала столь скромную, что издание ее бюллетеня и трудов являлось плодом страшных подвигов экономии»[3].

Оскудение живого потока творческой научной мысли тревожно констатировали передовые представители ученого медицинского мира Франции.

---

[1] J. Guérin. Mémoire sur les déviations simulées de la colonne vértébrale et les moyens de les distinguer des déviations pathologiques, présenté à l'Académie Royale de médecine le 31 mai 1836. Paris, 1838.

[2] Gazette médicale de Paris, 1832, N. 97.

[3] Там же.

Приведенный нами краткий обзор состояния медицинского дела в 30-х и 40-х годах во Франции показывает, что эта эпоха самими современниками рассматривалась как эпоха упадка, безвременья, «эпоха перехода и накопления».

Как мы уже отмечали выше, медицина в эту эпоху во Франции от законодательства до самих медицинских учреждений и деятельности врачей, носила все черты капиталистической анархии.

Ее лучшие передовые представители связывали это с социальным и политическим строем своего времени, в нем они видели причину неудовлетворительного состояния медицинского дела во Франции и боролись с ним тем или иным способом.

ЧАСТЬ II
ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1848 г.

Глава I

УЧАСТИЕ ВРАЧЕЙ В ФЕВРАЛЬСКИХ СОБЫТИЯХ. СОЦИАЛЬНАЯ МЕДИЦИНА СОЦИАЛИСТОВ-УТОПИСТОВ

Революция 1848 г. была встречена врачебной массой с воодушевлением как начало новой эры, открывавшей широкое поле государственной деятельности, активное органическое участие в деле «социального оздоровления».

Не удивительно поэтому, что начало февральской революции 1848 г., а также и первые действия временного правительства связаны с именами врачей социалистов-утопистов. Известно, что бескровное занятие Тюильри повстанцами было совершено благодаря находчивости лейтенанта национальной гвардии врача Обер-Роша (Aubert-Roche), убедившего герцога Немурского прекратить сопротивление. Только что после кровопролитного боя был взят Пале Рояль, восставший народ подступил к Тюильри, где было сосредоточено до 10 000 правительственных войск. Вот как описывает это А. И. Герцен:

«Доктор медицины Рош после отъезда короля подошел к карусельской решетке и потребовал, чтобы его впустили. Решетка отворилась. Рош отправился к герцогу Немурскому и предложил ему во избежание страшного кровопролития, которое все-таки окончится взятием дворца, отдать приказ, чтобы войска отступили. Герцог повиновался. Народ занял дворец»[1].

Тому же Рошу выпала честь объявить народу акт отречения Луи Филиппа.

Известно также, что популярный в рабочих массах врач-коммунист Распайль от имени парижского пролетариата потребовал объявить республику формой политического управления Франции.

Революция 1848 г. была делом рабочего класса; именно он строил баррикады и жертвовал жизнью. Но плоды победы достались крупной промышленной буржуазии, ее идеологам и приспешникам.

[1] А. И. Герцен. Письма из Франции и Италии. М., 1931, стр. 144.

Еще 25 февраля не была окончательно объявлена временным правительством форма политического управления Францией. Но пролетариат на этот раз не хотел быть обманутым и заставил объявить республику. Вот как описывает это К. Маркс в «Классовой борьбе во Франции с 1848 по 1850 г.»:

«Чтобы сообщить об этом, *Распайль* отправился в ратушу. От имени парижского пролетариата он *приказал* временному правительству провозгласить республику; если это повеление народа не будет исполнено в течение двух часов, то он вернется во главе 200 000 человек. Трупы павших борцов еще не успели остыть, баррикады еще не были убраны, рабочие еще не были обезоружены, и единственной силой, которую им можно было противопоставить, была Национальная гвардия. При этих обстоятельствах внезапно исчезли соображения государственной мудрости и юридическая щепетильность временного правительства. Еще до истечения двухчасового срока на всех стенах Парижа красовались исторические исполинские слова:

«Французская республика! Свобода, Равенство, Братство!»[1]

В самый вечер победы Революции, 24 февраля, врач Александр Тьерри (Alexandre Thierry), член Медицинской академии, в течение 4 лет работавший в Парижском муниципалитете, где он постоянно защищал рабочее неселение, выступил в ратуше с лозунгом о народном самоуправлении — «Вся власть коммунам!».

Но расхватавшие в тот же день правительственные портфели «вожди» из клики «National» быстро поняли опасность этого лозунга и тут же смяли его своим большинством. Мэрия была оставлена; лишь сменены декорации, ее состав видоизменен при помощи новых «демократических» имен.

А от радикала Тьерри отделались, отведя его революционную энергию в русло больничного дела. Тьерри было предложено произвести осмотр и ревизию больниц и убежищ, что должно было занять много времени. Для этого он получил высокий пост и титул уполномоченного делегата правительства по управлению и реорганизации учреждений, находившихся в ведении Больничного совета и общественного призрения.

Когда же через $2^1/_2$ месяца Тьерри подал проект коренной реорганизации медицинских учреждений, то этот проект даже не стали рассматривать.

Между тем самый факт назначения врача на ответственный пост управления больницами в некоторой степени способствовал переходу на сторону временного правительства врачебной массы, мечтавшей о реформах медицинского дела.

В медицинской прессе врачи выступили с выражением признательности правительству за назначение врача во главе управления больницами и пели дифирамбы временному прави-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. I, М., 1952, стр. 117.

Рис. 2 Больница профессиональных болезней, развернутая в Тюильри в феврале 1848 г

тельству за те законодательные акты по охране народного здравия и общественного призрения, которые правительство вынуждено было издать в начале своей деятельности вместе с постановлениями об обеспечении работой, о создании национальных мастерских, о союзах и т. д.

Эти мероприятия проводились, чтобы усыпить бдительность народных масс, создать иллюзию проведения в жизнь принципов социальной республики, во имя которой воздвигались февральские баррикады.

25 февраля состоялось постановление о превращении Тюильри в госпиталь для рабочих[1]. Врачи тут же добились выделения двух палат для рожениц с бесплатными койками в Парижском родильном доме, а в Отель Дьё — двух палат на 24 койки и палату бесплатной помощи грудным детям в детской больнице, куда до этого времени помещали только детей в возрасте старше 2 лет.

В этот период многие врачи, воодушевленные возможностью активного участия в государственной деятельности, вносили различные проекты по улучшению положения медицинского дела в стране.

Конечно, позиции врачей в этом вопросе были столь же различны, как и их политические взгляды. Врачи, придерживавшиеся левых республиканских взглядов, называвшие себя коммунистами и получившие от буржуазии кличку «красных», провозгласили лозунг «Больницы народу!» наряду с другими социальными реформами, с которыми охрана народного здоровья представляла одно целое. «Респектабельная» же часть была удовлетворена тем, что врачи были поставлены во главе администрации медицинского дела и желали только дальнейшего укрепления политического и общественного престижа врачей, впрочем так же, как и улучшения материального их положения. Наконец, в самой массе врачей было много сторонников реформ и улучшений, про которых так метко сказал В. И. Ленин, что они «всегда будут одурачиваемы защитниками старого, пока не поймут, что всякое старое учреждение, как бы дико и гнило оно ни казалось, держится силами тех или иных господствующих классов»[2].

Ярче всего это настроение врачей выражено Буденом в его открытом письме, опубликованном в «Gazette médicale de Paris»[3].

Буден видел в революции 1848 г. наступление «новой эры для медицинской профессии, эры величия и возрождения». Он писал: «Революция выведет врача из состояния раба к полновесной политической и общественной жизни. Прежнее прави-

---

[1] Bulletin des Lois de la République Française, t. I, Série 10, N. 1—47, Paris, 1848—1849.

[2] В. И. Ленин. Сочинения. Изд. 4-е, т. 19, стр. 8.

[3] Gazette médicale de Paris, 1848, N. 13.

ANNEE 1848.

GAZETTE MÉDICALE

DE PARIS,

Dirigée par le Docteur JULES GUÉRIN.

DIX-HUITIÈME ANNÉE. — TROISIÈME SÉRIE.

TOME TROISIÈME.

PARIS.

AU BUREAU DE LA GAZETTE MÉDICALE, RUE RACINE, 16.

Рис. 3. Титульный лист «Парижского медицинского журнала», издававшегося Жюлем Гереном.

тельство держало врача в систематическом удалении от дел управления страной»[1].

Герен же был совершенно уверен, что революция 1848 г. — революция социальная, что она «осыплет благами медицину»: «Революция 1848 г. — это огромное освобождение тех идей, которые зародились и выросли с тех пор, как произошла первая революция. Ограничиваясь областью научной, спросим, кто может отрицать ту огромную работу, которая совершалась в течение полувека? Но эта работа как бы топталась на месте, не было перспектив и свободы для движения. Научное развитие совершалось лишь в умах людей. Различные привилегии, предрассудки и предубеждения против всего, что имело характер стремления к каким-либо реформам, вот что мешало горячим и оригинальным умам обнаружить вовне все то, что они вынашивали внутри. Если бы революция 1848 г. не сделала ничего более после того, как она разбила оковы и открыла выход всему, что было безысходно, и то она была бы достойна благодарности науки, особенно медицины»[2].

«Достаточно посмотреть, — писал он далее, — что произошло в различных административных отраслях. Повсюду врачи были призваны принять участие в деле политического и хозяйственного возрождения страны. И это не случайность. Те из наших коллег, которые были облечены полномочиями по муниципалитету, получили их именно потому, что были врачами»[3].

Действительно, ряд врачей, более известных как писатели-социалисты, был поднят до самых высоких почетных государственных функций: Бюше был председателем Национального собрания, Треля и Рекюр — вице-председателями того же собрания; 8 из 20 округов Парижа выбрали мэрами врачей; комиссар республики Сенского департамента также был врачом.

Но Герен как истый социалист-утопист приписывает это тому, что медицина «соприкасается с подлинно политическими государственными науками, с политической экономией; более и лучше, чем всякая другая наука, она может содействовать социальному переустройству; с помощью социальной гигиены она улучшает положение неимущих классов, классов трудящихся, всего человечества; общественное воспитание, законодательные реформы не могут быть лучше обоснованы, чем ею»[4].

Социалист-утопист Герен верил в силу идей независимо от общественных отношений, он воспринимал совершившуюся революцию как социальную потому, что она для него была плодом идей, возникших еще в революцию 1789 г. и выношенных скрыто в период реставрации «горячими и оригинальными

---

[1] Gazette médicale de Paris, 1848, N. 13.

[2] Там же, N. 9—10.

[3] Там же.

[4] Там же.

Филипп Бюше (1796—1865), врач, президент Национального собрания.

умами». В них он надеялся найти ту общественную силу, которая через новые законы, согласные с человеческой природой, поможет человечеству создать наилучший общественный строй.

В этих высоких целях, уверенный, что настал нужный момент и что он будет встречен единодушным пониманием, Герен обращается к врачам с призывом объединения в единый общенациональный союз. Он был уверен, что врачи призваны творить общественное дело. Таким общественным делом является создание социальной медицины, этого магического ключа к самым большим и жгучим вопросам эпохи, воспользовавшись которым медицинская корпорация станет движущей силой общества.

В своем обращении к медицинской корпорации Герен писал, что медицина социальная, «призванная в лице врачей в руководящие органы страны, будет главенствовать над медициной чисто научной»[1]. Редакция его журнала превратилась в место работы комиссии по выработке устава проектируемой ассоциации врачей.

Первая инициативная комиссия состояла из врачей-демократов: Обер-Роша, Будена (Boudin), Амедея Латура (Amédée Latour), Ипполита Ларрея (Hyppolite Larrey) и др. Отличительной чертой членов этой комиссии являлась независимость взглядов и отсутствие связей с правительственными кругами. Инициативная комиссия выработала устав и доложила его на первом общем собрании врачей в первых числах марта 1848 г.

Надо отметить, что изложение устава, его предпосылок и целей было выслушано аудиторией с большим вниманием. Докладчиком был Амедей Латур. Он начал свое выступление с высказывания, выразившего стремление распространить медицину на самые широкие области народной и государственной жизни.

«В нашу эпоху, когда повсюду кипят идеи реформ, когда общество находится в тревожном и растерянном состоянии роженицы новых социальных теорий, мы хотели бы, чтобы медицинская наука о здоровом и больном человеке, которая берет его в свои объятия с момента его зачатия, которая сопровождает его, помогая и утешая во всем пути его жизни, наука, столь неизвестная тем, кто правит народами, могла бы проникнуть во все государственные вопросы, куда ее исследования могут пролить новый и неожиданный свет»[2].

Это внедрение медицины в государственное строительство, по мнению Латура и его единомышленников, может быть проведено лишь мощной организацией врачей, сознательно объединяющихся во имя дела социального оздоровления. А сила и плодотворность такого объединения будут зависеть от того,

[1] Gazette médicale de Paris, 1848, N. 13.
[2] Там же, N. 19.

Адриен Рекюр (1796—1872), врач, вице-президент Национального собрания.

насколько оно сможет сплотить вокруг себя широкие круги врачей. Естественно, что этот новый союз должен быть общенациональным.

Согласно этому, цели ассоциации врачей кратко сводились к следующему:

1. Направить усилия медицинской ассоциации по пути усовершенствования общества и человечества.

2. Оказывать Республике, ее законодательной и исполнительной власти постоянное содействие медицинской корпорации в прогрессивном и мирном деле социального оздоровления.

Таким образом, ассоциация предполагала отстаивать в первую очередь интересы народа, подчинив им вопросы научной и профессиональной жизни. Принцип устройства предполагался федеративный, с центром для ежегодных съездов в Париже.

Принцип коллективного служения врачебной корпорации, в первую очередь «великим интересам народа» по формулировке Латура[1] путем создания социальной медицины, впервые нашел отражение в проекте устава ассоциации врачей. Он отсутствовал в предыдущий период, когда врачи выдвигали идею профессионального объединения, которое должно было стать средством защиты от произвола власти. Подобное целеустремление могло появиться лишь при восприятии наступившей революции как перехода к социальному преобразованию общества.

Этот принцип включения врачей в общегосударственную созидательную работу Герен пропагандировал в своем журнале.

Провозглашение республики, — писал он, — это только еще начало созидательной работы по оздоровлению общества. Учредительному собранию придется начертать основные и первые линии этой работы по принципу труда и талантов. В этой работе именно врач может и должен занять первое место. «Кто лучше его может решить проблему улучшения условий жизни беднейших классов? Кто лучше его укажет прямую дорогу в направлении нравственного и физического развития детства? Кто лучше его определит, с одной стороны, продуктивные, с другой — гуманные нормы труда в различных возрастах в соответствии с характером промышленности? Кто лучше врача установит причины физического истощения класса, во имя которого только что повержено здание привилегий, и средства сделать его более здоровым, крепким и счастливым. Все заняты сейчас вопросом громадной трудности — увеличением заработной платы и снижением часов работы. Решение этого вопроса будет более легким в свете социальной медицины. Уменьшение часов работы будет менее истощать рабочего, а увеличение заработной платы увеличит его силы с увеличением комфорта и улучшением питания. Физиологические следствия двух этих

[1] Gazette médicale de Paris, 1848, N. 19.

условий, пугающих предпринимателей, обусловят продуктивную работу»[1].

Но для этой ответственной роли врач должен стать членом единой, мощной своей многочисленностью, корпорации. Поэтому, насколько упорно и горячо Герен отрицал необходимость создания общества в последние предреволюционные годы, когда правительство хотело использовать врачебную организацию в целях сыска, настолько же горячо он ратовал после революции за создание такого общества с энергичным и способным к управлению руководством. «В настоящий момент, — писал он, — мы должны пожертвовать на время своими научными и профессиональными интересами, чтобы сообща помогать общему социальному делу. Как собратья, а не как соперники дадим друг другу руки и поможем каждому собрату так, чтобы в нем возобладала идея корпоративности»[2].

В этом стремлении врачей к объединению Герен усматривал проявление назревшей потребности, общей для всех профессиональных рабочих коллективов.

«Общество реформирует себя, — пишет он, — в отдельные профессиональные семьи, начиная от самых скромных ремесел... Революция 1848 г. выразилась в создании и развитии профессионального социального братства»[3].

Врачи-инициаторы объединения рассматривали национальное объединение врачей во Франции лишь как пример для таких же объединений в других странах, чтобы создать единый международный союз врачей.

Так, Буден писал: «Это национальное объединение может стать прелюдией к международному объединению врачей всех стран. И если это последнее сорганизуется, оно превратится в тот рычаг, о котором взывал Архимед, и этот рычаг перевернет мир!»[4].

Но такие интернациональные идеи пугали буржуазную верхушку сословия и она сделала все, чтобы отстранить проект национальной ассоциации врачей, подменив его другим проектом — местного объединения парижских врачей, имеющего чисто меркантильные интересы. Главные цели общества сводились к облегчению получения различных служебных и материальных благ для врачей. Офицеры здоровья, естественно, были исключены из кандидатов в члены Союза врачей.

Опытные в интригах и подтасовках представители буржуазной врачебной верхушки под предводительством Орфила простой подтасовкой голосов провалили предложение демократической части врачей. И в шумных ожесточенных препирательствах дело так затянулось, что при наступлении разгула

[1] Gazette médicale de Paris, 1848, N. 11.
[2] Там же.
[3] Там же, N. 12bis.
[4] Там же, N. 13.

реакции после июньского восстания был утвержден только проект местной организации парижских врачей, объединившихся в чисто экономических целях.

По этому поводу Герен писал: «Устав получил после голосования очень мелкое содержание. Постановили, что целью общества является обсуждение прав и интересов медицинской корпорации и прежде всего устранения злоупотреблений... Что же касается крупных вопросов общественной гигиены, социального оздоровления... вопросов охраны промышленного труда, реформы системы наказания, всего, что касается физического комфорта и интеллектуального и морального развития народа, то здесь мы слова не имеем»[1].

Проследив фазы этой краткой революции в области медицины и в недрах самой врачебной корпорации, мы увидим здесь то же, что и в общей картине революции 1848 г. Мы увидим ту же иллюзорность «братства», которой социалисты-утописты хотели примирить все классовые и групповые противоречия, трагически обострившиеся в июньские дни.

Знакомясь с современной медицинской периодической печатью, мы становимся свидетелями сначала подъема надежд на обновление общества и уверенности в победе, а затем спада общественного и политического оживления, наступления разочарования, депрессии.

Но вся эта поднявшаяся с первыми днями революции волна надежд, желаний и требований, несомненно, указывала на тот творческий толчок, который сообщила обществу революция. Можно перечислить ряд проблем, которые в то время поднимала врачебная общественность: 1) создание в законодательстве страны особого раздела, на основании которого должны работать больницы и различные заведения общественного призрения; 2) общедоступность стационарной лечебной помощи для всякого, в ней нуждающегося; 3) децентрализация общего приемного покоя для всего Парижа, механически распределявшего больных по различным больницам без учета местожительства и без предоставления транспорта; 4) районирование больниц по городским округам для максимальной доступности их для населения; 5) создание специального больничного транспорта для перевозки больных; 6) улучшение качества медицинского обслуживания путем улучшения условий труда врачей и их медицинских помощников — акушерок, фельдшеров и санитарок, чтобы не вынуждать их искать пополнения своих мизерных ставок частной практикой; 7) совершенное устранение некомпетентного руководства в больницах и Бюро общественного призрения и связанного с этим протекционизма в деле назначения врачей и в распорядке помещения больных; 8) полная реформа конкурсов на самых демократических началах;

---

[1] Gazette médicale de Paris, 1848, N. 24.

9) связь больниц с бюро помощи больным на дому; 10) улучшение качества больничного обслуживания путем реформы высшего и среднего медицинского образования.

В течение первых многообещающих месяцев революции врачами был разработан и затем внесен от имени Парижского общества врачей на утверждение в Национальное собрание проект создания особого министерства здравоохранения в качестве «единого специального компетентного ведомства».

Но особенно интересен предложенный правительству проект создания специальных больничных стационаров на курортах и минеральных водах для обслуживания рабочих, пораженных профессиональными заболеваниями. Комментируя этот проект, Жюль Герен настаивал, что подобное мероприятие, кроме непосредственной лечебной пользы, даст возможность производить научно-статистические исследования, которые в свою очередь послужат основой последующих санитарных мероприятий.

«Известно, — писал он, — что изучение должно быть поставлено на однородных контингентах. Серьезные наблюдения могут осуществиться лишь при участии самих трудящихся масс, заинтересованных в своем здоровье. Таким образом, курорты превращаются из мест развлечения в источник прогресса и научных открытий»[1]. Герен предполагал, что правительство будет иметь достоверные сведения о здоровье своего производительного класса, а ученые получат возможность на основе точных массовых наблюдений развивать науку бальнеотерапии и ее методы.

Здесь мы видим пример стройной продуманной системы построения оздоровительных мероприятий, органически связанных с научно-статистическими исследованиями.

Перечисляя затем заболевания, распространенные среди рабочих, принужденных работать в сырых и темных цехах, Герен доказывал, что организацией специальных больниц правительство прямо пойдет к цели по пути актуальных, социальных реформ, «одной рукою устраняя возникшее уже зло, которое гложет рабочих из поколения в поколение, другой уничтожая самый источник зла через оздоровление условий труда»[2].

«Другой рукой» должна была стать та социальная медицина, которая, по мнению передовых врачей, являлась ключом к разрешению задачи оздоровления общества.

Вокруг вопроса построения социальной медицины и ее значения Герен развернул в своем журнале живейшую дискуссию, в которой приняла участие медицинская пресса.

Герен выступал с обоснованием теоретических и общественных основ социальной медицины и так формулировал ее предмет и метод: «Социальная медицина обнимает собой весь

[1] Gazette médicale de Paris, 1848, N. 20bis.

[2] Там же.

комплекс отношений медицины к обществу. Ее задача — указать на все обстоятельства, в которых медицина может помочь организации общества, его оздоровлению, его благополучию»[1].

В связи с этим Герен делил социальную медицину на разделы: «1) социальная физиология, учение о конституции народов, их физическом состоянии; 2) социальная патология, т. е. обобщение явлений нарушения здоровья и нормального развития населения, а иногда даже его деградацию; 3) социальная гигиена, т. е. наука о предупреждении этих нарушений; 4) социальная терапия, т. е. самые меры борьбы с патологической пораженностью или истощением народным»[2].

Обоснования же для тех или иных мер борьбы новая дисциплина должна черпать из правильно обобщенных многочисленных наблюдений.

Медицину социальную Герен четко отличает от «социалистической», т. е. медицины системы социалистов-утопистов, наличием в ней своего познавательного метода.

«Медицина социалистическая, — писал Герен, — медицина Фурье, фаланстеристов и других социалистических школ, рассматривает медицину с точки зрения своей доктрины, не основываясь на действительности. Следовательно, медицина социалистическая работает вслепую и тем самым рискует упасть в пустоту за неимением основания и предмета. Медицина же социальная будет всегда прочна, всегда истинна, так как будет основываться только на фактах, в отвлечении от каких бы то ни было доктрин и систем»[3].

В высказываниях Герена явно вырисовывается связь с идеями XVIII столетия, с «Общественным договором» Ж. Ж. Руссо. Несомненно и воздействие утопического социализма как в самой системе обрисованной Гереном социальной медицины, так и в употребляемой им терминологии.

Но несомненно и дальнейшее развитие мысли Герена от голого теоретизирования к опыту и наблюдению фактов, которые Герен считал необходимой основой науки.

Противопоставляя опыт теоретизированию, Герен пришел к выводу, что социальная медицина так же экспериментальна, как и медицина вообще, которая связывается у нас с представлением о лечении, т. е. она основывается на данных опыта и многочисленных наблюдениях.

В другом месте он говорил, что социальная медицина должна выработать такой метод, который ей поможет анализировать результаты массовых наблюдений.

Интересны высказывания Распайля, который писал по тому же вопросу в своем „Альманахе из Венсенской тюрьмы": «Ста-

---

[1] Gazette médicale de Paris, 1848, N. 20bis.
[2] Там же.
[3] Там же, N. 12.

тистика говорит о несовершенстве нашего общества... Можно впасть в серьезные ошибки, если полагать, что средняя цифра смертности приложима к отдельным местностям. Нужно производить особую работу для каждого населенного места в департаменте. Смертность по департаментам вариирует в больших пределах. Этот контраст, отмеченный карандашом статистика, встречается на каждом шагу, и в интересах всякого правительства, если оно достойно этого имени, стирать его изо дня в день»[1].

Буден, военный врач, считал статистику неотъемлемой частью социальной медицины. В своей вышедшей за несколько лет перед этим книге «Essai de la géographie médicale» («Опыт медицинской географии») Буден писал, что статистика вооружает экономические науки и общественную гигиену необходимыми сведениями. В журнальной статье «Médecine sociale»[2] («Социальная медицина») Буден дал развернутую программу действия государства совместно с врачами в области социальной медицины, опирающейся на статистические данные. Так, Буден указывал, что высокая смертность во французской армии должна повести к обследованию и улучшению пищевого рациона, правильного размещения войсковых частей в благоустроенных казармах. Правильный анализ статистических данных даст возможность провести меры по улучшению санитарного состояния населения, послужит основанием для пересмотра закона вербовки рекрутов в интересах получения здоровых военных контингентов для страны, улучшит армейскую и флотскую гигиену и т. д.

Буден советовал врачам заниматься политико-экономическими науками для расширения методов социальной медицины. Эти науки сделают врачей «совершенными государственными деятелями. Тогда они смогут участвовать в работе по возрождению человечества, созидая социальную медицину»[3].

Нашлось немало противников приобщения медицины к политике. Им возражал тот же Герен, отмечая, что политическая, т. е. государственная, медицина имеет законное право на существование, это комплекс вопросов судебной медицины и медицинской полиции, входящих как часть в медицину социальную[4].

Еще радикальнее с определенных классовых позиций высказывался профессор гигиены Ипполит Руайэ-Коллар (Hyppolite Royer Collard), начиная цикл своих лекций студентам медицинского факультета в Париже в марте 1848 г. Он заявил, что намерен отныне перейти с чисто гигиенических по-

---

[1] Fr. Raspail. Almanach démocratique et social de l'Ami du Peuple pour 1849, Lunette de Vincenne. Paris, 1849, p. 49.

[2] Gazette médicale de Paris, 1848, N. 14bis.

[3] Там же.

[4] Там же, N. 13bis.

зиций к изложению гигиены социальной, дисциплины, которая, по его словам, раньше занимала очень небольшое место в ряде преподаваемых наук.

«Я должен высказаться честно и откровенно, — говорил проф. Руайэ-Коллар, — революция, которая только что совершилась, есть не просто политическая революция, это революция в социальном строе, и как таковая она является прямой и законной продолжательницей той великой революции, за которую наши отцы пролили свою кровь...

Происшедшая революция заставляет нас решить, но не так, как это делали до сих пор, теоретически и по книгам, а на опыте — чем должен быть отныне в социальной структуре рабочий класс, который является наиболее численной, наиболее производительной частью общества.

Я повторяю, господа, не надо обманываться, наша революция — это воцарение рабочего класса и ввод его в общественные дела. Так же как кончилось царство аристократии в 1789 г., так кончилось и царство буржуазии в 1848 г.»[1].

Таким образом, Руайэ-Коллар усматривал в рабочем классе определенную новую общественную силу, активно вступающую в созидание нового царства труда, начинающегося с 1848 г.

Надо сказать, что Медицинская академия, исходатайствовавшая себе тотчас после переворота титул Национальной, избрала нового президента — гигиениста Ипполита Руайэ-Коллара. Этим избранием подтверждалось в сознании современников то, что социальная гигиена выступила на первый план как ведущая дисциплина. После же поражения революции вновь произошло переизбрание президента, и в декабре 1848 г. место Руайэ-Коллара занял известный хирург Вельпо, типичный представитель буржуазной верхушки врачебной корпорации.

Руайэ-Коллар ошибался, так же как и многие его собратья, опьяненные первой революционной победой в феврале 1848 г., считая, что наступила новая социальная эра. Эра социальных революций еще только начиналась, не было условий для торжества социализма. Отсюда ошибки и заблуждения французских врачей. Их идеологией был утопический социализм, по поводу которого В. И. Ленин писал:

«Но утопический социализм не мог указать действительного выхода. Он не умел ни разъяснить сущность наемного рабства при капитализме, ни открыть законы его развития, ни найти ту *общественную силу*, которая способна стать творцом нового общества»[2].

Имея в виду «великие интересы народа»[3], врачи занимались ими в своей корпорации, мало соприкасаясь с самим на-

[1] Gazette médicale de Paris, 1848, N. 20.
[2] В. И. Ленин. Сочинения. Изд. 4-е, т. 19, стр. 7.
[3] Gazette médicale de Paris, 1848, N. 19.

родом. Они думали, что благосостояние народа возникнет непосредственно из их страстных дебатов и распространится на рабочих, на всех граждан страны.

В жестокие июньские дни мечта о возрождении человечества усилиями медицинской корпорации, этих новых законодателей и правителей, этих новых «архимедов», повертывающих мир к процветанию, потерпела полное крушение и разделила участь утопических систем. Сами присяжные творцы возвышенных и справедливых теорий устройства государства и медицины, будучи подняты волной революции на самые высокие политические и административные должности, оказались в действительности лишь жертвами самообольщения, пешками в игре буржуазных хищников, а иногда и ловкими дельцами. Врачи оказались вовсе не внеклассовыми носителями идей высшего гуманизма, не жрецами «социальной медицины», перестраивающими общество на новых научных началах, а, за немногим исключением, представителями интересов своего класса — мелкой и промышленной буржуазии.

Не кто иной, как «социалист» врач Треля, будучи министром общественных работ, заявил в Национальном собрании после отставки Луи Блана и Альбера (Albert): «Теперь речь идет только о том, чтобы *вернуть труд в его прежние условия*»[1].

Этот же Треля оспаривал у Кавеньяка (Cavèignac) и Марраста (Marrast) честь подачи мысли изолировать в крепости Распайля и Барбеса после попытки восстания 15 мая.

Призванные на высшие должности буржуазной республики врачи-утописты — Бюше, Треля, Рекюр — оказались представителями того *«доктринерского социализма»,* который, по словам Маркса, заменяет «коллективное, общественное производство мозговой деятельностью отдельного педанта» и устраняет «в своей фантазии при помощи маленьких фокусов и больших сентиментальностей революционную борьбу классов со всеми ее необходимыми проявлениями»[2].

Встретившись с реальной революционной борьбой пролетариата, они в испуге отступили от него и, отступив, стали сотрудничать с буржуазией. Известно, что Бюше голосовал в мае за преследование Луи Блана и Коссидьера (Caussidière), против отмены смертной казни политическим заключенным, против отмены налога на соль, против всеобщего бесплатного обучения и против поземельного налога.

Иным было поведение Рекюра. Он представлял собой скорее того идеалиста, который, не разобравшись в корнях общественной борьбы, приписывал все пороки общественного строя

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. I, М., 1948, стр. 130.

[2] Там же, стр. 189.

отсутствию гражданских доблестей, рассчитывая восстановить их проповедью гуманных идей. Реакционной кликой он был снят с должности министра общественных работ в октябре 1848 г., после чего снова вернулся к своей работе — к беднякам районных бюро призрения.

Глава II

ПОРАЖЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ. КРАХ УТОПИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА

В дебатах по поводу проектов реорганизации медицинского дела для постановки и для обсуждения в Учредительном собрании прошли март, апрель и май.

Предоставляя врачам шумно и оживленно обсуждать свои проекты реформ, республиканская буржуазия, следуя общей своей политике, оттягивала и в этой области всякую, хотя бы частичную, их реализацию.

Несмотря на неоднократные представления Александра Тьерри, его проект по реорганизации больниц и убежищ, а также внебольничной помощи населению оставался без движения.

Наступивший май развеял иллюзии февраля. 4 мая с трибуны Национального собрания была утверждена буржуазная республика. События бурно развивались, углубляя раскол общества на два враждебных лагеря. 15 мая за попытку свергнуть временное правительство были арестованы и заключены в Венсенскую крепость вожди пролетариата, в том числе Распайль. Буржуазия брала обратно одно за другим все обещания, данные рабочим. Демократический проект Тьерри испытал ту же участь. О передовом характере этого проекта можно судить по рецензии на отчет Тьерри за $6^1/_2$ месяцев его деятельности по управлению больницами, от которого он был отстранен Кавеньяком.

Рецензия была помещена в октябрьском номере «Journal des hôpitaux civils et militaires». Рецензия не раскрывала всего содержания отчета, но она все же указывала на то, что за краткий период своих полномочий Тьерри успел провести некоторые частные реформы в больницах — упразднить должности, не замещавшиеся по конкурсу, внести в смету на 1849 г. увеличенные ставки медицинскому персоналу больниц, улучшить режим и питание в больницах и убежищах, искоренить злоупотребления больничного интенданства, улучшить снабжение больниц мукой, хлебом, мясом и другими продуктами, уве-

личить индивидуальный рацион больных. Обследование Тьерри вскрыло массу злоупотреблений, особенно в больницах для умалишенных, где больные содержались в невероятной антисанитарной обстановке.

Но Тьерри был лишен всяких юридических и материальных средств для осуществления своих проектов. Об этом пишет сам Тьерри в своем отчете: «Если в течение шести с половиной месяцев мы не осуществили всех реформ или улучшений, о которых думали, это надо приписать трудностям обстоятельств, характеру полномочий и ничтожности средств, которыми нам позволено было располагать».

По поводу неоправданных проволочек в деле реорганизации больниц левая социалистическая пресса оставила нам негодующие строки, направленные против захватчиков власти из клики «National». К ним она относила и Тьерри с Дюмоном, делегатов в Административный совет по управлению больницами, которые не проявили никакой деятельности в направлении улучшения больничной помощи населению[1].

Без сомнения, положение Тьерри, так же обманутого буржуазным правительством, как и весь рабочий класс, в интересах которого были предприняты попытки реформ, было фальшиво до крайности.

Между тем в Париже росли нищета и безработица. В связи со всякого рода лишениями заболеваемость в Париже увеличилась до чрезвычайных размеров. Больницы в это время представляли собой такое удручающее зрелище, какого они не имели и до революции. В номере от 12 мая газеты «La Commune de Paris» («Парижская Коммуна») сообщалось: «В истекшем месяце больные изобиловали повсюду, коек не хватало, больные наводняли залы ожидания. Какие же новые меры были приняты властью и управлением больниц? Бледные, истощенные больные просиживали в этих залах по 8—10 часов, пока врач не произносил им приговор: „нет", сухой, резкий чиновничий. На робкие жалобы несчастным отвечали: «Два врача не могут работать быстрее". А почему нет двадцати врачей? Почему не организованы амбулатории в это чрезвычайное время? И как это произошло, что коек в Париже не хватает, тогда как при желании их можно развернуть до 80 000?».

Надо сказать, что недостаток врачей увеличивался еще оттого, что многие врачи были привлечены в апрельские, майские и июньские дни на дежурства в качестве военнообязанных. Желая создать для себя определенный состав Национальной гвардии, временное правительство исключало оттуда рабочих и вливало мелкобуржуазный и буржуазный элемент па-

---

[1] La Commune de Paris, 1848, N. 68 от 14/V.

рижского населения. Особым постановлением врачи обязаны были нести военную службу в Национальной гвардии.

В номере от 21 мая «Le Populaire» («Народная газета») читаем сжатую, но яркую оценку положения в Париже: «Работы все меньше, безработица увеличивается, заработная плата падает, а цены на квартиры и прочее растут. Все отрасли промышленности замирают, конкуренция гибельна и опустошительна, банкротства умножаются, пролетарию не хватает хлеба, нищета становится общим явлением, каждый день приносит новые самоубийства, будущее чревато грозами и ужасом...».

В то же время все усиливался нажим на рабочих. Был отменен 10-часовой рабочий день, введено тюремное заключение за долги; был затруднен доступ в Национальные мастерские, поденная оплата заменена сдельной. Наконец, был издан декрет, согласно которому все молодые холостые рабочие, числящиеся в Национальных мастерских, подлежали мобилизации, а остальным было предложено отправиться на земляные работы в провинцию Солонь. Всеми этими мерами буржуазия провоцировала восстание, надеясь утопить в крови рабочее движение. Декрет о роспуске национальных мастерских явился непосредственным поводом к восстанию.

22 июня гул набата призвал парижский пролетариат на баррикады.

План военных действий был разработан другом Распайля Керсози (Kersausie), бывшим офицером. Восставшие должны были двинуться четырьмя концентрическими колоннами на ратушу, опираясь на рабочие кварталы[1].

«*Июньская революция — революция отчаяния,* — так квалифицирует ее К. Маркс, — и она протекает в молчаливом гневе, в мрачном хладнокровии отчаяния. Рабочие знают, что это — борьба не на жизнь, а на смерть, и перед страшной серьезностью этой борьбы умолкает даже веселое французское остроумие»[2].

Перепуганное Национальное собрание назначило главой исполнительной власти, диктатором, генерала Кавеньяка. Против 40 000 восставших Кавеньяк собрал 20 000 парижского гарнизона, 24 000 мобильной гвардии, 60 000 — 80 000 Национальной гвардии и потянул из провинции и других гарнизонов линейные войска. Утром 24 июня в его распоряжении было 100 000 войск, а 25 июня почти вдвое больше. Против этих значительно превосходящих сил парижские рабочие с беспримерным геройством и решимостью продержались $3^1/_2$ дня, и были моменты, когда победа, казалось, будет на их стороне.

Много волнующих статей посвятил К. Маркс трагическим

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. VI, М., 1933, стр. 202—203.
[2] **Там же, стр. 211.**

июньским дням, описывая весь ход восстания. Эти статьи К. Маркса наполнены гневом к палачам, расстреливавшим рабочих, истреблявшим их безжалостно и цинично, и преклонением перед мужеством восставших, сражавшихся на парижских баррикадах[1].

Вслед за поражением июньского восстания началась реакция, свирепая и беспощадная. Нужно считать преуменьшенной цифру убитых рабочих в 3000 человек. Вот что пишет Герен в своем журнале: «Мы не знаем, будут ли когда-нибудь известны где-либо, кроме официальных мест, истинные цифры жертв. Опубликованные сводки по материалам больниц и амбулаторий уже достаточно печальны, ибо констатируют прием на лечение 2000 раненых, из которых многие уже умерли. Ориентируясь по тем сведениям, которые мы получили, можно сказать, что все предположения о количестве погибших будут далеки от истины. Не учтены трупы павших на месте сражений и раненых, умерших на дому. Достоверно, что один из кладбищенских сторожей принял на одном только кладбище, где он служил, 3000 трупов — цифра страшная, которая позволяет заключить о сильно превышающем ее общем итоге»[2].

После подавления восстания много тысяч рабочих были преданы военному суду и сосланы на каторжные работы в колонии. Свирепость, ни с чем не сравнимая, проявленная буржуазией при подавлении июньского восстания, прекрасно объяснена К. Марксом: «Ни одна из многочисленных революций французской буржуазии, начиная с 1789 г., не была покушением на порядок, так как все они оставляли в неприкосновенности классовое господство, рабство рабочих и *буржуазный порядок,* как бы часто ни менялась политическая форма этого господства и этого рабства. Июнь посягнул на этот порядок. Горе Июню!»[3].

Поэтому именно в июне 1848 г. произошло первое пролетарское восстание, когда рабочие массы уже сознательно отделили свои собственные классовые цели от интересов буржуазии, когда «выступил смелый революционный боевой лозунг: *Низвержение буржуазии! Диктатура рабочего класса!*»[4].

«Июньская революция впервые расколола все общество на два враждебных лагеря — на восточный и западный Париж, — писал К. Маркс.—Единения февральской революции не существует больше, — того поэтического единения, полного ослепительных иллюзий и обольстительного лганья, на которое был такой мастер сладкоречивый предатель Ламартин.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. VI, М., 1933, стр. 195—228.

[2] Gazette médicale de Paris, 1848, N. 29.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. 1, М., 1948, стр. 133.

[4] Там же.

Теперь неумолимая серьезная действительность разрушает все уравнительные посулы 25 февраля. Февральские бойцы сражаются теперь друг с другом, и — чего еще никогда не бывало — не существует больше прежнего равнодушия, и каждый человек, способный носить оружие, сражается по эту или по ту сторону баррикады»[1].

Июньские дни разделили на два лагеря также и врачей. Одни из них остались верными своим социальным идеям: они доблестно сражались на баррикадах.

Сохранились имена раненых врачей: Жаккара (Jaquart), Ришара (Richard), Бурдэ (Bourdet). Был убит на баррикадах студент-медик Годар (Godard). Многие из врачей пострадали после подавления восстания: врачи Горнэ (Gornet) и Пинель-Граншан (Pinel-Grandchemps) были сняты с должности мэров и надолго заключены в тюрьму; врач Мэнь (Maigne), депутат, был приговорен к каторжным работам.

Другие же врачи, наоборот, активно выступили против рабочих и приняли участие в уличных боях в рядах тех отрядов Национальной гвардии, которые избивали пролетариат.

И даже больше: когда рассеялся пороховой дым, когда повстанцы были побеждены, эти врачи имели низость хвастаться оказанными реакции услугами, подхалимствовать и выпрашивать себе знаки признания их «подвигов».

К. Маркс писал в «Новой Рейнской газете»:

«Но плебеи истерзаны голодом, оплеваны прессой, покинуты врачами, устами *честных* ославлены ворами, поджигателями и каторжниками; их жены и дети повергнуты в еще более безграничную нищету; их лучшие, уцелевшие от разгрома представители сосланы за море... Вокруг их грозно-мрачного чела обвить лавровый венок есть *привилегия,* есть право демократической печати»[2].

Нашлись врачи, доносившие правительству на своих коллег, которые остались верными рабочим и оказывали медицинскую помощь раненым на баррикадах. По поводу этих доносов появилась такая негодующая заметка в прессе:

«После открытой войны, так сказать, при самом ярком свете полуденного солнца, началась война глухая, война доносов, самая ужасная и низкая война... Говорят, — при одной этой мысли краснеешь, — что наш уважаемый коллега д-р Пинель-Граншан, экс-мэр 12-го района, был арестован по доносу другого врача. Стыд, вечный стыд доносчику!»[3].

В то же время журнал напал на Александра Тьерри, остававшегося еще некоторое время уполномоченным по больнич-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. VI, М., 1933, стр. 211—212.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. VI, ч. I, М., 1933, стр. 201.

[3] Gazette de hôpitaux civils et militaires, 1848, N. 78.

Рис. 4. Врачебная помощь в дни июньского восстания 1848 г.

ному управлению. Журнал обвинял Тьерри в том, что, создавая лучший режим для раненых повстанцев, он высказал «не филантропические, а политические мысли»[1].

К. Маркс дал следующую характеристику французской прессе того времени: «Осрамилась тогда и французская пресса. Более решительные парижские газеты были задушены. Единственная радикальная газета, дальнейшее существование которой было допущено Кавеньяком, „Réforme", заикаясь, оправдывала благородных июньских борцов и, как милостыни, вымаливала у победителя гуманности для побежденных»[2].

В медицинской печати более радикальным журналом оказался «Gazette médicale de Paris» Герена. Хотя и Герен вынужден был маскироваться, но он был далек от восхваления правительства и выступал с довольно смелыми мыслями. Так, в одной своей статье Герен отмечал доблесть врачей, оказывавших помощь всем без исключения раненым под огнем перестрелки. Герен выделил одного врача, не назвав его фамилии, решительно воспротивившегося допросам, которым судебные власти хотели подвергнуть раненых инсургентов. «Конечно,— писал Герен, — власть увидит в этом нарушение ее прерогатив, помеху следствию, она не допустит, чтобы выполнение закона зависело от слова простого человека, представителя своего искусства, она скажет, что права юстиции на нарушителя закона не могут быть подчинены праву врача на больного. Но мы ставим право гуманности выше прав юстиции, и особенно юстиции политической; в приюте страдания и горя мы не видим ни инсургента, ни солдата, ни друга, ни недруга и мы выражаем без стеснения нашу симпатию к коллеге за его поведение. Мы убеждены, что каждый врач, проникнутый сознанием святости своего долга, будет ему подражать и воспротивится всеми своими силами всякому вмешательству, даже опирающемуся на закон, которое может иметь следствием угрозу для вверенной ему жизни»[3]. Герен резко выступал и против поднявшейся злобной клеветы на инсургентов, якобы употреблявших разрывные снаряды и отравленные пули.

Вслед за подавлением восстания реакция начала наступление против всех демократических реформ, проведенных в феврале. Все требования реформ здравоохранения, все проекты, внесенные врачебным объединением в Национальное собрание, были отвергнуты. Прежде всего был отвергнут проект создания особого министерства здравоохранения. Медицинское дело осталось распыленным по различным ведомствам, а все медико-санитарные организации снижались до ранга совещательных органов под надзором префектов и полиции.

---

[1] Gazette des hôpitaux civils et militaires, 1848, N. 141.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. VI, М., 1933, стр. 227.
[3] Gazette médicale de Paris, 1848, N. 29.

Что же касается злополучного законопроекта о положении врача, который волновал медицинскую общественность в течение 40 лет, то Национальное собрание потратило на этот вопрос еще несколько дней бесплодных дебатов. Результаты обсуждения выразились лишь в запрещении некоторых совместительств, снижении оплаты труда преподавательского персонала высших медицинских школ, сохранении мизерных ставок больничных врачей. Таким образом, самый больной вопрос о вынужденности врачей прибегать к частной практике как к средству существования оставался неразрешенным со всеми его отрицательными и унизительными последствиями в виде научного индустриализма и шарлатанства и прочих недостатков, неразлучных спутников профессиональной конкуренции.

Что же касается реформы больниц, то по-прежнему общее управление больницами поручалось единоначальствующему директору — врачу или лицу без медицинского образования,— об этом осторожно умалчивалось. Ему придавался Совет на правах совещательного органа из лиц по выбору министра, из членов Национального собрания, Государственного совета и др. Другими словами, возобновлялась опять под другим видом «административная комиссия» при Больничном совете. Дело призрения бедных больных передавалось различным комитетам, куда входили мэры, чиновники, священники, но не врачи.

Введенное в марте постановление о замещении должностей врачей-хирургов в армии и Национальной гвардии путем конкурса было отменено, и должности эти стали замещаться путем назначения.

Что же касается замещения врачебных должностей вообще, то никогда еще не было такой коррупции и семейственности в этом деле. Честный и способный работник не мог претендовать на занятие какой-либо должности, если у него не было родственных или личных связей с теми, от кого зависело распределение казенных мест.

Кавеньяк, ставший «главой исполнительной власти», сменил административный состав городского управления. Нашлись врачи, которые заняли совсем неподходящие к их профессии должности, вплоть до префекта полиции. На горьком опыте врачи социалисты-утописты узнали, что дело решает не профессия, а классовая принадлежность, то, с кем, с каким классом врач сливал свои интересы.

По словам В. И. Ленина, «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов»[1].

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения. Т. 19, изд. 4-е, стр. 7—8.

Вместе с крушением утопического социализма потерпела крушение и «социальная медицина», его детище.

В. И. Ленин писал: «Революция 1848-го года наносит смертельный удар всем этим шумным, пестрым, крикливым формам *до*-марксовского социализма. Революция во всех странах показывает *в действии* разные классовые общества. Расстрел ра-

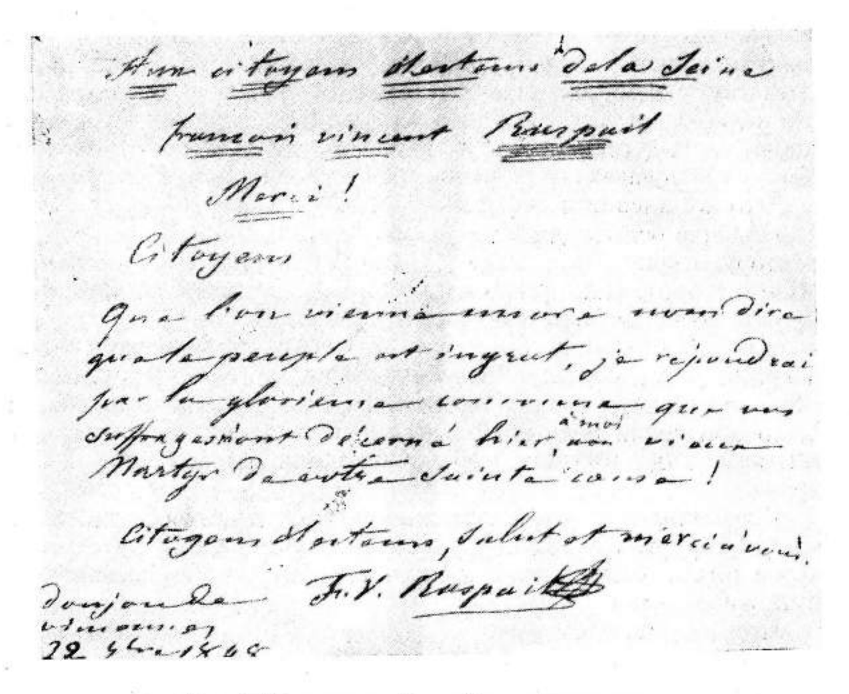

Aux citoyens électeurs de la Seine
François Vincent Raspail
Merci!
Citoyens
Que l'on vienne encore me dire que le peuple est ingrat, je répondrai par la glorieuse couronne que vos suffrages m'ont décernée hier, à moi, vieux martyr de votre sainte cause!
Citoyens électeurs, salut et merci à vous!
F. V. Raspail
donjon de Vincennes
12 [illegible] 1848

Рис. 5. Телеграмма Распайля избирателям.

бочих республиканской буржуазией в июньские дни 1848 года в Париже окончательно определяет социалистическую природу *одного* пролетариата»[1].

Пролетариат освободился от иллюзий. Разбитый, но не побежденный, он показал себя в день выборов президента Французской Республики, 10 декабря 1848 г., когда передовые рабочие Франции голосовали за венсенского узника — коммуниста Распайля.

«Если бы голосование Парижа было решающим,— писал в 1848 г. Энгельс,— Распайль оказался бы теперь избранным на пост президента республики»[2].

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения. Т. 18, стр. 545.

[2] Ф. Энгельс. Рабочий класс Франции и президентские выборы, Пролетарская революция. 1940, № 3, стр. 156.

Глубоко тронутый Распайль послал из тюрьмы своим избирателям телеграмму: «Благодарю! Пусть придут еще раз ко мне и скажут, что народ неблагодарен, — я им отвечу тем славным венцом, который мне вчера присудило ваше голосование, мне — старому мученику за ваше святое дело! Гражданам избирателям привет и спасибо! Франсуа Винцент Распайль. Венсенская крепость, 22/IX 1848».

Заслуживает упоминания характеристика, данная Распайлю рабочими департамента Верхней Луары, где они агитировали за его кандидатуру: «Кандидат Парижа, кандидат народа, венсенский узник, революционер в науке и политике, враг шарлатанства, ростовщичества, эксплуатации, друг народа, рабочих, всех угнетенных и несчастных!».

Вот что пишет Маркс о результатах голосования во Франции: «Наполеон был *нарицательным именем* всех партий, соединившихся против буржуазной республики, *Ледрю-Роллен* и *Распайль* были *именами собственными*, первый — демократического мещанства, второй — революционного пролетариата. Голосование за Распайля — так объявили во всеуслышание рабочие и их социалистические вожди — носило характер лишь демонстрации: оно было массовым протестом против всякого президентства вообще, т. е. против самой конституции; вместе с тем это было голосованием против Ледрю-Роллена; это был первый акт, в котором выразилось отделение пролетариата, как самостоятельной политической партии, от демократической партии»[1].

Именно с июньского поражения и начинаются успехи коммунизма, проникновение его в массы, приведшее к созданию I Интернационала.

Поражение революции повлекло уничтожение всех широких социальных начинаний в области медицины, но передовым французским врачам открылась истина, которую стоило выстрадать: вне коренного изменения социального строя не может быть коренных реформ ни в какой области хозяйства, науки и культуры.

Продуманная, выстраданная, вошедшая в плоть и кровь, эта истина привела их позднее к огням Парижской Коммуны, на сторону первого государства рабочих.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. I, М., 1952, стр. 145.

ЧАСТЬ III
ПЕРИОД ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Глава I

ГРАЖДАНСКОЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

В исторический день 18 марта 1871 г. в Париже, впервые в истории человечества, рабочий класс овладел властью и установил диктитуру пролетариата. Это определило характер революции.

По своему существу Парижская коммуна была *«правительством рабочего класса,* результатом борьбы производительного класса против класса присваивающего; она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда»[1].

Если в 1848 г. перед буржуазной Европой впервые встал «призрак коммунизма», то в 1871 г. она уже имела дело с реальным его воплощением, с конкретным историческим явлением Коммуны, имевшей свою определенную, хотя и краткую, но яркую жизнь.

Коммуна просуществовала всего 72 дня, но учреждения, которые она оставила, представляли, по словам В. И. Ленина, «гигантскую замену одних учреждений учреждениями принципиально иного рода»[2].

Коммуна издавала постановления, служившие интересам победившего рабочего класса. Разрушив старую государственную машину и приступая к созданию нового общественного здания, Коммуна не могла, понятно, оставить в стороне и медицинское дело.

3 апреля Коммуна опубликовала декрет об отделении церкви от государства и непосредственно затем приступила к полной секуляризации медицинского дела и социальной помощи, распыленных по многочисленным религиозным орденам и общинам, благотворительным обществам, в меньшей мере по муниципальным организациям.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. I, М., 1948, стр. 481.

[2] В. И. Ленин. Сочинения. Т. 25, изд. 4-е, стр. 391.

Все разнообразные, ускользавшие от государственного и общественного контроля институты и организации медико-социальной помощи — ясли, лечебницы, богадельни и всевозможные приюты и убежища для сирот, инвалидов и преста-

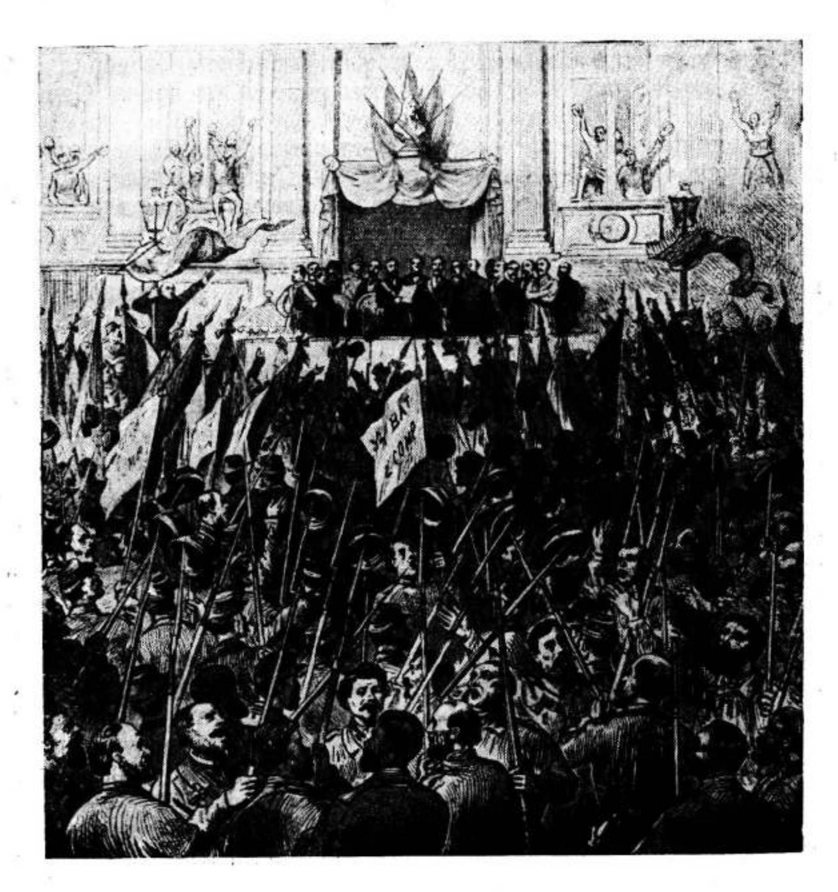

Рис. 6. Провозглашение Парижской Коммуны 28/III 1871 г.

релых — были, наконец, сосредоточены в одних руках. Их деятельность проходила под контролем и в интересах рабочего государства.

Перечисленные медицинские учреждения и организации, а также больницы и бюро помощи на дому Парижского управления общественного призрения были переданы в ведение медицинской комиссии Ратуши, куда делегатом Коммуны был назначен врач Растуль.

При этом учреждения стационарной лечебной помощи и дома призрения всякого рода сосредоточивались в Управлении

общественного призрения, а внебольничная амбулаторная помощь была выделена в Управление генеральной инспекции амбулаторий. Первое возглавил бывший ссыльный Второй империи Ипполит Трейяр, убитый впоследствии, 25 мая, на улицах Парижа, оставивший после себя память, как о человеке неподкупной честности, отмеченной даже враждебными буржуазными критиками и историками. Управление генеральной инспекции амбулаторий находилось в ведении врача Семери (Sémerie).

Национализация и секуляризация проводились методически под руководством Трейяра (Treillard). Сначала были переданы Медицинской комиссии больницы, затем приюты для детей, хроников и стариков. Операция эта происходила на основе строгого учета денежных сумм и инвентаря. При этом денежные суммы, изъятые из религиозных орденов, передавались через Трейяра в муниципальные окружные организации для последующих расходов на нужды здравоохранения.

Этот процесс изъятия оказался неожиданной ревизией передаваемых Медицинской комиссии учреждений. Комиссия вскрыла вопиющие факты бесконтрольного расходования денежных сумм, ненужной внешней роскоши и внутреннего хаоса.

Оказалось, что порой одна пятая ассигнованных для раздачи беднякам сумм уходила на содержание чиновников. Сумма жалованья 40 чиновников Общественного призрения была больше, чем сумма пособий, выплачивавшихся 15 000 нуждающихся граждан[1].

В помощь Трейяру для проведения дела передачи медико-санитарных учреждений были выделены Коммуной некоторые члены ее — рабочие. В опубликованных мемуарах одного из них — Аллемана (Allemand) «С баррикад на каторгу» мы находим упоминание о врачах, которые пошли работать в Коммуну и преданно ей служили:

«Весьма значительное число врачей предложило свои услуги: это два брата Мио (Miot), Ладрей де ла Шорбер (Labrey de la Chorbert). К сожалению, я не могу припомнить имена прочих врачей, но я не забыл их преданности. От имени всех моих товарищей по борьбе приношу им искреннюю благодарность»[2].

Но само собой разумеется, что эта радикальная социалистическая реформа не проходила гладко. Работники Коммуны часто встречали иногда глухой и молчаливый, а иногда и явный саботаж.

Дирекция бывшего Управления общественного призрения бежала в Версаль, захватив с собой миллионные суммы. То же

[1] L'Affranchi, 1871, N. 14.

[2] Ж. Аллеман. С баррикад на каторгу. Сокращенный перевод с французского языка. Л., 1933, стр. 50.

самое сделали директора частных больниц и убежищ, бросив на произвол судьбы больных и инвалидов. Вот как газета «L'Affranchi» («Освобожденный») описывает дезорганизацию оставленного бежавшими в Версаль директорами и служащими аппарата Управления общественного призрения:

«Делегат, уполномоченный Исполнительной комиссией по делам финансов Управления общественного призрения, занимается этим делом с активностью, которая позволяет предвидеть уже благоприятные результаты восстановления на новых основаниях главнейших разделов этой важной отрасли, которая была так страшно дезорганизована и покинута почти всем коллективом служащих. Обдуманность этой дезорганизации доказывается тем, что были унесены все марки, необходимые для юридического оформления документов, а также были похищены все бумаги, относящиеся к персоналу коммунального управления, а все служащие оплачены вперед по 15 марта. Ценности, оставленные в кассе, равняются всего 4 718 франкам 14 сантимам вместо 150 000 франков, как это сообщалось в распространяемых о Коммуне инсинуациях. Вот как версальцы понимают управление»[1].

Между тем Коммуна почти с первых дней своего существования должна была обороняться от яростных атак жестокого классового врага. Раненые прибывали в большом количестве. Но часто перед ними закрывались ворота больниц или их подолгу оставляли ожидать приема. Вот документальное этому свидетельство — письмо Трейяра к директорам больниц и убежищ:

«Гражданин директор, мне сообщили, что раненые национальные гвардейцы были приняты в некоторых лечебных учреждениях с малым усердием и были размещены сначала во дворе, в коридорах и даже перед дверью. Им слишком долго пришлось ждать окончательного своего водворения и тех забот, которые им должны были оказать. Люди из обслуживающего персонала даже забывались настолько, что позволяли вести речи непристойные в присутствии раненых. Я думаю, гражданин директор, что мне достаточно только сигнализировать вам об этих поступках, чтобы они были ликвидированы со всей энергией, если они только имели место в вашем госпитале.

Политический дух должен быть изгнан из госпиталей, в них должен царить дух самоотверженности и преданности. Я полагаю, что всякий служащий, который будет вести в помещении разговоры, противные существующему в Париже порядку, будет немедленно заменен другим. Благоволите подтвердить получение этого циркуляра и дать мне знать о по-

---

[1] L'Affranchi, 1871, N. 9 от 10/IV.

следовавших мерах, которые вы сочли нужным применить. Братский привет. Трейяр»[1].

Нужно считать, что требование Трейяра об изгнании политического духа относится к специфическому враждебному Коммуне духу и отнюдь не звучит мягкотелой аполитичной гуманностью.

Это, во-первых, разъясняется фразой, предупреждающей о немедленном увольнении служащих, которые будут вести разговоры, «противные духу Коммуны». А во-вторых, это подтверждается принятым решением Трейяра об устройстве в больницах и убежищах читален, где «выздоравливающие смогут найти демократическую литературу, написанную в защиту республики и пропагандирующую социальные организации будущего»[2].

Но в связи с поступившими жалобами на то, что «каждый лазарет, каждая амбулатория есть очаг контрреволюции», Трейяр счел необходимым сменить весь их персонал.

В целях правильного подбора персонала Трейяр создал при себе комиссию из 3 врачей, которые заслуживали политического доверия: Реньера, бывшего больничного врача, Гадо и Левро. Эти врачи должны были следить за работой врачебных учреждений, их контролировать и докладывать директору Общественного призрения.

Вот распоряжение об этом Трейяра:

«Генеральный директор, принимая во внимание, что ряд врачей и прочих медицинских служащих в больницах и убежищах оставили свои обязанности и дезертировали с постов, на которых оставаться их призывали нужды больных и раненых, а также принимая во внимание, что следует заполнить вакантные места таким образом, чтобы никак не пострадали больные от этого преступного дезертирства, и что подобает, чтобы директор Общественного призрения опирался на опыт и знание специалистов со здравым смыслом и в то же время республиканцев, постановляет:

1. При директоре Общественного призрения учреждается медицинская Комиссия из 3 членов, которая будет изучать, а в случае надобности и проконтролирует медицинские учреждения таким образом, чтобы директор мог на основании докладов и предложений, которые к нему поступят, пойти навстречу всем пострадавшим учреждениям и принять такие меры, которые ему покажутся справедливыми и приличествующими.

2. Эта комиссия состоит из граждан: Реньера (Régnerd) — доктора медицины экс-интерна больниц, Гадо (Gadaud) — доктора медицины и Левро (Levraud) — доктора медицины.

Генеральный директор Трейяр».

---

[1] Journal officiel de la République Française, N 103, 13/IV.

[2] Там же, 1871, N. 109, 19/IV.

В деле замены персонала больниц очень большую помощь Трейяру оказал Комитет женщин-социалисток, который помог навербовать новый персонал сестер и сиделок, а также найти заведующих приютами и хозяйственных работников из членов быстро возникавших тогда секций нового революционного женского «Союза женщин для защиты Парижа и ухода за ранеными».

В книге того же Аллемана читаем:

«Комитет социалисток, возглавляемый поистине замечательной женщиной, гражданкой Бенуа (Benoit), сильно помог нам набрать персонал. Благодаря этому Комитету убежища на улицах Туен (Touin), Бутерберга (Boutterberg), Сен-Жак (Saint-Jacques), Ен-де-Буа (Ain-de-Bois) и др. стали управляться энергичными и преданными Коммуне гражданами. Был изменен стол, введено вино и свежие овощи, открыт сад, где раньше гуляли только монахи»[1].

Мы видим здесь пример того, как самодеятельность населения органически вплеталась в деятельность рабочего государства. Это являлось столь характерной чертой Парижской Коммуны, что мы посвящаем особую главу самодеятельности населения (V).

Особо надо подчеркнуть, что смена старого персонала новым отнюдь не проходила по линии снижения квалификации персонала.

Демократизация персонала проходила по линии вербовки лиц с проверенными республиканскими убеждениями, могущих быть преданными государству рабочих. Но каждый врач, оставшийся в лечебном учреждении и избиравшийся вновь, должен был представить врачебный диплом.

Правда, главным врачом парижской больницы Отель Дьё был назначен не врач, а старый опытный офицер здоровья Паже-Люписьен (Pagès-Lupicien); с большим административным тактом он ограничил свои функции политическим руководством, совершенно не стеснял лечебную деятельность известных хирургов, в то время там работавших.

Точно так же и женщины, желавшие работать в санитарных учреждениях, должны были представить от комиссаров полиции квартала, где проживали, справку о профессии, возрасте и добрых нравах. Итак, ломая старую государственную машину, революционизируя все виды общественной деятельности, Коммуна одновременно, сразу же и непосредственно, повела борьбу за качество, за знание, против возможностей всякого шарлатанства и недобросовестности.

Это отмечается нами как факт, коренным образом противоположный хаосу, характерному для буржуазной револю-

---

[1] Ж. Аллеман. С баррикад на каторгу. Сокращенный перевод с французского языка. Л., 1933.

ции 1789 г., породившему всевозможные виды шарлатанства и делячества.

Парижская Коммуна была прежде всего рабочим и работающим учреждением, как охарактеризовали ее К. Маркс и В. И. Ленин. Это отчетливо выступало во всех проводимых ею мероприятиях.

Во всех этих мероприятиях по созданию здоровой атмосферы в больницах — изгнание политически враждебного и вербовка надежного персонала, открытие читален с литературой в духе Коммуны — видна ясная политическая линия пролетарского государства, правда, не везде и не всегда четко проводившаяся в Коммуне, но в лечебных учреждениях проявившаяся с достаточной определенностью. Надо заметить, что в это же время Коммуна начала закрывать ряд враждебных журналов и газет, выходивших в Париже.

Глава II

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕДИЦИНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ И ЕГО НИЗОВЫХ ОРГАНОВ

По принятии больниц и убежищ Коммуна приступила к реализации своей системы бесплатной помощи населению.

Согласно проекту Трейяра, в каждом округе при мэрии действовал коммунальный комитет общественной помощи. В ведении этого комитета должна была состоять окружная амбулатория, подававшая нуждающимся бесплатную медицинскую помощь, и аптека для бесплатной раздачи лекарственных и иных лечебных средств.

Общинные (communals) комитеты ведали также социальным обеспечением стариков, инвалидов, сирот, вдов национальных гвардейцев; через них проходила выдача пенсий, денежных и материальных пособий. Денежные пособия получали и нуждающиеся больные, находившиеся на излечении дома.

Те же комитеты организовали помощь населению путем создания сети кухонь и кипятильников. Это было вызвано острой нуждой момента. Почти вся деятельность Коммуны протекала в условиях военных действий. Дома рушились, улицы простреливались. Пострадавшие целыми семьями оказывались под открытым небом и нужно было срочно оказать какую-то помощь, чтобы накормить и обогреть бесприютных.

Для руководства всей этой системой медико-социальной помощи Коммуна учредила особое Медицинское управление,

о чем 15 апреля было принято решение, в котором была четко сформулирована цель его создания: «обеспечить единство руководства медицинской частью»[1].

Таким образом было создано то «единое компетентное ведомство», руководимое врачами, о котором тщетно мечтали врачи-социалисты в 1848 г.

Каждая больница, амбулатория и убежище для хроников должны были ежедневно представлять в Управление статистическую сводку о движении больных, смертельных исходах, включая адреса и фамилии умерших для оповещения родственников[2]. Медицинская комиссия была тем же декретом упразднена.

В деле строительства здравоохранения перед Коммуной стояли те же трудности, что и во всей ее деятельности. От прошлого ей осталось в больничном деле то же состояние анархии и дезорганизации, на которое жаловались еще передовые врачи в эпоху Луи Филиппа. Реорганизацию здравоохранения Коммуне пришлось проводить в условиях непрерывных военных действий.

В. И. Ленин так охарактеризовал обстановку, в которой протекала деятельность Коммуны: «Не успела она приступить к делу, как засевшее в Версале правительство, поддержанное всей буржуазией, открыло против Парижа военные действия. И Коммуне пришлось прежде всего подумать о самообороне. И вплоть до самого конца, наступившего 21 — 28 мая, ей ни о чем другом серьезно подумать не было времени»[3].

Героизм и напряженность работы врачей увеличивались с растущим напряжением оборонных боев. На фронт надо было бросать все новые и новые врачебные силы. Это отражалось на обслуживании гражданских медицинских учреждений. Надо принять во внимание, что постоянный обстрел Парижа из орудий вызывал большое число жертв и среди гражданского населения.

Страницы газет Коммуны пестрят сообщениями о трагических случаях смерти на улицах от снарядов, о тяжелых ранениях и контузиях стариков, искалеченных детях, о женщинах, погибших при возвращении домой с покупками продовольствия.

Больницы и убежища, а также все импровизированные лазареты и медицинские пункты, расположившиеся в реквизированных домах бежавшей буржуазии, были переполнены не только военными, но и многочисленными жертвами из числа гражданского населения. Кроме того, разрушения от снарядов версальской артиллерии, возникавшие то и дело пожары,

---

[1] Journal officiel de la République Française, 1871, N. 109, 19/IV.
[2] Journal officiel de la République Française, 1871, N. 99 от 9/IV.
[3] В. И. Ленин. Сочинения. Изд. 4-е, Т. 17, стр. 113.

часто требовали перемещения больных и раненых в новые помещения. На заседании Коммуны был даже поставлен вопрос об использовании под лазареты домов призрения, а для хроников—бывших казарм императорских войск. Инвентарь для вновь создаваемых лазаретов и амбулаторий поступал из фондов директора имуществ национализированных дворцов и частных особняков.

Приходится удивляться, как много успела сделать Коммуна в этих условиях за 72 дня своего существования.

Амбулатории бесплатной помощи функционировали в 20 округах Парижа [1], при мэриях были открыты бесплатные медицинские консультации[2].

По округам же была организована бесплатная вакцинация и ревакцинация для детей; при этом в качестве поощрения выдавались премии в 3 франка родителям тех детей, у которых был констатирован положительный результат прививки[3].

Проводилась бесплатная раздача конденсированного молока для детей, а также продажа его по дешевой цене [4].

Были созданы, наконец, при мэриях бюро в целях облегчения обращений населения по вопросам санитарного благоустройства нездоровых жилищ, строительства и ремонта, очистки и вывозки нечистот и т. д. [5].

Коммуной было внесено постановление об учреждении специальной должности врача для регистрации актов рождения на дому.

Парижская Коммуна заложила и основы социального обеспечения. 11 апреля Парижская Коммуна опубликовала постановление о государственном обеспечении граждан, раненных при обороне Парижа.

«Всякий гражданин, раненный при обороне Парижа, будет получать, если его рана повлечет за собой частичную или полную потерю трудоспособности, годовую пожизненную пенсию, размеры которой будут установлены специальной комиссией в пределах 300—1200 франков» [6].

В случае заболевания на дому граждане получали денежную и продовольственную помощь через комитеты социальной помощи мэрий.

Само собой разумеется, что изложение постановлений и мероприятий Парижской Коммуны в области медицинского дела не следует рассматривать как описание законченной и совершенной системы организации медицинской помощи тру-

---

[1] Journal officiel de la République Française, 1871, N. 104, 14/IV.

[2] Там же, N. 139, 19/V.

[3] Там же, N. 116, 26/IV.

[4] Там же, N. 140, 20/V.

[5] Там же, NN. 139 и 140, 19/V и 20/V.

[6] Cri du peuple, 1871, N. 41, 11/IV.

дящимся. Мы лишь отмечаем и подчеркиваем активность Коммуны в этом направлении, появившуюся в первые же дни после захвата власти и характеризующую руководство Коммуны как подлинное рабочее правительство.

Коммуна не переставала заботиться об организации и совершенствовании системы медицинского обслуживания и медицинского образования. Она призывала к этому всех врачей, в том числе преподавателей медицинского факультета как наиболее компетентных представителей в этой области. В официальном органе Коммуны от 24/IV 1871 г. было помещено сообщение о первом собрании делегатов врачей, уполномоченных представить проект реорганизации медицинского дела.

Наконец, Коммуной была заложена система охраны материнства и детства. 11 апреля Коммуна опубликовала декрет об усыновлении всех сирот, оставшихся в семьях погибших защитников Коммуны. Того же числа был опубликован и декрет о выдаче пенсий вдовам и детям национальных гвардейцев, убитых на службе Парижской Коммуны. В соответствии с этим была назначена централизованная обследовательская комиссия, которая должна была провести это в жизнь. При этом не делалось различий между законнорожденными и незаконнорожденными детьми. Был организован сиротский дом для детей Национальной гвардии на 300 мест.

Чрезвычайно интересен проект яслей, предложенный обществом друзей просвещения. В нем тщательно продумана та моральная обстановка, которая должна окружать человека уже с самых первых дней жизни. Условия жизни маленьких граждан также представлены на уровне передовых гигиенических достижений своего времени. Согласно проекту, к каждым яслям прикреплялись врач и фармацевт. Проект был опубликован 17 мая, накануне гибели Коммуны, так что мы видим, как почти до самого конца общественность Коммуны самозабвенно работала с твердой верой в правоту и успех своего дела.

К мероприятиям по охране детства следует отнести и начало преподавания физической культуры в школе, реформированной в светском и социалистическом направлении.

Интересно сопоставить это с 1848 г., когда при министерстве просвещения была также создана комиссия по реформе школы. Эта комиссия проектировала введение обязательных часов физической тренировки школьников. Но тогда это тем и кончилось. Парижская Коммуна и здесь провела реальные мероприятия.

После соответствующей санкции Коммуны 5 апреля был открыт специальный «Корпус гимнастов» для юношей от 16 до 20 лет, в котором проходился обширный курс гимнастики, включая военную.

Воспитанники, обнаружившие способность к гимнастике, должны были быть со временем переведены в учреждаемую при корпусе гимназию для подготовки к преподаванию гимнастики в средних школах и в войсках.

Коммуна положила начало социалистической охране труда. 16 апреля Коммуна постановила объединить рабочих в кооперативные товарищества, а также разработать план объединения этих товариществ в один большой союз. 20 апреля Коммуна отменила ночную работу булочников. Таким образом, Парижская Коммуна как государство нового типа, государство пролетарское, что показал В. И. Ленин в своем историческом анализе значения Парижской Коммуны [1], характеризовалась принципиально новой социальной политикой.

Издание декрета о запрещении выселения, о реквизиции незанятых квартир для вселения в них граждан из разрушенных бомбардировкой кварталов [2], а также все другие мероприятия представляли собой комплекс по созданию экономических предпосылок к поднятию благосостояния, а следовательно, и здоровья населения, минуя и упраздняя развращающее влияние благотворительности.

Комиссия общественного обслуживания Коммуны должна была реорганизовать все разделы городского коммунального хозяйства, освещения, дорожного хозяйства, канализации, кладбища. Много занималась Коммуна распределением квартир между пострадавшими от бомбардировок. А их в Париже были тысячи. В этом направлении самая большая часть работы приходилась на долю окружных мэрий, которые пользовались автономностью в самоуправлении.

Необходимо отметить, что уже 5 апреля Коммуна подняла вопрос о проведении санитарно-профилактических мероприятий в городе, вопрос о канализации Парижа. Надо сказать, что работы по устройству канализации в Париже были начаты в 1854 г. Но ко времени Коммуны канализация была только в центре города.

В газете «Le Rappel» («Призыв») 8 апреля (№ 664) было помещено уведомление Исполнительной комиссии Коммуны о начале работ по расширению канализационной сети. К сожалению, нам не удалось обнаружить материалы, говорящие о продвижении этих работ. Возможно, что этому помешали развернувшиеся военные действия, вызвавшие необходимость возведения дополнительных укреплений. На оборонные земляные и инженерные работы были мобилизованы инженеры, землекопы, рабочие-строители.

---

[1] В. И. Ленин. «Уроки Коммуны». Сочинения, изд. 4-е, т. 13; «Государство и революция». Сочинения, изд. 4-е, т. 25.

[2] Л. Дюбрейль. Коммуна 1871 года. М., 1930, стр. 126.

Многие документы о деятельности Коммуны не дошли до нас: в дни свирепствовавшей реакции уничтожалось все, что касалось Коммуны, чтобы исчезла даже самая память о ней. Протоколы Коммуны были спасены из огня.

Все описанное выше указывает на тот широкий размах, какой имела работа Коммуны в профилактическом направлении, охватывая все отрасли общественной жизни: труд, жилище, школу, коммунальное благоустройство и т. д.

Глава III

ВОЕННО-САНИТАРНОЕ ДЕЛО ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Как уже было сказано выше, деятельность Коммуны проходила в условиях отчаянной обороны против жесткого и постепенно усиливавшегося численно и материально врага.

В этих условиях правильная и четкая организация военно-санитарного дела приобретала первостепенное значение. И надо сказать, что Парижская Коммуна хорошо справилась с этой задачей. Она наладила военно-санитарную службу своего войска — Национальной гвардии — так, что даже враги Коммуны признали, что «эта организация была достаточно практична» [1].

Организация военно-санитарной службы действительно была практичной, и прежде всего потому, что была построена в исключительном соответствии с новой структурой реорганизованной в первых числах апреля Национальной гвардии.

Парижская Национальная гвардия до тех пор несла лишь гарнизонную службу и отнюдь не была приспособлена для крупных полевых операций. Перед Коммуной встала задача создания небольшой оперативной армии, которая могла бы с успехом действовать на фронте за стенами Парижа [2]. С этой целью декретом от 5 апреля Коммуна ввела обязательную военную службу, призвав все контингенты в возрасте от 20 до 40 лет. Национальная гвардия была разделена на две части:

1. Полевые войска, предназначавшиеся для занятия укреплений и действий в поле. Эти части формировались из холостых людей в возрасте от 17 до 40 лет. Они состояли из маневренных батальонов (bataillons de guerre).

---

[1] L. Nass. Le siège de Paris et la Commune. Paris, 1914, 2-me éd., p. 307.

[2] С. Н. Красильников. Боевые действия Парижской Коммуны. 1871, М., 1935.

2. Местные войска (sédentaires), предназначавшиеся для внутренней гарнизонной службы. Они формировались из остальных мужских контингентов (женатых и лиц старше 40 лет).

В связи с реорганизацией армии потребовалась и реорганизация военно-санитарной службы. 13 апреля Парижская Коммуна издала декрет об организации походных лазаретов и стационарных медпунктов:

«Парижская Коммуна, принимая во внимание полную неудовлетворительность санитарной службы Национальной гвардии, факты отправки многих батальонов в бой без хирургов, а также невозможность для некоторых батальонов найти хирургов, и что установленная цифра—2 хирурга на батальон недостаточна, когда он в действии или подвергается атаке, и, наоборот, бесполезна, когда он не в действии, постановляет:

1. Сформировать отряды лазаретов из 20 врачей и фельдшеров и 30 студентов-медиков каждый, имеющих в своем распоряжении по 10 хорошо оборудованных санитарных повозок и по 120 носильщиков с 30 носилками; каждый отряд делится на 10 взводов.

2. В каждом округе Парижа будет находиться по меньшей мере 2 взвода; муниципалитету надлежит предоставить помещение в их распоряжение.

3. В эти взводы следует записывать как можно большее число волонтеров врачей и студентов из данного округа, а также и кондукторов санитарных поездов и носильщиков.

Если количество волонтеров врачей и студентов будет недостаточно, следует призвать таковых из числа мужчин в возрасте от 20 до 40 лет.

4. К каждому взводу прикрепляется по 2 маркитантки, которые будут двигаться с носильщиками, имея задание кормить и поить раненых.

5. Взводы приходят в действие по требованию войскового командования или штаба крепости, переданного через Медицинскую комиссию Ратуши, которая будет осведомлена о перемещении частей по округам.

6. Кроме того, два или три постоянных (sédentaires) медицинских пункта учреждаются в каждом округе; к каждому из них прикрепляются два врача, которые должны будут выдавать свидетельства об освобождении от службы, а в случае серьезного заболевания констатировать его на дому; в распоряжении каждого пункта должна быть одна повозка.

В постоянные медицинские пункты можно принимать врачей старше 40 лет.

7. В качестве вознаграждения врачам выплачивается жалованье в размере капитанского жалованья в действующей армии, офицерам здоровья — жалованье лейтенанта; студентам-медикам—жалованье младшего лейтенанта; унтер-офицеры, носильщики, кондукторы поездов, носильщики и санитарки будут получать жалованье и продукты, полагающиеся унтер-офицерам.

8. Как только отряды, предусмотренные настоящим декретом, будут укомплектованы, хирурги, которые не примут в них участия, смогут записываться специально в какой-нибудь батальон. Это право предоставляется врачам старше 40 лет.

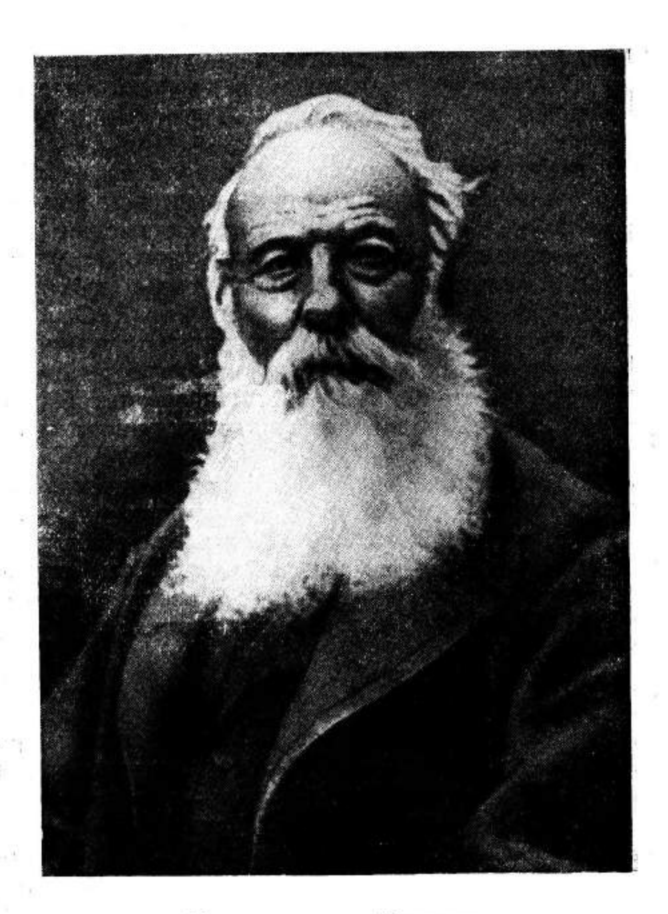
9. Медицинская комиссия Ратуши уполномочена привести настоящий декрет в действие и согласует свои действия с муниципалитетом.

Париж, 13 апреля 1871 г.»[1].

Таким образом, новая структура военно-санитарной службы строго соответствовала новой структуре армии Коммуны, со-

---

[1] Journal officiel de la République Française, 1871, N. 104, 14/IV.

Мио, врач, член Коммуны.

стоящей из полевых войск и частей местного гарнизона. Первых обслуживали подвижные полевые лазареты; вторых — стационарные, постоянные медицинские пункты.

Согласование этого вопроса с муниципальной и военной властью привело к решению рассредоточить в целях большей оперативности управление гражданской и военной медицины таким образом, что обслуживание Национальной гвардии находилось под управлением главного хирурга доктора Куртилье (Courtilier), а обслуживание гражданского населения — под управлением доктора Херцфельда (Herzfeld), главного врача Ратуши.

Однако Медицинская комиссия оставила за собой общий надзор за состоянием больниц, постоянных и подвижных лазаретов, о чем можно судить по тому, что сводки движения раненых и госпитализированных национальных гвардейцев по установленной Медицинской комиссией форме публиковались в «Journal officiel de la République Française» («Официальная газета Французской Республики») за подписью главного врача Ратуши. Это же подтверждает и приказ за подписью членов Центрального комитета Фабра (Fabre), Тирсонье (Tirsonnier) и Бонфу (Bonnefoux), являвшихся одновременно членами Медицинской комиссии:

«Старшие врачи полков, будучи по праву врачами-инспекторами медицинской службы своих полков, должны требовать представления им сведений о состоянии постоянных и подвижных лазаретов в их округе на каждый день, составлять из этих донесений общую сводку и представлять ее ежедневно в 4 часа вечера в Центральное медицинское управление (ул. Доменика-Жермена, 86).

Настоящий приказ входит в силу с 18-го числа текущего месяца. Париж, 17 мая 1871 г.»[1].

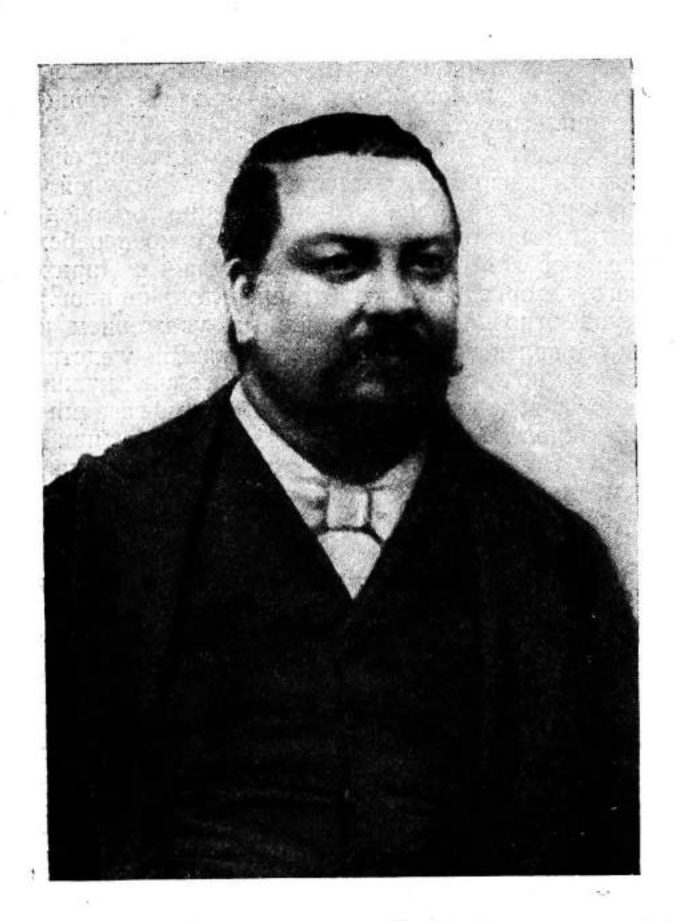
В связи с обязательностью военной службы был проведен учет оставшихся в Париже врачей под руководством членов Коммуны Паризеля (Parisel) и Растуля (Rastoul)[2].

Со дня опубликования декрета о реорганизации военно-санитарной службы «Journal officiel de la République Française» наполняется приказами о назначении врачей и офицеров здоровья на должности врачей, хирургов и помощников врачей боевых батальонов и полков Национальной гвардии. При этом для замещения врачебной должности требовалось представление диплома врача. Студентами-медиками, имевшими не менее 8 засвидетельствованных экзаменационных сессий, и офицерами здоровья замещались лишь должности помощников

---

[1] Journal officiel de la République Française, 1871, N. 111, 21/IV; N. 112, 22/IV.

[2] Там же, N. 139, 19/V.

Гупиль, врач, член Коммуны.

врачей. Это видно по приказам, так как врачебное звание очень тщательно отмечалось в них прибавкой слов «доктор медицины».

К 29 апреля все батальоны Национальной гвардии оказались полностью укомплектованными врачебными кадрами и шли в бой, обеспеченные медицинской помощью. Это стало возможным благодаря тому, что в Париже осталось большое количество медицинского персонала — врачей, офицеров здоровья, медицинских сестер.

Это нужно отнести к доблести парижских врачей и другого медицинского персонала, оставшегося с Коммуной, несмотря на то, что выход из города был совершенно свободен в первые два дня, да и впоследствии было достаточно перебежчиков, а со стороны Версаля легкость проникновения в Париж привела туда много дезорганизаторов, диверсантов, шпионов.

Коммуна относилась с неизменным уважением к врачам, они были объявлены неприкосновенными. Впоследствии упоминавшийся уже врач-писатель Люсьен Насс счел нужным оправдывать это поведение врачей их высоким сознанием своего долга, гуманностью, чувством, которое особо присуще этой профессии[1]. Именно потому, что положение Парижа было безнадежным, они не могли его оставить.

Люсьен Насс изображает врачей мучениками долга, оставшимися на тонущем корабле.

Имеются другие, более объективные свидетельства, указывающие на то, что врачи остались в Париже в то время, когда положение не было безнадежным, остались именно в силу открытого проявления доверия и симпатии к Коммуне, которую сочли своим законным правительством, отказавшись от правительства, бежавшего в Версаль.

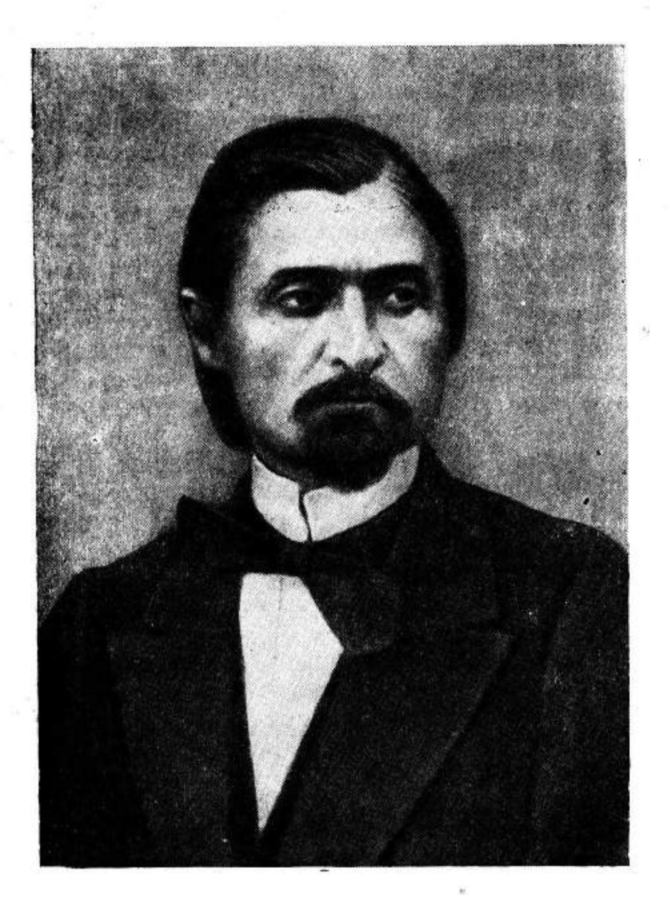
Известно, что положение версальцев было столь шатко, что вызвало беспокойство и в кругах зарубежной буржуазии, в России, в Англии, не говоря о Германии, которая прекрасно на своем опыте знала развал французской армии и бездарность ее полководцев.

Это были те врачи, про которых Е. С. Фрибур (E. C. Fribourg), член Парижской секции Интернационала, писал в 1866 г.:

«Почти все обломки, пережившие разгром республиканских ассоциаций, последовавший при Второй империи, пришли записаться в Гравиллье (улица, где помещалось бюро первого состава Парижской секции Интернационала — *Е. Я.*). Врачи, публицисты, индустриальные рабочие, армейские чиновники содействовали этому делу. Ветераны рабочего движения, как, например, К. Корбон (C. Corbon), который только что

---

[1] L. Nass. Цит. соч., стр. 306.

Антуан Муален (1832—1871), доктор медицины, ученый и публицист, политработник Национальной гвардии Коммуны.

опубликовал свою „Тайну парижского населения“, приветствовали создание Интернационала»[1].

Это были врачи, которые открыто работали на дело будущей социальной революции, или тайно ей сочувствовали. Мы встречаем врачей среди членов правительства Коммуны — Мио (Miot), Гупиль (Goupil), Режер (Régère), Пилло (Pillot), Франсуа Паризель (François Parisel). Среди самого активного ядра Исполнительной комиссии Коммуны — делегат по иностранным делам врач Паскаль Груссэ (Pascal Grousset), по делам просвещения — врач Вайян (Vaillant), по делам финансов — студент-медик Журд (Jourde), по делам коммунального хозяйства — врач Растуль (Rastoul), он же возглавлял Управление лазаретами военно-санитарной службы Национальной гвардии; среди генералов Коммуны — фармацевт Эд (Eudes); среди политработников армии — ученый и писатель, член I Интернационала врач Тони Муален. Последний являлся столь характерной для нового поколения революционеров фигурой, что заслуживает более подробного упоминания.

Жюль Антуан Муален (Jules Antoine Moilin), известный под именем Тони Муален (Tony Moilin), родился в 1832 г. Закончив среднюю школу, он приехал в Париж изучать медицину, оказался чрезвычайно способным студентом, быстро стал экстерном, а затем интерном в больнице и препаратором в College de France у Клода Бернара. Муален отличался трудолюбием, был усидчив и наблюдателен. Он был рано отмечен в специальной прессе после напечатания им первых своих научных заметок.

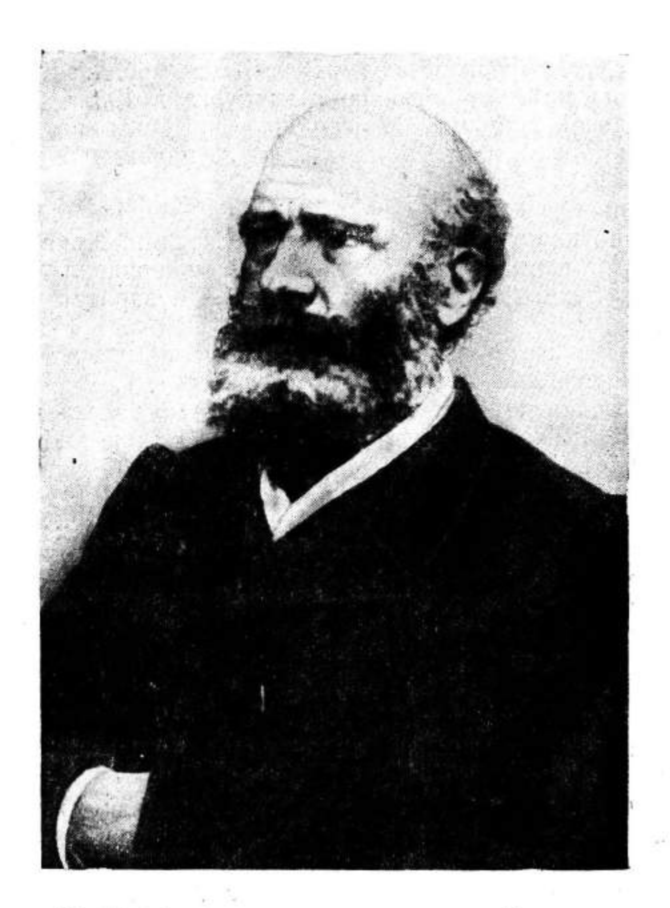
Работая по ликвидации холерной эпидемии 1863 г., он соприкасался очень близко с народными массами. Тогда с тем же жаром, с каким он изучал медицину, он принялся за изучение социальной и политической экономии. Опубликованный в 1867 г. гениальный труд Маркса — I том «Капитала» — покорил молодого ученого, и он сделался горячим поклонником и последователем основоположника научного социализма. Тони Муален принял активное участие в рабочем движении и вступил во французскую секцию Международного Товарищества Рабочих. В 1869 г. он опубликовал политические брошюры «Suffrage Universel» и «Le Liquidition sociale»[2], а также утопию «Paris à 2000 an».

Тогда же он выдвинул свою кандидатуру в Законодательный корпус от 3-го округа Парижа и опубликовал свои соображения о необходимости реформ. Избран он не был. В феврале 1870 г. Муален был арестован. Его судил Верховный суд

---

[1] Ed. Dolléans. Histoire du mouvement ouvrier en France de 1830—1871. Paris, 1936, p. 297.

[2] «Всеобщее голосование» и «Ликвидация общества». В последней брошюре автор обосновал необходимость разрушения современного ему классового общества.

Ж. Ж. Пилло, доктор медицины, член Коммуны.

в Блуа (Blois) вместе с другими членами секции Интернационала по обвинению «в преступном заговоре против правительства» и приговорил к 5 годам заключения, но после провозглашения республики 4 сентября 1870 г. Муален был освобожден. Во время блокады Парижа Муален работал хирургом в одном из батальонов Национальной гвардии.

С первых дней Коммуны он был избран мэром 6-го округа Парижа. Когда была объявлена всеобщая мобилизация, Муален принял на себя обязанности хирурга в 193-м батальоне Национальной гвардии. 15 мая был назначен военным комиссаром одной из трех армий коммунаров, оборонявших Париж.

27 мая, после вторжения версальцев, Муален был предан соседом по квартире, арестован и расстрелян. Приговор был приведен в исполнение 28 мая. Муален проявил большую твердость духа. Он умер со словами: «Да здравствует Коммуна!».

Среди его медицинских работ следует упомянуть: 1) Traité de la Physiologie (Трактат по физиологии), 2) Traité des maladies des organes respiratoires (Трактат о болезнях органов дыхания), 3) Nouveau systéme médical (Новая медицинская система), 4) Leçons de médecine physiologique (Лекции по медицине с физиологической точки зрения).

Его политические труды показывают ту огромную эволюцию, которая произошла в сознании французских революционеров второго поколения после 1848 г.

К революционерам 1848 г. принадлежал врач Мио (Miot), приговоренный к высылке из Франции после разгрома июньского восстания. В 1859 г. Мио вернулся из ссылки и присоединился к бланкистам. В 1861 г. после ареста Бланки, в период нарастания революционного движения, он стал во главе бланкистского движения. В следующем году он тоже был арестован.

После отбытия трехлетнего тюремного заключения Мио эмигрировал в Англию, где выжидал благоприятного для революционных действий времени.

После сентябрьских событий 1870 г. Мио вернулстя в Париж и был избран помощником мэра 19-го округа Парижа, который и выдвинул его после переворота 18 марта в члены правительства Парижской Коммуны.

Верным хранителем заветов Бабефа (Baboeuf), неутомимым и самоотверженным революционером 40-х годов, уже тогда именовавшим себя коммунистом, был и врач Жан Жак Пилло (Jean Jaques Pillot), горячий пропагандист коммунистических идей, писатель и публицист.

Нельзя пройти мимо Теодора Режера (Theodor Regere), доктора медицины и журналиста, изгнанного из Франции Луи Бонапартом после переворота 2/XII 1951 г. за революционную

Теодор Режер, доктор медицины, член Коммуны.

8 Зак. 248

пропаганду в своей газете («Трибуна Жиронды») (Tribune de la Gironde). Вернувшись во Францию в 60-х годах, Режер сотрудничал в газете «Демократ» (Democrate), был участником восстания 31/X 1870 г., а после переворота 18 марта избран членом Коммуны.

Делегат Комиссии по иностранным делам врач Паскаль Груссэ выступил на политическую арену в 60-х годах в качестве талантливого публициста. Он сотрудничал в «Ле Раппель» (Le Rappel), «Ла Реванш» (La Revanche), затем в «Марсельезе» (Marcellaise) Рошфора, основал «Аффранши» (l'Affranchi), где открыто призывал к восстанию. За оскорбление принцем Пьером Бонапартом редакторов одного корсиканского журнала, где Груссэ сотрудничал, он послал ему секундантов (1769) и с тех пор стал особенно популярен.

Во время осады Парижа Груссэ открыто и энергично выступал против правительства обороны, — правительства национальной измены, как назвал его Маркс, что стоило ему ареста и заключения в тюрьме Сент-Пелажи (Sainte-Pelagie), откуда он был освобожден 18 марта.

Необходимо здесь упомянуть и о молодом Густаве Флурансе (Gustave Flourens) (1838—1871), исключительно самоотверженном и бескорыстном враче. Он был сыном действительного члена Французской академии наук, известного физиолога Пьера Флуранса, близкого к правительственным кругам. Густав Флуранс был ассистентом отца и одновременно профессором College de France. Перед ним открывалась блестящая карьера ученого и общественного деятеля, если бы он захотел связать свою жизнь с интересами буржуазии.

Однако очень рано этот блестящий, одаренный красноречием и поэтическим даром, молодой ученый становится носителем оппозиционных взглядов и открыто пропагандирует их с кафедры высшей школы. Сначала его старался образумить отец, но безрезультатно. Тогда после ряда предупреждений его отстранили от чтения лекций. Флуранс совсем порвал с высшей школой буржуазного государства и сделался журналистом. Он сотрудничал в левых радикальных газетах и журналах, подвергался судебным преследованиям. Все крепче связывая свою судьбу с делом рабочего класса, он в 60-х годах становится чрезвычайно популярным среди рабочих. Бланкист по убеждениям, он был арестован в 1869 г. и приговорен к тюремному заключению как один из опасных вожаков рабочего класса в связи с угрозой срыва плебисцита.

Освобожденный после переворота 4/IX 1870 г., он был избран пролетарскими батальонами членом Центрального комитета Национальной гвардии. Каждое его появление рабочие встречали овациями, так как он призывал сопротивляться изменническим тенденциям правительства, называемого правительством Национальной обороны и фактически бывшего

Эдуард-Мари Вайян, доктор медицины, член Коммуны.

«правительством национальной измены», решившимся на капитуляцию Парижа. Флуранс, так же как Бланки и вожаки революционных партий, был в глазах рабочих носителем чести Франции.

Во время восстания 31/X 1870 г. Бланки и Флуранс в качестве представителей рабочих вели переговоры с захваченным в Ратуше правительством и получили от него торжественное заверение о передаче власти в руки свободно избранной Коммуны. Однако вместо исполнения обещания правительство подавило восстание вооруженной силой. Флуранс и Бланки были заочно приговорены к смерти. После 18 марта Флуранс вошел в Военную комиссию Коммуны и был одним из командующих тремя отрядами коммунаров в знаменитую вылазку 3/IV 1871 г. Изменнически захваченного, «рыцарски великодушного Флуранса»[1] зверски убили.

Все эти врачи, хотя и были представителями различных политических воззрений — среди них были и бланкисты, и якобинцы, и старые революционеры 1848 г., и члены I Интернационала, последователи Маркса, представляли собой ту революционную часть врачебной общественности, которая безоговорочно связала свою судьбу с судьбой Коммуны, и разделила жребий всех репрессированных участников Коммуны и рабочего населения революционного Парижа.

Буржуазная же верхушка врачебного мира (почти весь профессорско-преподавательский состав медицинского факультета) бежала в Версаль, увлекая за собой студентов.

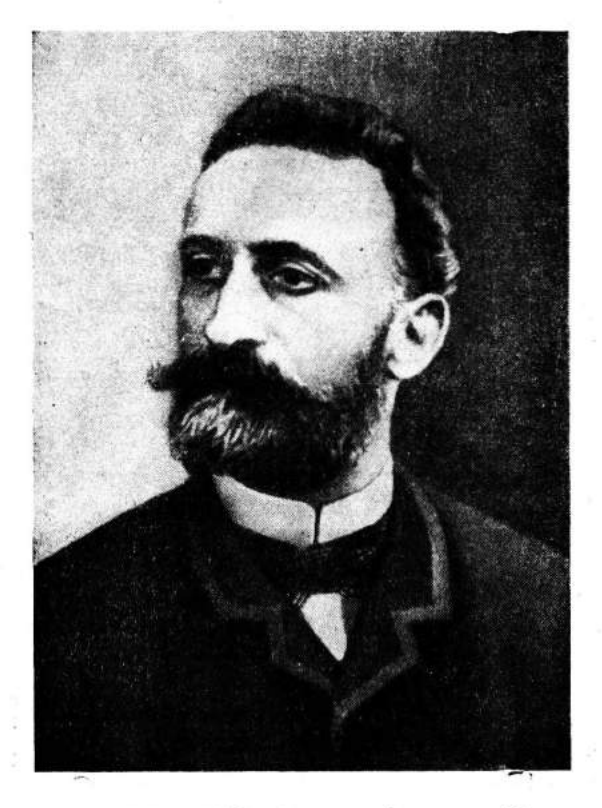
Однако большинство врачей осталось в Париже и из них был навербован персонал для походных лазаретов и стационарных медицинских пунктов в 20 округах Парижа.

Характер обороны Парижа — напряженные кровопролитные бои под стенами столицы, постоянный обстрел города из тяжелых орудий версальской артиллерии, зверства версальцев, не щадивших никого из работавших на стороне Парижской Коммуны, игнорировавших знаки отличия санитарной службы,— привел к громадным потерям среди медицинского состава Национальной гвардии.

Большая убыль врачей указывает на их самоотверженность при исполнении своих обязанностей. И действительно, за беззаветную помощь раненым коммунары-врачи отмечались часто в приказах. На страницах печати, в письмах и сообщениях с поля боя встречаются трогательные выражения признательности полковым и батальонным врачам за благородный риск при выносе раненых из-под огня, за оказание им помощи под самым обстрелом.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. I, М., 1948, стр. 473.

Эмильд Эд (1844—1888), фармацевт, генерал Коммуны.

В чрезвычайно большом количестве гибли санитары и носильщики. Вот что было написано в «Le Rappel» (№ 676 от 20 апреля): «В местечке Аньер бой был ужасающий. Амбулатория Нейли потеряла при подбирании раненых санитара Тушара, три санитара были ранены, один смертельно. Когда же начальник амбулатории захотел послать за ранеными находившихся тут же работников „лазаретов прессы", то они отказались. За это взялись смельчаки-добровольцы и подобрали раненых под ураганным огнем. А раненых было необходимо убирать, так как версальцы их добивали на поле битвы».

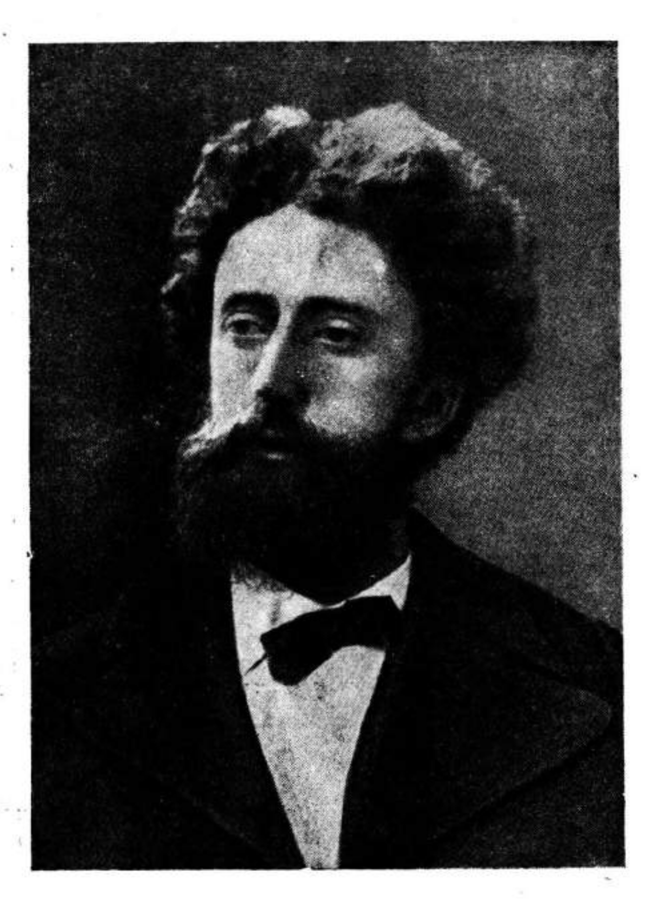
Надо заметить, что работниками печати еще при «правительстве национальной измены»[1] были организованы так называемые лазареты прессы, которые обслуживал персонал Международного Красного Креста. Эта организация оставила в восставшем Париже часть своих лазаретов и людей не без целей шпионажа и разведки. Конечно, персонал «лазаретов прессы» никакому риску не хотел себя подвергать.

При подбирании раненых и оказании им помощи гибло множество врачей, медицинских сестер и санитаров, ибо версальцы, не стесняясь, пристреливали их точно так же, как и беззащитных раненых, на поле боя. По причине большой убыли врачей впоследствии пришлось отступить от принятой вначале Коммуной установки — назначать старшими и младшими врачами только дипломированных врачей. В конце военных действий пришлось на врачебные должности назначать и офицеров здоровья, и студентов, и просто добровольцев, знакомых с приемами первой медицинской помощи.

О том, какой напряженной была работа врачей в условиях обороны Парижа и какая самоотверженность от них требовалась, особенно в последние недели и дни Коммуны, можно судить по ежедневным сообщениям печати о зверствах версальцев, преднамеренно обстреливавших дома, отмеченные знаком Красного Креста. Обстрел версальцами лазаретов и медицинских пунктов заставил некоторые лазареты снять эмблему. Вот что читаем мы в № 5 «Bulletin du jour» («Ежедневный Бюллетень») от 20/V 1871 г.:

«19 мая в Исси положение нестерпимо . . . снаряды падают в громадном количестве. Форт Ванн представляет в настоящий момент ужасное зрелище. Видны все работы версальцев, и ужасно предполагать, что их только что установленные пушки разобьют вдребезги укрепления. Призвано много землекопов для возведения массивных земельных насыпей для смягчения ударов бомб.

[1] Временное правительство, пришедшее к власти в результате революции 4/IX 1870 г. и падения Второй империи, называлось «правительством национальной обороны». Своей политикой предательства интересов французского народа это правительство заслужило позорное прозвище «правительства национальной измены».

Франсуа Журд, студент-медик, уполномоченный Коммуны по делам финансов.

В Булонском лесу бой не прекращался. При посещении медицинских пунктов и других больничных учреждений мы видели множество подъезжающих повозок, полных ранеными. Очень пострадали Пасси и Отей от частых и сильных атак.

Взрыв неприятельских снарядов в складе патронов в Гренель унес не менее 600 жертв... Среди раненых имелись такие, раны которых были ужасны».

В № 7 того же бюллетеня сообщалось, что «дуэль на укреплениях идет с чрезвычайным напряжением... Амбулатория Отей, вчера эвакуированная, сегодня уже снова переполнена. В прилегающих кварталах положение невыносимо. Атака была ужасна по всей линии от Ванна до Клиши».

Такая же картина описана прессой немного ранее.

В «Le Rappel» от 5/V в № 691 сообщалось, что на площади перед мэрией Исси «врач Эмиль Алликс (Emile Allix) поднял пулю, по форме напоминающую снаряд. Внутри она была выдолблена. Коническая же ее часть имела 4 глубоких надреза, от чего образовались как бы зубы, предназначенные раздирать тело и делать раны неисцелимыми... Снаряды падают на бывшую школу Св. Николая, превращенную в лазарет, о чем свидетельствует развевающийся над ней флаг с опознавательными знаками. Замечено, что Версаль направляет свои снаряды преимущественно на лазареты, чтобы там добить сражавшихся».

В «Cri du peuple» («Вопль народа») от 7/V 1871 г. помещена была заметка о том, что «убежище Виллам не оградили от снарядов ни развевавшийся над ним флаг Красного Креста, ни самое присутствие в нем раненых».

О зверствах версальцев, обстреливавших лазареты и расстреливавших раненых, говорят и буржуазные историки, прибавляя излюбленное в подобных случаях слово «увы»[1].

Дюнуа, сообщая о прокламации Коммуны к населению по поводу зверств версальцев, писал, что прокламация «передает факт, увы, слишком верный: версальцы обстреливали лазареты. Это варварство было разоблачено храбрыми хирургами, которые ухаживали на поле боя за ранеными федералистами (войска Коммуны. — *Е. Я.*); много санитаров подтвердили это»[2].

Зверства версальцев были настолько вопиющими и циничными, что заставили и Международное общество Красного Креста протестовать против «зверского нарушения Женевской конвенции». На это общество получило ответ Тьера (Tiers):

«Так как Коммуна не примкнула к Женевской конвенции, Версальское правительство не будет ее соблюдать»[3].

---

[1] Lanjalley et Courier. Histoire de la révolution du 18 mars. Paris, 1871.

[2] Dunois. La Commune, Textes et documents. Paris, 1925, p. 50.

[3] Там же.

Заслуживает внимания декларация делегата по внешним сношениям Коммуны д-ра Паскаля Груссэ:

«До сих пор Коммуна обнаруживала нечто большее и лучшее, чем присоединение к Женевской конвенции. Она тщательно почитала все законы человечности[1], даже перед лицом самых диких поступков, самых кровавых нарушений культуры и прав, перед лицом наших раненых, приконченных на поле битвы, наших обстрелянных лазаретов, наших медицинских пунктов, усеянных пулями, наших врачей и сестер, убитых при исполнении ими своих обязанностей. Но чтобы у убийц-версальцев не было и тени предлога для их зверств, Коммуна заявляет официально, что она присоединяется к Женевской конвенции и обязуется не нарушать ни одного из ее правил ни при каких обстоятельствах»[2].

Глава IV

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ СНАБЖЕНИЕ

Говоря о здравоохранении Парижской Коммуны, нельзя обойти молчанием вопрос продовольственного снабжения Парижа в силу той первостепенной важности, которую имеет питание для здоровья населения. Это интересно еще и потому, что продовольственное дело Коммуна поручила возглавить врачу Паризелю, и он прекрасно справился с подвозом продуктов, их распределением и продажей населению.

По отзывам современников, в Париже в период осады версальцами совершенно не было цинги и прочих дистрофических заболеваний, которые свирепствовали среди парижан в период блокады столицы германскими войсками при так называемом «Правительстве национальной обороны», возглавлявшемся генералом Трошю под закулисным руководством Тьера. Как известно, это правительство объясняло капитуляцию Парижа голодом. Действительно, рынки и магазины пустовали. Съедены были даже все запасы заменителя мяса — костяной муки, предложенной Академией наук для широкого употребления[3]. На улицах исчезли все кошки и вороны. Остановились многие предприятия, резко увеличилась безработица. Большинство рабо-

---

[1] Действительно, раненых версальских солдат, оставшихся на поле боя в зоне Коммуны, национальные гвардейцы подбирали столь же участливо, как и своих бойцов. В лазаретах Коммуны они пользовались теми же заботами (Le Rappel 1871, 17/IV).

[2] Dunois. Textes et documents. Paris, 1925, p. 50.

[3] Annales d'Hygiène publique et de la médecine légale, Paris, 1871, 31, 2-me série, p. 3—10.

чих с семьями имели лишь полтора франка в день—жалованье национального гвардейца. А 28/II 1871 г. и эти полтора франка были отменены. Истощение и обнищание масс достигли предела.

С первых же дней Коммуна выделила особую продовольственную комиссию, которая должна была произвести учет всех продуктов питания, находящихся в Париже. Делегатом от правительства в эту комиссию был назначен врач Паризель.

Работа комиссии выявила чудовищный обман населения правительством: были найдены огромные запасы продовольствия, гниющего на складах, расхищенного по частным домам и квартирам. В подвале особняка бывшего министра Жюля Симона (Jules Simon) было обнаружено громадное количество продуктов, включая тонкие вина и гастрономические деликатесы[1].

В «Journal officiel de la République Française» № 118 от 28/IV в посвященной продовольственному вопросу заметке отмечалось, что «бывшее правительство нашло средство держать население впроголодь и организовать голодовку при изобилии продуктов».

Обнаруженные Коммуной запасы были переданы в магазины, частью распределены в Национальной гвардии, частью пущены в продажу по низким ценам. Тонкие вина, деликатесы и укрепляющие вещества, как концентраты бульона, конденсированное молоко, были распределены по лазаретам для раненых и детским приютам.

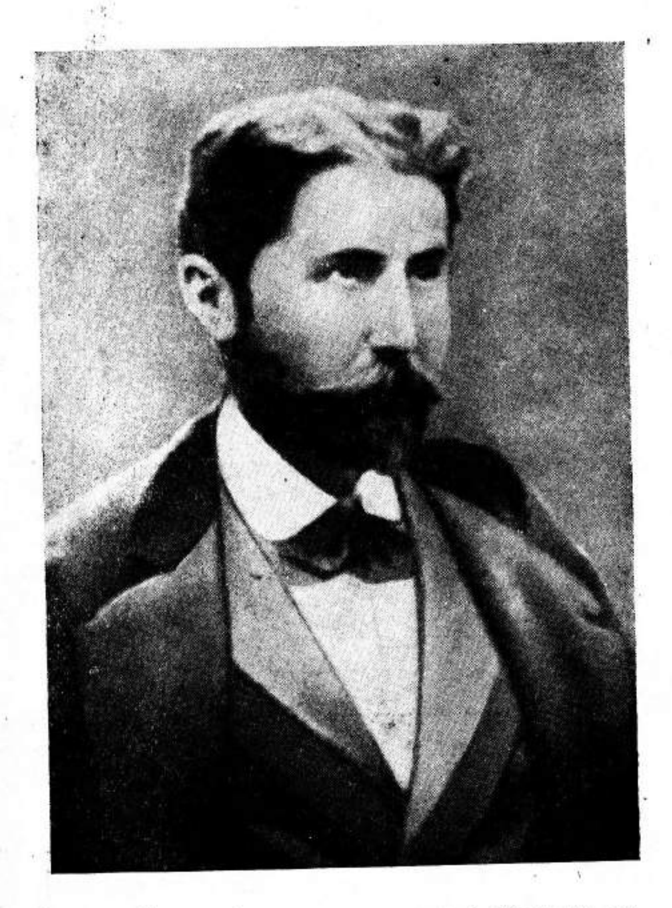
Вступая в борьбу с Коммуной, Версальское правительство организовало продовольственную блокаду Парижа. Однако посредством разумных мероприятий Коммуна разорвала эту блокаду и обеспечила регулярное снабжение.

Тьер, рассчитывавший сломить сопротивление столицы голодом, не смог осуществить свое намерение. Парижане ни одной минуты не испытывали тех лишений и страха за грядущий день, которое они испытывали при первой блокаде. Несмотря на препятствия, чинимые версальцами, продукты поступали в достаточном количестве.

Продовольственная комиссия Коммуны скупала привозимые продукты по оптовым ценам и распределяла их затем по магазинам, где продавали их в розницу по очень умеренным ценам. На период же торговли коммерсанты, привозившие муку и зерно, а также крупу, получали бесплатно в свое распоряжение любые по величине склады. Товары не реквизировались. Но Коммуна сохранила за собой право покупать их по твердой цене в случае, если блокада помешает дальнейшему

---

[1] X. Raspail. De la nécessité de l'Amnisitie. l'Insurrection du 18 mars. Ses causes, ses effets et sa repression. Paris, 1876.

Паскаль Груссэ, врач, уполномоченный Коммуны по иностранным делам.

Рис. 7. Временный лазарет, развернутый в фойе театра Комеди Франсез во время блокады Парижа в 1870—1871 гг.

завозу. Кроме того, торговцы получали свободный пропуск в Париж и обратно[1].

Благодаря этим мероприятиям в Париже не было недостатка в продуктах питания, и некоторые из них и как раз самые нужные, как хлеб и сахар, продавались по ценам гораздо более низким, чем в прежние годы. Эти же меры сделали невозможной спекуляцию.

В Париж регулярно приходили вагоны, груженные скотом, который отправлялся на мясной рынок Ла Виллет (La Villette) после надлежащего ветеринарного осмотра. Растительного масла, хлеба и зерна было более чем достаточно, цены на них падали с каждым днем. Париж потреблял ежедневно 500 тонн муки, вместо 800, которые запасала на каждый день продовольственная комиссия [2].

Мясо было меньше, но соленую свинину и ветчину легко можно было купить на рынках, на улице и в лавках по 2 франка 40 сантимов — 3 франка 40 сантимов за килограмм. Сахар стоил около $1^1/_2$ франка за килограмм.

Бенуа Малон (Benoit Malon) член Коммуны, приговоренный к принудительным работам в колониях и впоследствии бежавший, подтвердил в написанной им книге, что «запасов было столько, что они не иссякли и были обнаружены после падения Коммуны»[3].

Глава V

УЧАСТИЕ НАСЕЛЕНИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

В создании своего социалистического здравоохранения Коммуна с первых же шагов встретила горячее сочувствие и поддержку населения — явление совершенно новое, впервые столь ярко проявившееся в истории революций.

Этот характерный для революции 1871 г. факт особенно подчеркивает пролетарскую сущность первого рабочего государства. Население считало Коммуну своим кровным правительством и шло ей на помощь. Невольно вспоминаются слова Дюбрейля: «Как бы там ни было, но такою, какой была эта Коммуна, Париж любил ее, он увлекался ею, верил в нее и

---

[1] Journal officiel de la République Française, 1871, N. 104, 14/IV; N. 108, 18/IV; La Solidarité, 1871, N. 3.

[2] Le Rappel, 1871, N. 18, 21/IV.

[3] B. Malon. La troisième défaite du prolétariat français. Paris, 1876, p. 166.

надеялся на нее горячо и страстно»[1]. Казалось, преданность Коммуне возрастала вместе с опасностью, увеличивающейся с каждым днем.

Начиная со 2 апреля город был потрясен канонадой, разрывами снарядов на улицах. Жертв этого предательского обстрела города было столько, что больниц не хватало. Нужно было реквизировать под временные лазареты новые помещения, создать в них необходимую обстановку, снабдить инвентарем. Население само организовало сбор вещей и денег. В фонд добровольных пожертвований непрерывно поступали мебель, посуда, всевозможная кухонная утварь, платье, белье, обувь, медикаменты.

Самое широкое участие в этом принимали женщины. Парижская Коммуна вовлекла женщин в политическую и общественную жизнь настолько глубоко, что на некоторых ее участках, например в организации новых больниц и убежищ, в уходе за ранеными и больными, женщины почти полностью заменили мужчин. Это массовое вступление женщин в общественную жизнь — знаменательная черта Парижской Коммуны. Женщины стремились сражаться в боевых батальонах, действующих на фронте против неприятеля. Известно, что при выступления боевых батальонов Парижа 12 мая для организации контрнаступления женщины сформировали целый батальон и с трудом были удержаны от выхода за крепостную стену у ворот Майо.

В дни уличных боев героической защиты Коммуны женский батальон совершил чудеса храбрости. Вот что рассказывает об этой истории коммунар Дюбрейль (Dubreuil):

«На площади Бланш (Blanche) батальон женщин под командой героини Луизы Мишель (Louise Michel) и русской Дмитриевой, уже накануне (22 мая. — *Е. Я.*) сражавшихся в Батиньоле, проявил чудеса. Когда позицию невозможно было уже удержать, батальон отбежал на несколько сот метров далее на площадь Пигаль, где вновь боролся с неприятелем и так, отступая от одной баррикады, чтобы возобновить свою борьбу на следующей, батальон тот сражался целый день»[2].

В середине апреля в Париже был создан «Союз женщин для защиты Парижа и помощи раненым», численный состав которого возрастал в последующие дни с необыкновенной быстротой. Среди инициаторов и вдохновителей этого движения встречаем имена русских женщин — Елизаветы Дмитриевой и Анны Корвин-Круковской (Жаклар[3]), сестры знаменитого математика Софьи Ковалевской.

---

[1] Л. Дюбрейль. Коммуна 1871 года. М., 1930, стр. 83.

[2] Там же, стр. 266—267.

[3] Анна Васильевна Корвин-Круковская была замужем за французом, студентом-медиком Виктором Жакларом (Jaclard), членом Коммуны и боевым командиром Национальной гвардии.

Е. Л. Дмитриева

Елизавета Лукинична Дмитриева (она же Элиза Томановская) была направлена в Париж К. Марксом в качестве представителя Генерального совета Международного Товарищества Рабочих. Елизавета Лукинична родилась в 1851 г. в семье помещика Псковской губернии. После фиктивного брака (как это нередко практиковалось в то время передовыми русскими девушками, желавшими выехать за границу и получить высшее образование) с полковником Томановским она уехала в Швейцарию. Там она активно включилась в революционную деятельность, в частности принимала участие в редакции и издании журнала «Народное дело».

Будучи одним из организаторов русской секции I Интернационала, Елизавета Лукинична была командирована секцией в декабре 1870 г. в Лондон к Карлу Марксу для ознакомления с положением секции и для получения его советов в отношении деятельности инициативной группы пропаганды Интернационала, организовавшейся в Женеве.

В бытность свою в Лондоне Елизавета Лукинична познакомилась с семьей Маркса и особенно сблизилась с его старшей дочерью Женни, о чем свидетельствует дошедшая до нас переписка[1]. Сам Маркс очень ценил и уважал Е. Л. Дмитриеву как революционера-организатора, беззаветно преданного делу революции, за ее редкий ум и широкую образованность. Члены секции считали ее «драгоценным товарищем».

В Париже Елизавета Лукинична проявила кипучую и вместе с тем настойчивую целенаправленную деятельность по укреплению Коммуны, сплочению вокруг нее населения, особенно женщин, по пропаганде идеи международной социальной революции.

Приходится удивляться, как только у нее хватало сил выступать каждый вечер в учрежденных ею по всем районам Парижа комитетам Союза женщин, устанавливать связь с Коммуной, писать во множестве статьи, воззвания, лозунги, вести переписку с членами Интернационала, находящимися вне Франции, оказывать помощь раненым и пострадавшим, внушать им бодрость и уверенность.

Дмитриева рассматривала созданные ею женские организации как опорные начальные пункты будущих секций Интернационала. Она писала Герману Юнгу, члену Генерального совета Интернационала: «Если Коммуна победит, то наша организация из политической превратится в социальную, и мы образуем секции Интернационала. Эта идея имеет большой успех. Вообще интернациональная пропаганда, которую я веду с целью показать, что все страны, в том числе и Герма-

---

[1] Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. Изд 2-е, М., 1951, стр. 45—51.

А. В. Корвин-Круковская (Жаклар).

ния, находятся накануне социальной революции,— эта пропаганда очень хорошо воспринимается женщинами»[1].

Ей как преданной последовательнице Маркса были понятны роковые ошибки Коммуны, предотвратить которые ей стоило больших и, к сожалению, бесплодных усилий. Так, вместе с Жакларом она настаивала в первые же дни своей работы в Париже на обращении с соответствующим воззванием к крестьянскому населению Франции. Она же протестовала против назначения Клюзере главнокомандующим военными силами Коммуны.

В ее письме Герману Юнгу, бывшему тогда в Лондоне, читаем: «Как вы можете оставаться там в бездействии, в то время как Париж из-за этого на краю гибели? Необходимо во что бы то ни стало агитировать в провинции за помощь нам. Парижское население (известная часть его) героически сражается, но мы никогда не думали, что окажемся настолько изолированными. Тем не менее мы до сих пор сохранили все наши позиции. Домбровский сражается хорошо, и Париж действительно революционно настроен...

Дела Коммуны идут хорошо, но вначале было совершено много ошибок. 15—20 дней назад был избран Клюзере, несмотря на всю нашу агитацию против него. Теперь Малон рвет на себе волосы, что не послушался меня. Да днях Клюзере будет арестован.

К крестьянам не обратились во-время с манифестом; мне кажется, что он вообще не был составлен, несмотря на мои и Жаклара настояния. Центральный комитет не сразу сдал свои полномочия, были всякие истории, которые ослабили партию. Но с тех пор организация окрепла. На мой взгляд делается все, что только возможно. Я не могу говорить об этом более подробно, потому что боюсь, как бы прекрасные глаза г. Тьера не заглянули в это письмо»[2].

Дмитриева в дни героической обороны Коммуны с исключительной стойкостью сражалась на баррикадах до последних выстрелов Коммуны.

После поражения Коммуны ей удалось пробраться в Женеву, а оттуда в Россию, где через некоторое время она вышла замуж за ссыльного, последовала за ним в Сибирь и там окончила свои дни.

Глубоко убежденным и преданным делу Коммуны членом Союза женщин была и Анна Васильевна Корвин-Круковская (1843—1887), по мужу Жаклар.

Вместе с Виктором Жакларом и Андрэ Лео Анна Васильевна основала в Париже одну из наиболее выдержанных га-

---

[1] Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, Изд. 2-е, М., 1951, стр. 50.

[2] Там же, стр. 50—51.

зет Коммуны «La Sociale», выходившую еженедельно с 31 марта по 17 мая. Надо отметить, что именно эта газета правильно оценила ту роль, которую крестьянство смогло бы сыграть для Парижской Коммуны, если бы примкнуло к рабочим.

Анна Васильевна была активной пропагандисткой, возглавлявшей работу Монмартрского комитета Союза женщин. Сохранилась декларация комитета к женскому населению за ее подписью:

«Гражданки Монмартра, собравшиеся 22 апреля на заседание, постановили предоставить себя в распоряжение Коммуны для организации походных госпиталей, которые будут сопровождать отряды выступающие в бой, и подбирать на поле сражения наших героических защитников. Женщины Монмартра, одушевленные революционным энтузиазмом, хотят на деле доказать свою преданность революции».

Столь же энергично и столь же преданно Анна Васильевна работала по уходу за ранеными коммунарами и пострадавшими от бомбардировок Парижа. Вместе с ней за ранеными ухаживала ее сестра Софья Ковалевская, нелегально пробравшаяся вместе с мужем в Париж для свидания с сестрой.

В мае Анна Васильевна была избрана членом особой комиссии по реорганизации женского образования и наблюдения за школами для девочек, учрежденными декретом Коммуны.

Члены Союза женщин, руководимого Центральным комитетом, не боясь бомбардировок, успешно проводили по вечерам пропаганду социальных идей Интернационала. Днем женщины деятельно работали в многочисленных санитарных объединениях.

«Вскоре,— пишет Бенуа Малон (Benoit Malon),— к большому удовлетворению раненых все амбулатории оказались в руках женщин-революционерок»[1].

О работе «красных санитарок» на передовых позициях, сопряженной с большим самопожертвованием и выносливостью, часто сообщалось на страницах периодической печати Коммуны. В «Journal officiel de la République Française» публиковались приказы Военного управления с вынесением благодарности санитаркам и маркитанткам, оказывавшие медицинскую помощь под огнем неприятеля и выносившим раненых с поля боя.

Феликс Пиа (Félix Pyat), член Коммуны, писал в издаваемой им газете «Le Vengeur» (Мститель): «Я видел три революции, но в первый раз вижу, чтобы женщины и дети бросались в нее с такой решительностью. Повидимому, настоящая революция близка им более, чем прежние. Защищая ее, они борются за свое существование»[2].

---

[1] B. Malon. La troisième défaite du prolétariat français. Paris, 1876, p. 279.

[2] Le Vengeur, 1871, 24/V.

Надо отметить, что и Коммуна прямо и непосредственно обращалась ко всему населению за содействием в том или ином начинании.

Среди декретов Коммуны имеется декрет о назначении «Инициативной комиссии по вопросу социальных реформ». Эта комиссия в свою очередь обращалась с призывом о помощи ко всем делегатам Интернационала, рабочим обществам, демократическим комитетам, группам индустриальных и научных работников, к инженерам и архитекторам и ко всем «людям доброй воли». Эти «люди доброй воли» с воодушевлением занимались оборудованием помещений для лазаретов, обставляли и убирали школы, собирали пожертвования, проводили инвентаризацию секуляризированных монастырских имуществ, организовывали концерты в пользу раненых. Население сливалось с Коммуной в одном деле созидания своего народного государства, в борьбе с общим врагом. То был Париж — «Трудящийся, мыслящий, борющийся, истекающий кровью, но сияющий вдохновенным сознанием своей исторической инициативы»[1].

В Париже не прерывалась ни научная, ни деловая, ни художественная жизнь. Театры работали, концертные залы были переполнены, музеи и выставки открыты, Академия наук проводила свои регулярные заседания вплоть до 21 мая — дня вторжения версальских армий в Париж.

«Коммуна,— писал Маркс,— была, таким образом, истинной представительницей всех здоровых элементов французского общества, а значит, и подлинно национальным правительством...»[2].

А по ту сторону фронта, в Версале был «Париж Тьера... он был призрачным Парижем, Парижем капитулянтов, Парижем бульварных завсегдатаев обоего пола, богатым, капиталистическим, позолоченным, тунеядствующим Парижем... со своими лакеями, жуликами, литературной богемой, кокотками...»[3].

Характерна позиция оставшихся в Коммуне ученых академиков — престарелого Мильн Эдвардса (Miln Edvards), знаменитого 85-летнего химика Шеврейя (Chevreuil), чье имя вошло в историю развития учения о клетке, выдающегося физиолога Клода Бернара, астронома Делоне (Delonney), паразитолога Бланшара (Blanchard), историка Шарля Морена (Charles Morin), геолога де Бомона (de Baumont) и др. Они предпочитали рисковать жизнью в осажденном и обстреливаемом Париже, нежели укрыться в безопасный Версаль. Перед ними был выбор — или Коммуна, или Тьер. Они вы-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. I, М., 1948, стр. 487.

[2] Там же, стр. 484.

[3] Там же, стр. 488.

брали первую как французы, как патриоты. Они не бежали с правительством Тьера и этим самым не взяли на себя ни позора капитуляции, ни последующего, еще более гнусного позора резни кровавой майской недели. Они не боялись остаться в меньшинстве, и это было с благодарностью отмечено Коммуной. В выборе ученых наибольшую роль играла их любовь к науке, к собранным ими сокровищам. Но это-то и трогало коммунаров.

Не надо забывать, что «оригинальнейшая черта Коммуны», по словам В. И. Ленина, заключалась в том, что «пролетариат взял на себя две задачи — общенациональную и классовую...»[1].

Рабочие осознавали себя спасителями чести Франции, ученые представляли собой честь французской науки. Это их сближало. Остаться в Париже было далеко не безопасно. Ведь если бы не престиж Академии наук и не мировая известность оставшихся в Париже членов Академии, торжествующая реакция расправилась бы с академиками столь же жестоко, как и с рабочими.

Величие коммунизма, привлекавшего к себе все прогрессивные силы человечества, впервые ярко выявилось в Парижской Коммуне 1871 г.

Революционный опыт Парижской Коммуны был использован марксизмом-ленинизмом для разработки учения о диктатуре пролетариата. «Коммуна научила европейский пролетариат конкретно ставить задачи социалистической революции»[2].

В области здравоохранения Коммуна тогда оказалась «блестящим образцом того, как единодушно умеет пролетариат осуществлять демократические задачи, которые умела только провозглашать буржуазия»[3].

Приведенное нами описание мероприятий Коммуны по линии здравоохранения служит одной из иллюстраций к словам В. И. Ленина о мерах, которые Коммуна успела предпринять в своем строительстве нового государства, «достаточно характеризующих ее истинный смысл и цели». «В чисто социальной области она успела сделать немного, но это немногое все-таки достаточно ярко вскрывает ее характер, как народного, рабочего правительства»[4].

Действительно, в основе всех тех широких мероприятий, которые Коммуна наметила, имея в виду построение подлинной охраны здоровья трудящихся масс, совершенно явно обнаружились тенденции и принципы социалистического здравоохранения в первой попытке их реализации.

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения. Изд. 4-е, т. 13, стр. 437.

[2] В. И. Ленин. Там же, стр. 439.

[3] В. И. Ленин, Там же, стр. 438.

[4] В. И. Ленин. Сочинения. Изд. 4-е, т. 17, стр. 113—114.

1. Коммуна стремилась сосредоточить в своих руках все медицинские учреждения, все многочисленные медико-социальные организации, распыленные по различным ведомствам, муниципальным организациям, благотворительным обществам и монастырям, объединив их одним руководством медицинского управления.

2. Коммуна строила медицинскую помощь на основах бесплатности, организуя ее по окружным комитетам, т. е. приближая ее к населению.

3. Коммуна, разрушив старую государственную машину, привлекла массы населения к участию в органах государственного управления, в том числе и в органах медицинской и социальной помощи; энергичная, горячая и инициативная самодеятельность населения является характерной чертой в строительстве здравоохранения Парижской Коммуны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из сопоставления проектов и мероприятий по здравоохранению, задуманных и проводившихся в период двух революций — 1848 и 1871 гг., с очевидностью вытекает положение, что в рамках капиталистической эксплуатации, какие бы политические формы она ни принимала и какими бы широковещательными лозунгами ни оперировала буржуазия, исключена возможность построения подлинной охраны здоровья трудящихся, доступной широким массам.

Более того, шумиха, поднимаемая время от времени буржуазией вокруг различных проектов «широких» реформ в области охраны здоровья трудящихся, всегда была, — как есть и в настоящее время, — лишь маневром для отвлечения внимания и энергии пролетариата от революционной борьбы.

Наоборот, мероприятия по созданию подлинной охраны здоровья широких трудящихся масс являются закономерным следствием победы пролетарской революции, зародышем которой и была Парижская Коммуна, попытавшаяся реализовать эти задачи в короткий срок своего существования.

Прошло 87 лет со времени провозглашения и гибели первого государства, попытавшегося установить диктатуру пролетариата, — Парижской Коммуны.

Последующее развитие истории с очевидностью подтвердило истину установленной в предыдущем изложении исторической закономерности: построение подлинной охраны здоровья трудовых классов может быть достигнуто только в стране победившей социалистической революции. Построенная в СССР система социалистического здравоохранения в настоящее время успешно развивается в странах народной демократии.

Мы считаем в высшей степени показательным то обстоятельство, что система социального страхования (Sécurité sociale) — это величайшее завоевание рабочего класса Франции — была утверждена законодательным порядком в 1945 г., т. е. именно в период его наибольшего представительства в правительстве в лице министров-коммунистов. Первым декретом этого правительства, где преобладали коммунисты, был декрет о социальном страховании.

Новые данные об обнищании трудящихся капиталистических стран нашли в самом недавнем времени исчерпывающее обобщение в статье вождя французской Коммунистической партии Мориса Тореза[1], разоблачающего маневры буржуазного правительства Мендес-Франса, пытавшегося скрыть от рабочих процесс прогрессирующего ухудшения их положения за плохо сколоченной ширмой мелких социальных реформ.

Однако «упрямые факты» в убедительном цифровом выражении свидетельствуют об увеличении промышленного травматизма и истощения рабочих в результате чрезмерной интенсификации труда. Обнищание рабочего класса становится для всех очевидным фактом, подтвержденным многочисленными экономическими данными.

Таким образом, мы видим ту же картину, повторяющуюся после каждой революции (и 1789 г., и 1848 г., и 1871 г.), когда буржуазия неизменно стремится ловким маневром отвлечь рабочий класс от социализма и борьбы за него, представляя себя единственной носительницей прогресса и социального блага.

Дело Парижской Коммуны, впервые показавшей прообраз диктатуры пролетариата, закономерно продолжает Коммунистическая партия, борющаяся за объединение демократических сил страны.

Ежегодно в конце мая или начале июня Коммунистическая партия возглавляет мощную народную демонстрацию, торжественно дефилирующую через весь Париж к стене коммунаров на кладбище Пер-Лашез и осененную старым, почерневшим от времени, но дорогим для коммунистов знаменем, которое осеняло первую такую демонстрацию в 1886 г., когда у правительства была вырвана амнистия коммунарам.

Традиция общественной демонстрации столь же крепка, как и другая, которую нам удалось проследить через все XIX столетие, — а именно — активное и убежденное участие множества врачей в общественной и политической жизни на стороне рабочего класса.

Передовому французскому врачу, воспитанному революциями, присущ протестующий социальный дух, присуще убеждение, что врач должен охранять здоровье и жизнь своих сограждан не только лечением и не только профилактикой, но и участием во всех возможных для него политических и общественных мероприятиях, которые могут предотвратить массовое истребление его народа. За это он несет ответственность как гражданин и как француз.

Эта традиция восходит к Другу народа — Жан-Полю Марату, впервые заявившему о праве каждого гражданина, не

[1] М. Торез. Новые данные об обнищании. Ответ Мендес-Франсу. Cahiers du communisme, 1955, № 7—8. См. также сокращенный перевод в «Правде». 1955, № 288—289 за 15 и 16 октября.

имеющего собственности и живущего трудом, т. е. о праве пролетариата, на заботу об его здоровье, обеспечении ему лечения в период болезней и старости.

В годы новой революционной волны, нараставшей во Франции в 30-х и 40-х годах прошлого столетия, эта традиция оживает в образе Друга народа Распайля, которого пролетариат избирает своим представителем.

В трагические дни войны и фашистского гнета (1940—1945) участие врачей в борьбе французского народа с немецкой оккупацией и нацизмом было весьма значительным. За участие в организации Сопротивления множество врачей было выслано, увезено в плен, расстреляно. Помощь сопротивляющимся, поддержка партизан были правилом для французского врача. Среди них были организованы и подпольные центры, как, например, «Национальный комитет врачей» или «Служба здоровья Северной зоны». Подпольная газета «Французский врач» была рупором этих патриотических организаций.

В дни мирного восстановления страны эта же традиция привела к созданию объединения врачей внутри Коммунистической партии.

Врачи-коммунисты развернули широкую деятельность в области политической, общественной и научной борьбы 1) за мир и национальную независимость, 2) за охрану здоровья рабочих путем всемерного развития профилактической медицины и, в частности, улучшения системы социального страхования, 3) за пропаганду достижений советской медицины и диалектического материализма как теоретической основы медицинской науки.

В этих целях врачи-коммунисты начали в 1953 г. издание журнала «Revue de la nouvelle médicine» (главный редактор — Ив Кашен), поставившего перед собой задачу «продолжать традицию французского врача, соединяющего в себе врача и политического деятеля» [1].

Врачи-коммунисты также издают так называемые «Тетради советской медицины» (Cahiers de la medicine sovietique), которые содержат переводы избранных трудов советских ученых — К. М. Быкова, Н. Н. Аничкова, А. Г. Иванова-Смоленского, А. П. Николаева и др.

Описанные выше факты показывают, насколько живы во Франции ее великие революционные традиции.

Передовая Франция горда своим доблестным званием знаменосца красного знамени революции и не хочет его опускать. Она знает его могучее обаяние для всего прогрессивного человечества, которое чтит Францию как пионера в революционной борьбе против всякого угнетения.

---

[1] Revue de la nouvelle médecine, 1953, 1. p. 1.

ЛИТЕРАТУРА

I

К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии, К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, М., 1948.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Известия из Парижа, К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т. VI.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Ход движения в Париже, там же.

К. Маркс и Ф. Энгельс, 23—24 июня в Париже, там же.

К. Маркс и Ф. Энгельс, «Кельнская газета» об июньской революции, там же.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Парижская «Réforme» об июньском восстании, там же.

К. Маркс, Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г., К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, М., 1948.

К. Маркс, Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта, там же.

К. Маркс, Революция 1848 года и пролетариат, К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XI, ч. 1.

К. Маркс, Капитал, т. I, М., 1949.

К. Маркс, Учредительный манифест Международного Товарищества Рабочих, Сочинения, т. XIII, ч. 2.

К. Маркс, Гражданская война во Франции, К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, М., 1948.

Ф. Энгельс, Прогресс движения за социальную реформу на континенте, К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. II.

Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, М., 1952.

Ф. Энгельс, Рабочий класс во Франции и президентские выборы, Пролетарская революция, 1940, № 3.

Ф. Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке, К. Маркс и и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XV.

Ф. Энгельс, Диалектика природы, М., 1952.

Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, М., 1951.

В. И. Ленин, Что делать? Сочинения, изд. 4-е, т. 5.

В. И. Ленин, Революция типа 1879 или типа 1848 г., Сочинения, изд. 4-е, т. 8.

В. И. Ленин, Две тактики социал-демократии в демократической революции, Сочинения, изд. 4-е, т. 9.

В. И. Ленин, Уроки Коммуны, Сочинения, изд. 4-е, т. 13.

В. И. Ленин, Памяти Коммуны, Сочинения, изд. 4-е, т. 17.

В. И. Ленин, О политической линии, Сочинения, изд. 4-е, т. 18.

В. И. Ленин, Две утопии, Сочинения, изд. 4-е, т. 18.

В. И. Ленин, Исторические судьбы учения Карла Маркса, Сочинения, изд. 4-е, т. 18.

В. И. Ленин, Три источника и три составных части марксизма, Сочинения, изд. 4-е, т. 19.

В. И. Ленин, Луиблановщина, Сочинения, изд. 4-е, т. 24.
В. И. Ленин, Уроки революции, Сочинения, изд. 4-е, т. 25.
В. И. Ленин, Из какого классового источника приходят и «придут» Кавеньяки? Сочинения, изд. 4-е, т. 25.
В. И. Ленин, Государство и революция, Сочинения, изд. 4-е, т. 25.
И. В. Сталин Анархизм или социализм? Сочинения, т. 1.
И. В. Сталин, Перспективы, Сочинения, т. 5.
И. В. Сталин, Беседы с первой американской рабочей делегацией 6/IX 1927 г., Сочинения, т. 10.
И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е.
И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, М., 1952.
И. В. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, М., 1952.

II

1. На русском языке

Аллеман Ж., С баррикад на каторгу. Сокращенный перевод с французского языка, Л., 1933.
Анненков П., Замечательное десятилетие, Вестник Европы, т. II, 1880.
Барсуков М. И., Великая Октябрьская социалистическая революция и организация советского здравоохранения, М., 1950.
Герцен А. И., Письма с того берега. Избранные сочинения, т. I—II, М., 1931.
Герцен А. И., Письма из Франции и Италии, М., 1931.
Демонси К. А., Взгляд на преподавание медицины и на врачебную практику во Франции, Записки по части врачебных наук, 1844, кн. 2 и 3.
Дюбрейль Л., Коммуна 1871 года, М., 1930.
Заблудовский П. Е., Утопический социализм Фурье и медицина, Советская медицина, 1937, № 18.
Керженцев П. М., История Парижской Коммуны 1871 г., М., 1940.
Красильников С. Н., Боевые действия Парижской Коммуны 1871 г., М., 1935.
Кропоткин П. А. Парижская Коммуна, СПБ, 1907.
Мишель Луиза, Коммуна. Из воспоминаний, М., 1926.
Нифонтов А., 1848 год в России, М., 1940.
Палкин М. Е., Здравоохранение Парижской Коммуны, Советский врачебный журнал, 1941, № 3.
Пашинцев И. А., К. Маркс и Ф. Энгельс о социальных основах здравоохранения, М., 1952.
Плеханов Г. В., К развитию монистического взгляда на историю, Сочинения, т. VII, М., 1928.
Плеханов Г. В., Французский утопический социализм 19-го века, Сочинения, т. XVIII, М., 1928.
Плеханов Г. В., Политические взгляды Н. Г. Чернышевского, т. VI, М., 1926.
Пирогов Н. И., Севастопольские письма и воспоминания, М., 1950.
Полунин А. И., О состоянии медицинской части в Париже и некоторых примечательных учреждениях в Лондоне. Заметки Алексея Полунина, написанные в 1845 г., «Московские ведомости», 1948, № 102—104.
Протоколы Парижской Коммуны 1871 г., М., 1938.
Распайль Фр., Карманный словарь здравия или домашняя медицина и аптека. Теоретические и практические наставления, как самому приготовлять и употреблять лекарства, предохранять и пользовать себя скоро с малыми издержками от большей части излечимых болезней и доставлять возможное облегчение в болезнях неизлечимых, СПБ, 1860, Перевод с 6-го изд. «Manuel annuaire de la santé», Bruxelle, 1852.

Революции 1848—1849 гг., под ред. проф. В. В. Молока и Ф. В. Потемкина, М., 1952.
Сажин М. П., Героические дни и падение Коммуны (Воспоминания участников), М.—Л., 1926.
Салтыков-Щедрин Е., За рубежом. Сочинения, т. XIV, М., 1936.
Семашко Н. А., Избранные произведения, М., 1954.
Соловьев З. П., Вопросы здравоохранения, М., 1940.
Торез М., Народный фронт во Франции, М., 1937.
Чернышевский Н. Г., Дневник, М., 1931.
Чернышевский Н. Г., Кавеньяк. Июльская монархия, Сочинения, т. V, М., 1950.

2. На французском, английском и немецком языках

Affaire de la souscription Baudin, Paris, 1868.
Affaire Xavier Raspail, Paris, 1871.
Audebrand P., Nos révolutionnaires 1830—1880, Paris, 1886.
Bernard Cl., La Science expérimentale, Paris, 1878.
Biographies des 900 membres de l'assemblée nationale constituante par une société de littérateurs et de publicistes, Paris, 1849.
Boudin G., Essai de la géographie médicale, Paris, 1843.
Breton F., L'assistance publique et la bienfaisance au XIX siècle, Paris, 1866.
Bulletin des lois de la République Française, Série 10, t. I, 1848—1849, Paris, 1849.
Bulletin des lois, arretés, décrets et proclamation de la Commune de Paris, Recueil de tous les actes officiels du 26 mars au 23 mai 1871, Paris, 1871.
Cabet E., Voyage en Icarie, Paris, 1848.
Caullery M., Histoire des sciences biologiques. Dans le livre: Hanotaux G., Histoire de la nation française, t. 15, Paris. 1929.
Considérant V., Destinée sociale, t. I, 3-me éd., Paris, 1836.
Considérant V., Système des développements de l'école sociétaire, Paris, 1845.
Dauban Ch. A., Le fond de la société sous la Commune, Paris, 1873.
Deschamps J., Notice sur la carricature après la révolution de 1848, Précédée d'un curieux article de Fr. V. Raspail. Rouen, s. a.
Delaunay P., D'une révolution à l'autre. 1789—1848. L'évolution des théories et de la pratique médicales. Extrait du «Scalpel», 1848. Bruxelles—Paris, 1949.
Delesalle P., Paris sous la Commune. Documents et souvenirs inédits, Paris, 1937.
Dolléans Ed., Histoire du mouvement ouvrier en France de 1830—1871, Paris, 1936.
Dolléans Ed. et Dehove G., Histoire du travail en France. Mouvement ouvrier et législation socialle. T. I, Des origines à 1919. Paris. 1953.
Dubois Fl. et Joubert, Le Médecin de soi-même et des autres, moyen sûr et peu coûteux de prévenir et de guérir toutes les maladies. A l'aide de la Médication de M. Raspail, completée d'après les lumières et l'expérience et combinée avec d'autres proscriptions d'une efficacité reconnue par Fl. Dubois et Joubert, 5-me éd., Paris, 1844.
Dunois, La Commune, Textes et documents, recueillis et commentés, Paris, 1925.
Enquête parlementaire sur l'insurrection de 18 mars. T. 1—2. Versaille, Assemblée National de France, Session 1871, Paris, 1872.
Duquai E., Les grands procès politiques Les accusés du 15 mai 1848, Paris, 1869.
Grimaud de Caux, L'Académie des Sciences pendant le siège de Paris, 1871.

Guérin J., Mémoire sur les difformités du systéme osseux, Paris, 1836.
Он же, Mémoire sur les déviations simulées de la colonne vertébrale et les moyens de les distinguer des déviations pathologiques, presenté à l'Académie Royale de Médicine, mai, 1836, Paris, 1838.
Он же, Mémoire sur l'étiologie générale du strobisme, 2-me éd., Paris, 1843.
Он же, Elements de la chirurgie opératoire, 2-me éd. vol. I, Paris, 1855.
Guiart J., Histoire de la médecine française, Paris, 1947.
Hanotaux G., Histoire des sciences en France, vol. I, Paris, 1929.
Journal des Journeaux de la Commune, Tableau résumé de la presse quotidienne du 19 mars au 24 mai 1871, t. 1—2, Paris, 1872.
Klein M., Histoire des origines de la théorie cellulaire, Paris, 1936.
Lanjalley et Courrier, Histoire de la révolution du 18 mars, Paris, 1871.
Lermina J., Alphonse Baudin, représentant du peuple, Biographie, Paris, 1869.
Louroudeix J. H. Portaits des candidats à la présidence, François Raspail, Paris, 1848.
Malon Benoit, La troisième défaite du prolétariat français, Paris, 1871.
Malon Benoit, L'Internationale. Son histoire et ses principes, Lyon, 1872.
Он же, Exposé des écoles socialistes françaises. Suivi d'un aperçu sur le collectivisme international, Paris, 1872.
Marbeau F., Du paupérisme en France et des moyens d'y remédier, Paris, 1847.
Maric Sreten, Histoire du mouvement social sous le second Empire à Lyon, Paris, 1930.
Mirecourt E., Les contemporains. Raspail, Paris, 1856.
Moilin A., La liquidation sociale, Paris, 1869.
Он же, Paris, en 2000, Paris, 1869.
Nass L., Le siège de Paris et la Commune, 2-me éd., Paris, 1914. Procès des insurgés de la Commune, 1-re Série, Paris, 1871.
Raspail Fr. V., Sur la formation de l'embryon dans les graminées et l'organisation de la fleur, Annales des sciences naturelles, t. 4, Octobre et novembre 1825, mars 1826.
Он же, Nouveau système de chimie organique, fondé sur des nouvelles méthodes d'observation et précédé d'un traité complet de l'art d'observer et de manipuler, en grand et en petit, dans le laboratoire et sur le porte-objet du microscope, 2-me éd., t. 1—3, Paris, 1838.
Raspail's Abhandlungen über die Bildung des Embryo in den Gräsern. Aus franz. von Trinius übersetzs mit 2 Tafeln. S. Petersbourg, 1826.
Raspail Fr. V., Histoire naturelle de la santé et de la maladie chez les végétaux et chez les animaux en général et en particulier chez l'homme; suivie du formulaire pour une nouvelle méthode de traitement hygiénique et curatif, considérablement augmentée, 2-me éd., t. 1—3, Paris, 1846.
Он же, Manuel annuaire de la santé, ou médicine et pharmacie domestiques, Paris, 1845—1873.
Он же, Almanach démocratique et social de l'ami du peuple pour 1849. Lunette de Vincennes, Paris, 1849.
Он же, Réformes sociales, Paris—Bruxelles, 1872.
Raspail Xavier, De la nécessite de l'Amnistie. Insurrection du 18 mars. Ses causes, ses effets et sa repression, Paris, 1876.
Service de santé. Recueil des dispositions concernant ce service et qui sont en vigueur, Paris, 1856.
La République au Donjon de Vincennes. Biographies d'Albert, Barbès, Raspail, Paris, 1848.

Tardieu, Dictionnaire d'Hygiène publique et de salubrité. Paris, 1852.
Trébuchet A., Jurisprudence de la médecine, de la chirurgie et de la pharmacie en France, Paris, 1834.
Troubat J., Un lutteur des temps héroïques, Paris, 1907.
Vermorel A., Biographies contemporaines. Raspail, Paris, 1869.
Watteville A. Essai statistique sur les établissements de bienfaisance, Paris, 1847.
Williams H., A century of Public Health in Britain (1832—1929), London. 1932.

3. *Французские газеты и журналы*

Annales des sciences naturelles, 1825, 1826.
Charité et Justice, 1848.
Comptes-rendus de l'Académie des Sciences, 1846—1848.
Gazette des hôpitaux civils et militaires, 1848.
Gazette médicale de Paris, 1832—1866, 1870.
Journal des débats politiques et littéraires, 1846—1849.
La Bourgeoisie, 1849.
La Commune de Paris, 1848—1849.
La Politique des Femmes, 1848.
La Presse, 1848.
La Révolution sociale et democratique, 1848.
L'Ami du Peuple, 1848, 1—19.
Le Communiste, 1848.
L'Illustration, 1848—1850, 1870.
Le Populaire, 1848.
Le Salut public, 1848.
Revue de deux mondes 1848—1850.
Revue de la nouvelle médicine, 1953.

4. *Газеты и журналы, выходившие в Париже в период Коммуны*

L'Affranchi, Journal des hommes libres, 1871, 1—24.
Ami du peuple, Journal quotidien, Réd. Vermorel, 1871.
Annales d'Hygiène publique et de la Médecine légale, 1871.
Bulletin Communal, Organes des Clubs, 1871, 1 du 6/V.
Bulletin du jour 1871, 1—7.
Journal de Génève, 1871, 103—111, 113, 115, 117, 118, 120—127, 130—149, 151—153.
Journal officiel de la République Française, 1871, 1—88, 90—144.
La Commune, 1871, 7—110.
La Marceillaise. Réd. en chef Henri Rochefort, 1869, 1—30, 1870, 1—51; 1871, 1.
La Montagne, Journal de la révolution sociale. Réd. en chef Gustave Maroteau, 1871, 1, 1bis, 2, 3, 3bis, 4—11, 11bis, 12—22.
La Révolution politique et sociale, 1871, 1—64.
La Sociale. Réd. V. Jacklard, 1871, 3—15.
La Solidarité, 1871.
Le Bien Public, 1871, du 6/III—19/V.
Le Cri du peuple, 1871, 1—83.
L'Egalité, Journal de l'association Internationale des Travailleurs, 1871, 11, 13—14.
L'Etoile, 1871, 6.
Le Mot d'ordre. Réd. H. Rochefort, 1871, 1—86.
L'Opinion nationale. Réd. Géroult., 1871, 1—30/V.
L'Ordre. Journal politique quotidien. Réd. en chef Vermorel. 1871, 1—4.
Le Prolétaire. Organe des revendications sociales, 1871, 2.
Le Rappel. Réd. A. Vacquerie, 1871.
Le Républicain, 1871, 1—84.

Le réveil du peuple, Red. Ch. Délecluse 1871, 1—34.
Le Tribun du Peuple, Réd. en chef Lissagorey, 1871, 1—6.
Le Siège de Paris, (La Commune), 1871, 1—6.
Le Vengeur, 1871. 1 Série: 1—35 (du 3/II—11/III); 2 Série: 1—56 (du 30/III—24/V).
Paris libre. Journal du soir, 1871, 1—43.
Salut Public. Réd. Vermersch., 1871.
Vrai père Duchaîne. Réd. Vallès, 1871.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Якубова Елена Николаевна

ВОПРОСЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1848 ГОДА И ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Редактор *Ф. Г. Рябов*

Техн. редактор *Ю. С. Бельчикова* Корректор *Н. П. Фокина*

Переплет художника *С. Н. Новского*

Сдано в набор 29/X 1956 г. Подписано к печати 9/VII 1958 г.
Формат бумаги $60 \times 92/_{16}$ 4,50 бум. л. 9,00 печ. л. 9,36 уч.-изд. л.
Тираж 1000 экз. Т-07209 МН-53

Медгиз, Москва, Петровка, 12

Заказ 248 2-я типография Медгиза, Москва, Солянка, 14

Цена 4 р. 70 к. Переплет 2 р.